

РУССКОЕ КРУЖЕВО и РУССКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ

Исследование историческое, техническое и статистическое Софьи Давыдовой

ВВЕДЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

ОТДЕЛ I. Кружевное дело в Западной Европе.

ОТДЕЛ II. Кружевное дело в России.

ОТДЕЛ VII. Вологодская губерния. Кружевной промысел в городе
Вологде и в селениях Вологодского уезда.

I. Местоположение и население.

II. Общая характеристика промысла.

III. История промысла.

IV. Внешняя обстановка и производство промысла.

V. Представители личного труда, санитарные и культурные условия.

VI. Сбыт изделий.

*Давыдова С. А. Русское кружево и русские кружевницы :
исслед. ист., техн. и стат. Софьи Давыдовой. – Спб. :
Тип. А.С. Суворина, 1892. – 163 с.*

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящей труд был задуман осенью 1879 года. Наше общество с возрастающим вниманием следило в это время за начавшимся с 60-х годов ревностным изучением всех разнообразных отраслей русского искусства, будь это живопись, архитектура, музыка или предметы промышленности, в которых выражался народный вкус и народное же творчество. Живо интересовавшись всем тем, что было сделано для выяснения вопроса о русском стиле, я, с своей стороны, искала возможности изучить его.

С таким именно намерением я и направилась в Императорскую Публичную Библиотеку в августе 1879 году. Рассматривая книги за книгами в общем вале и не находя в них тех указаний и сведений, которых искала, я решила перейти для занятий в художественное отделение Библиотеки.

Здесь вся обстановка отделения с ее атмосферой труда и учености сильно меня смутили. Тем не менее, обратившись к г-ну библиотекаря, я просила его указать мне на сочинения, которые могли бы меня ознакомить с русским стилем.

По-видимому, обращение это заживо затронуло г-на библиотекаря. Мы стали часто обмениваться взглядами на интересовавший нас обоих вопрос. Г. библиотекарь горячо и убедительно доказывал мне, что изучить какой бы то ни было стиль, не имея определенной задачи, есть занято бесплодное и безграничное, что гораздо полезнее соединить это занято с какою-нибудь специальной и строго ограниченной задачей. Соглашаясь с ним, я, вместе с тем, должна была сознаться, что не останавливалась еще на мысли о выборе какой либо специальной цели. Тогда г. библиотекарь передал мне, что мог бы указать на способ ознакомления с русским стилем, но предварительно желал бы знать, во-первых, могу ли я располагать свободно временем для занятий, во-вторых, имею ли я возможность затратить на дело некоторые средства, и, в-третьих, умею ли я рисовать? На все эти вопросы я отвечала утвердительно, и г. библиотекарь сообщил мне, что давно уже задумывался над разработкой вопроса о происхождении русского кружева, но времени у него не хватало заняться им, и тут же предложил мне взяться за изучение исторического хода развития у нас кружевного дела.

Мысль эта показалась мне крайне заманчивой. Принадлежала она всецело г. библиотекарю, В. В. Стасову, с которым я, таким образом, впервые тогда знакомилась. С тех пор много приходилось мне заниматься в Публичной Библиотеке, много пользоваться советами и указаниями Владимира Васильевича, и я всегда находила в нем ту доброжелательность, беспристрастное отношение к чужому труду и ту строжайшую, но всегда благотворную критику, которая так ободряет человека и заставляет его идти все вперед и вперед.

Решившись взяться за изучение кружевного дела, я должна была прежде всего ознакомиться с литературой кружевного искусства в России и с его многоразличными и многообразными сторонами. Данные, которые мне приходилось просматривать, были двоякого рода. Исторические издания, как то: Летописи, Собрание государственных грамот и договоров, Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества, Полное собрание законов, Акты и исторические дополнения к ним, Акты юридические, Записки Императорского Географического Общества, Описание старинной царской утвари и одежд, Савваитова, Сказания Русского народа, Сахарова, Выходы царя Алексея Михайловича и царя Феодора Алексеевича, Строева, Русские народные картины, Ровинского, Семейство Разумовских, Васильчикова, Древняя российская вивлиофика, Новикова, наконец, книга Забелина: Домашний быт русских цариц, и другие, давали немало ценного исторического материала, но вместе с тем они недостаточно выясняли развитие кружевного дела в России.

Другие же данные, появлявшиеся в течение последних 40, 50-и лет в периодической печати, весьма, впрочем скудные, затрагивали современное лишь положение кружевной промышленности, но не обрисовывали ни исторического хода работы кружев, ни технических приемов ее, ни распространения этой работы среди населения обширного нашего отечества. Еще менее удовлетворительны были рисунки русских кружев. Их почти не существовало, по крайней мере в достаточном количестве, способном выразить развитие кружевной работы.

Что же касается иностранных исследователей кружевного вопроса, то, хотя они и писали о русском кружеве, но их указания, всегда очень краткие, не могли дать никаких существенных сведений относительно происхождения нашего кружева.

В виду такого положения, становилось ясно, что для изучения незатронутых еще вопросов этой отрасли народного искусства, следовало обратиться к самим источникам его, т.е. объездить деревни, села и города, где производство кружев было издавна известно, и где оно и ныне продолжает существовать.

При этом возникало, однако же, немалое затруднение, именно, каким способом снимать рисунки с кружев вообще, но в особенности с тех, которых нельзя было бы ни приобрести, ни с собой привезти в С.-Петербург. Обыкновенное рисование, которым я раньше занималась, могло быть мало полезно в этом случае, так как скорый набросок узора не давал бы достаточной точности в исполнении, тщательное же вырисовывание требовало слишком много времени и не всегда было возможно во время путешествий.

За разъяснениями этих недоумений я обратилась в рисовальную школу Общества Поощрения Художников, классы которой я посещала в течение нескольких месяцев в 1880 г. Занятия в школе не дали мне, однако, желаемых результатов. Я все более и более убеждалась в том, что срисовывание кружевных узоров обыкновенным путем не дает тех отчетливых рисунков кружев, к которым я стремилась, и которые я считала необходимыми для моих целей. Поэтому я обратилась к бывшему директору рисовальной школы, г-ну Дьяконову, и к Д.В. Григоровичу, с просьбой указать мне иной способ рисования кружев. Дмитрий Васильевич, вполне понимая преследуемую мною задачу, сообщил мне весьма любезно о так называемом «Naturselfstdruck», употребляющемся за границею для воспроизведения кружевных узоров, и рекомендовал обратиться к известному нашему фотографу С.Л. Левицкому.

Сергей Львович с величайшею готовностью сообщил мне сведения о названном способе, заключающемся в изготовлении снимков с кружев посредством светописи, и разрешил своему помощнику научить меня всем тонкостям делания и фиксирования кружевных узоров. Подготовившись таким образом к дальнейшим занятиям, я смелее уже думала о том, чтобы взяться за изучение кружевной промышленности на местах производства. В.В. Стасов познакомил меня с Е.Н. Андреевым, бывшим в то время председателем Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, который и предложил мне, как это было между ними условлено, совершить несколько поездок, чтобы изучить положение кружевного промысла в России, для целей Комиссии и согласно выработанной ею программе. Вместе с тем, Е.Н. Андреев нашел возможным несколько облегчить мои занятия, уделив на мои путешествия некоторые средства из имевшихся в распоряжении Комиссии и снабдить меня рекомендательными письмами к лицам, могущим оказать мне содействие при исследованиях.

Отчасти указанные условия, ставившие меня в зависимость от целей, преследовавшихся кустарной Комиссией, отчасти же и отсутствие удовлетворительных данных – были причиной того, что исследования свои я должна была начать без всякой системы и заранее предначертанного плана. К тому же в некоторых губерниях, как например: в Вологодской, Новгородской и Нижегородской, Комиссия уже имела своих сотрудников из местных жителей, взявшихся доставить ей сведения и о кружевном промысле.

Вследствие этого, несмотря на убеждение, что г. Белозерск Новгородской губ. и г. Вологда были исстари центрами особо развитой

кружевной деятельности (о кружевных работах Рязанской губ. в то время мне еще ничего не было известно), начать свою работу с этих северных уголков мне никак не приходилось.

Кустарная Комиссия предложила мне прежде всего заняться исследованием кружевной промышленности в Московской губернии. Туда я и выехала весной 1880 года.

Казалось бы, что некоторая бессистемность в выборе губерний должна была бы повлиять на самый ход работы, лишить ее последовательности и необходимой связи. В действительности, однако, такое положение не имело значения, и вот почему. Знакомство со всеми центрами кружевной промышленности в России привело меня к заключению, что каждый из них живет совершенно обособленной жизнью, не имеющей ничего общего с другими центрами однородной работы, хотя бы они и находились недалеко друг от друга, в одной и той же губернии, вследствие чего никакой прямой связи между ними не существует. Конечно, такая обособленность, замеченная мною всюду, как в северных и северо-восточных губерниях, так и в средней полосе России, затрудняла успешный ход моих занятий особенно потому, что получать вообще какие-либо точные указания даже на местах производства промысла мне почти никогда не удавалось.

Единственные лица, знающие хотя что-нибудь относительно распространенности кружевной промышленности, и то только с очень узкой стороны их личной пользы – это вечно снующие хлопотуньи торговки. Но получить от них какие-либо сведения было делом далеко не легким. И все-таки, благодаря только им, да попадавшимся на пути случайным знакомствам, мне не приходилось втуне проезжать мимо многих весьма любопытных мест кружевного производства, заслуживавших полного внимания, но о которых никто из ближайшей администрации и коренных жителей ровно ничего не знал.

Было бы, впрочем, в высшей степени несправедливо не упомянуть тут же, что равнодушное отношение местного населения к интересовавшим меня вопросам, почти всегда сменялось предупредительностью и готовностью всеми силами содействовать успеху моих исследований, коль скоро возникала необходимость в таком содействии. К сожалению только, оно не всегда приводило к желаемым результатам. Неудача дела, в этом случае, зависел большею частью от не совсем точного понятия или представления о кружеве: его постоянно смешивали с обыкновенными вышивками по выдернутому полотну.

Такое смешение двух совершенно разных рукоделий было причиной того, что, основываясь на общем говоре, я предприняла в 1881 году путешествие по Олонецкой губернии, побывала в Петрозаводске, Вытегре и Пудоже, проехала далеко за Каргополь по дороге к Архангельску, словом, проделала до 1000 верст на перекладной, и в конце концов удостоверилась только в том, что сведения, полученные о кружевных работах олончан, касались крестьянских вышивок; кружевного же промысла в Олонецкой губернии не существовало.

При таких обстоятельствах начать знакомство с кружевной промышленностью с Московской губернии было особенно удобно, так как здесь земство, много потрудившееся для выяснения платежных сил населения, располагало достаточными данными также и относительно распространенности кружевной работы среди крестьян Московской

губернии.

Благодаря любезному участию к моим занятиям профессора Чупрова и В. И. Орлова, основателя земской статистики во многих губерниях России, все данные, имевшиеся в Московской губернской земской управе, были предоставлены в мое распоряжение.

Итак, начав свои объезды весной 1880 года с Московской губернии, я успела посетить в том же году губернии: Рязанскую, Тверскую, Ярославскую, Тульскую*) [Подробные отчеты о кружевном промысле в названных губерниях напечатаны в Трудах Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, в выпусках: V, 1880 г., VII, 1881 г. и X, 1883 г.] и Орловскую**) [Там же, выпуск XV, 1880 г.]. В следующем же 1881 году, я побывала в губерниях: Олонецкой и Новгородской, и вторично в г. Торжке Тверской губернии, где, по поручению Комиссии, должна была ознакомиться с положением «золотошвейного промысла», с «работой в тачку», или «татарской» (шитье из разноцветных кож), и с «тканьем шелковых поясов и туфель»***) [Там же, выпуск X, 1883 г.].

Переезжая из одного центра в другой, я постоянно имела дело с самими мастерицами; мне приходилось входить в их избы и дома, приглядываться к их обстановке, вслушиваться в их рассказы и воспоминания, изучать их нравы и обычаи – словом, пожить с ними их жизнью. И сколько при этом бывало потешных недоразумений, интересных встреч, душевных бесед! Как теперь помню недоуменье крестьянок-кружевниц в селениях Московской губернии, когда я заходила к ним в избы. Одни спрашивали, не швея ли я, другие – не торговка ли, и, наконец не стесняясь все вместе стали разбирать, к какому типу наиболее подходит моя личность. Я прямо отвечала, что покупаю образцы, чтобы выставить их на выставке в Москве, для того, чтобы все видели и знали, какие у нас мастерицы есть, и какое они красивое могут плести кружево. Одна из кружевниц, самая бойкая, выразила тогда свое недоверие следующими словами: «Да не врешь ли ты? Уж это вовсе не для того; в Москве-то видали наше кружево, а это неспроста! Девки, не выдавай; свидетельства заставят брать, и тогда мы и подушки свои побросаем».

В селах других губерний не только дети, но даже взрослые девушки и бабы разных лет, не стесняясь, трогали меня то за платье, то за рукава, и до того близко обступали и тиснили, громко разговаривая между собой, что старостам, иногда сопровождавшим меня, не раз приходилось вмешиваться и высвобождать меня из такого осадного положения. Они то и дело покрикивали: «Ну вы, у, какие грубые! Чего обступили, точно человека не видывали никогда, – ну, куда суетесь»!

Но такие замечания бывали недействительны, и лучшим способом отдохнуть от толков и слишком близкого соседства косматых и любопытных детских головок было взойти в первую попавшуюся избу. Хозяйка ее, в таком случае, сами старались не впускать толпы, все стремившейся лишней раз взглянуть на заезжего человека, предлагали посидеть у них, и вступали в разговоры. Их все интересовало: крестьянки расспрашивали больше насчет моды, крестьяне передавали более об экономическом своем положении, старики же нередко осуждали теперешнее направление молодежи.

Однажды в селе Стубло (Михайловского уезда Рязанской губ.), молодая бабенка обратилась ко мне со следующим вопросом: «Позвольте вас

спросить, не знаю только, как величать-то, сиятельством, аль иначе? – нет ли у вас платья «дамо» (дама), мне бы купить хотелось!» Пришлось сознаться, что платья «дамо» у меня нет. «Ну, может у матушки у вашей есть, я бы купила; у нас ноне без занавески (фартука) из «дама» с золотым позументом хоша и на улицу не выходи, – так уж я бы так вас благодарила». Ее свекор, очень разумный старик, по этому поводу рассказал мне следующее: «В прежнее время, у нас было достаточно земли, ели хорошо, обряд (наряд) носили все из домашнего холста. Ноне земли нам не хватает, а ужо как семья разделится, и вовсе нечего будет есть. Стали не токмо парни, да и девки на заработки ходить, от кружева бегать, и пошло у нас такое щегольство – беда! Парни с торфа приходят в плисовых поддевах и шароварах, в вытяжных сапогах, красных рубахах, да с пустыми карманами. Частенько просто так-таки негодьями и возвращаются, девки хоша деньги домой приносят, да и моду к нам занесли. А у нас мода вот как, из последнего бьются, а не уступят друг дружке». И в самом деле, крестьянки следят, насколько это им доступно, за модой, но не всегда, конечно, удачно. Вот тому маленький пример. Закончив хождение по избам, и ознакомившись, по возможности, с условиями производства и торговли кружевом в селе Новикове (Скопинского уезда. Рязанской губернии), я возвратилась в дом старосты. Здесь старушки захлопотали, желая непременно угостить меня чаем и какими-то праздничными блинами с творогом. Я приняла приглашение, рассчитывая во время чаепития получить некоторые разъяснения по кружевному вопросу и боясь отказом обидеть искреннее радушие хозяев. В горнице было страшно натоплено; приходилось снять пальто. Не успела я скинуть его, как услышала следующее: «Мамка, а мамка, глянь-ка, ведь барыня-то по моде одета; вон на ней какой полонез »! Бедная – она очень ошибалась; на мне был далеко не модный полонез, – но это все равно. Главное же поражало встретить в кругу крестьянок такие познания специальных выражений, касающихся исключительно городских нарядов. «Мамка», между тем, легонько толкала дочку в бок локтем и видимо стеснялась делаемыми ею замечаниями. Вскоре, однако, замешательство ее прошло; мы сели за стол, и в приятной беседе с доброй старушкой хозяйкой мне удалось пополнить сведения о кружевном промысле в г. Скопине и селе Новикове.

Много приходилось мне встречать также талантливых мастериц, даровитых монахинь, словоохотливых, а иногда и чрезвычайно добродушных скупщиц или торговок, видеть маленьких тружениц – девочек 7-8 лет, выполняющих свой урок за кружевной подушкой, из-за которой их самих едва можно было разглядеть. Такое близкое единение, давая обильный материал для наблюдения и знакомства с светлыми и темными сторонами промысла и промышленников, обрисовывая ясно их нужды и недостатки, подвигали меня, однако, весьма мало в исторических изысканиях. Мне приходилось все более и более убеждаться в том, что изучить историю кружевного дела в России можно только на образцах, т.е., что только сравнение образцов кружев разных времен и центров, и тщательное ознакомление с техникой их работы, в состоянии доставить положительные данные. Без них никакие личные пояснения талантливейших мастериц не способны были выяснить ни одного существенного вопроса. Поэтому-то, объезжая губернию за губернией, я всюду старалась заручиться наибольшим количеством снимков с кружев. Частные лица, обыкновенно, с величайшей готовностью предлагали мне для фотографирования свои коллекции кружев, наиболее интересные экземпляры кружевной работы, или же доставляли мне уже готовые фотографии. С особенной благодарностью вспоминаю я о любезном

участии Н. П. Оленина, ознакомившего меня с богатым собранием своим тверских кружев, и разрешившего делать с них «Naturselfdruck», также о предоставленных мне для той же цели г-м Панкратьевым некоторых интересных образцов новгородских кружев и о содействии А. К. Жизневского, основателя Тверского музея, делившегося со мною своими находками старинных кружев, фотографии с которых он всегда мне присылал. Но помимо таких образцов, мне необходимо было заручиться снимками с металлических кружев, составлявших издревле украшение церковных облачений и предметов церковной службы. Ризницы монастырей, соборов и церквей представляли в этом случае необыкновенно ценный и богатый материал, не всегда, однако, доступный, так как для фотографирования предметов, хранящихся в них, необходимо было иногда официальное и специальное разрешение г-на Обер-Прокурора Святейшего Синода. Но и официальное дозволение не всегда помогало делу. Ревниво оберегая предметы, хранящиеся в шкафах, монашествующие братья не разрешали посторонним фотографам дотрагиваться до них, вследствие чего и самое фотографирование предметов затруднялось до крайности. В Троицко-Сергиевской же лавре (близ Москвы) отец ризничий не допускал даже и таких снимков, и мне пришлось дважды ездить в Лавру, специально для того, чтобы получить фотографии с весьма важного для меня кружева, помеченного 1424 годом. И если мне и удалось достать желаемое, то только благодаря монаху-фотографу, взявшемуся исполнить мой заказ. Ввиду таких затруднений, а вместе с тем и полной невозможности для меня лично объездить все те монастыри, церкви и соборы, где находились кружева разных времен и различного вида, чрезвычайно важными помощниками мне явились фотограф И.О. Барщевский и художник И.И. Гарденин. Первый уже давно заслужил известность своими богатыми сборниками фотографий. Замечательно предприимчивый и, к тому же, чрезвычайно чуткий ко всему тому, что имеет значение в художественном отношении и носить характер национального творчества, будь это архитектура, резьба по дереву, металлические оклады на образах, вышивки, или кружева, г. Барщевский не щадил ни своих небольших средств, ни сил, для того, чтобы увековечить фотографией все то, что ему удалось видеть в его многочисленных странствованиях по России, причем особенного его внимания заслуживали монастыри, церкви, соборы, ризницы, разные музеи, а также частные коллекции различных предметов русской старины. Второй, т.е. художник Н. Н. Гарденин, чрезвычайно обязательно взялся осмотреть и выбрать для меня разные предметы в ризницах Киевских соборов и заказать для меня фотографии с кружев, украшающих эти предметы. Таким образом, у меня постепенно составилось весьма богатое собрание рисунков старинных и новейших кружев. Помимо таких рисунков, мне удалось составить богатые коллекции образцов кружев. Одна коллекция была приобретена мною на средства Кустарной Комиссии для ее музея; она состояла преимущественно из кружев новейшей работы и служила как бы выражением искусства современных нам кружевниц в России. Другая коллекция была составлена исключительно из кружев Московской губернии для кустарного музея Московского Земства, по просьбе В. И. Орлова и желанию г. Наумова, председателя Московской земской Губернской управы, на средства последней. Наконец, третью коллекцию я составила лично для себя, приобретая постепенно более замечательные экземпляры кружев старинной и новой работы.

Однако, не удовлетворяясь всем этим, и желая достигнуть всестороннего изучения вопроса о происхождении русского кружева, я нашла, что собранный мною материал требует еще некоторой особой

разработки, а именно сравнения с кружевными работами других стран.

Совместное изучение исторического развития кружевного дела в России и в Западных государствах, а также знакомство с жизнью, с деятельностью и с недостатками в работе современных нам наших кружевниц, так пагубно отражавшимися на состоянии кружевной промышленности, навело меня на мысль о необходимости прийти на помощь промыслу и промышленникам. Безграничное же доверие, с каким наши мастерицы всегда обращались ко мне, их беспомощность, бессознательность в действиях, словом, их темное существование, казалось мне, налагали на меня нравственную обязанность позаботиться об них, и я решилась, во что бы то ни стало, побывать за границей, и там на месте изучить все способы, применяющиеся для поднятия кружевного промысла.

Осуществить задуманный план мне удалось в начале 1882 года. Италия в этом случае представляла особый интерес. И в самом деле: некогда процветавший в ней кружевной промысел одно время совершенно упал и заглох, и только лет 19-20 тому назад вернулся опять к жизни усилиями высшего общества и устройством близ Венеции школы кружевниц, находящейся под высоким покровительством королевы Италии Маргариты. О возникновении этой школы и деятельности Общества мне сообщил В.В. Стасов, указывая на то, что и у нас хорошо было бы устроить такое же учреждение, которое заботилось бы о совершенствовании работы наших кружевниц.

Кроме кружевных школ и мастерских в Италии, я осмотрела еще школы кружевниц в Вене и посетила в Берлине мастерскую, из которой выдаются заказы на кружева в селения горной Силезии, и старалась не упускать случая ознакомиться также и со всеми теми мерами, какие были одновременно предпринимаемы правительствами в разных государствах западной Европы для поднятия кружевной промышленности.

Подробные очерки кружевного дела в селениях близ Генуи, в Венеции и в Силезии напечатаны в IX выпуске Трудов Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России за 1883 г., здесь же скажу только, что, присматриваясь за границей к жизни мастериц, к их стремлениям и результатам деятельности общества и правительств, я убедилась в правильности предположений о том, чего нам желать для наших кружевниц, и с новой энергией принялась за работу. Мысль об устройстве в Петербурге школы для совершенствования работы кружев провинциальных мастериц, для обучения их рисованию и возобновления некоторых приемов плетения, составлявших красоту и отличительные черты нашего старинного кружева, но совершенно утраченных современными плетями, а также и для установления более правильных торговых сношений между мастерицами и торговками – мысль эта более не покидала меня. Вместе с тем, для полного ознакомления с центрами кружевного производства в России, мне необходимо было проехать еще в губернии: Вологодскую, Вятскую, Казанскую и Нижегородскую*) [Подробные отчеты о кружевом промысле в губерниях Вологодской, Вятской и Казанской напечатаны в Трудах Комиссии по исследованию куст. пром. в России, выпуск XV, 1886 г. В общей сложности, для обозрения мест, где кружевной промысел издавна существует, мне пришлось сделать в России свыше 15,000 верст, пользуясь то железными дорогами и пароходами, то тарантасами и перекладной]. Туда я и выехала весной 1883 года.

Несколько раньше я занялась разработкой плана устройства школы кружевниц, сообщала о нем Е.Н. Андрееву, который очень сочувственно относился к моей мысли, но содействовать осуществлению ее не мог. Кустарная Комиссия располагала тогда столь незначительными средствами, что для поездки за границу и на путешествие по России, предпринятое мною в 1883 году, ничего не могла мне уделить, и я должна была на свой счет объездить все названные места. При таких условиях, я решилась воспользоваться моими сношениями с покойной баронессой Эдитой Федоровной Раден, живо интересовавшейся исследованиями кружевной промышленности в России. Я просила ее «полюбить моих кружевниц» и содействовать учреждению в С.-Петербурге школы согласно выработанному мною плану, для улучшения кружевной работы в Империи. Известность, какой пользовалась баронесса Раден, как деятельная участница в лучших начинаниях великой княгини Елены Павловны, ее светлый и вполне государственный ум, редкая доброта и отзывчивость ко всему тому, что могло принести пользу России, служили ручательством в том, что ее старания относительно устройства школы кружевниц достигнуть желаемых результатов. К тому же баронесса Раден, исполняя особо возлагавшиеся на нее поручения, касавшиеся женских заведений ведомства Императрицы Марии, имела возможность доводить до сведения Государыни Императрицы о нуждах русского народа, что и вызвало в 1883 году со стороны Ее Императорского Величества желание, чтобы школа кружевниц была учреждена. Средства на содержание школы были назначены г-м министром финансов Николаем Хриштановичем Бунге, оценившим вполне все значение вновь учреждаемого заведения для одной из наиболее выдающихся отраслей кустарного производства в России.

Таким образом, в результате моих занятий с 1879 года, по изучению истории кружевного дела в России и собиранию материалов на местах производства кружев, явилось основание школы кружевниц в С.-Петербурге. Настоящий же труд удостоился в 1885 г. присуждения Императорской Академией Наук премии митрополита Макария.

По содержанию своему труд мой разделен на две части. Первая предназначена историческому обозрению развития у нас в России кружевной работы; ему предпослан беглый очерк истории кружев в западных и южных государствах Европы. Вторая часть посвящена очеркам производства кружев в разных центрах, описанию техники приемов плетения, рисункам кружев и своду общих статистических сведений относительно численности мастериц по районам и количеству выделяемого ими кружевного товара. Приложенный к настоящему исследованию атлас, состоящий из 77 таблиц с 270 рисунками, представляет подбор кружев в исторической последовательности развития у нас кружевной работы. Составление этого атласа стоило немало, и к тому же продолжительного, труда. Вследствие вышеизложенных причин, фотографии, снятые с кружев, находившихся в шкафах, за стеклом, в ризницах, выходили мутными и весьма часто крайне пятнистыми. Ежели я и могла ими воспользоваться для моих целей, то только благодаря удивительному искусству и участливому отношению к делу Г.П. Скамони, заведующего фотографическим отделом Экспедиции заготовления государственных бумаг, где рисунки печатались, и достойного его помощника мистера Честермена. Оба они всячески добивались возможности извлекать узоры из самых тусклых и плохих фотографий.

Составившийся, таким образом, труд является первой попыткой соединить в одной общей картине все, что мне удалось узнать и изучить по

отношению к существующему в России кружевному рукоделию. Работа эта имеет в народной жизни большее нравственное и экономическое значение, чем это можно было бы предполагать, принимая во внимание предмет изучения, т.е. кружево, не составляющее само по себе насущной потребности в жизни человека и представляющееся нам всегда лишь как роскошь самого суетного свойства.

Не могу не сказать здесь же, что исполнением настоящего исследования о кружевом деле в России я много обязана содействию лиц, об участии которых я имела случай упомянуть выше и которые всегда очень сочувственно относились к моим занятиям. К числу особенно доброжелательных лиц, о которых я вспоминаю с величайшею признательностью, принадлежали также покойные Василий Александрович Прохоров и брат мой, Владимир Александрович фон Гойер. С В.А. Прохоровым я познакомилась по совету В.В. Стасова, который, хотя и не разделял вполне взглядов Василия Александровича, однако считал знакомство с таким замечательным ученым и знатоком русской старины весьма полезным для меня.

Прохорова я застала уже очень больным (это было весной 1880 года) и, тем не менее, он с большим вниманием отнесся к преследуемой мною задаче. Он показывал мне издания свои «Христианских древностей и археологии» и «Русские древности», пояснял связь русского искусство с византийским, и перечислял те предметы, с которыми мне полезно было ознакомиться в созданном им музее христианских древностей. Но, чтоб было для меня особенно ценно, Василий Александрович посвящал меня в те трудности, какие ожидают исследователя народной жизни и промышленности, и советовал приступать к делу просто, без всяких заранее предвзятых мыслей относительно того, что приходится видеть и слышать среди наших кустарей.

Брат мой, В.А. фон Гойер, своей любовью ко всему национально-русскому сильно влиял на решимость мою взяться за изучение русского кружева. Он же первый указал мне на обширные центры кружевной промышленности в Рязанской губернии, о которой до тех пор никаких сведений нигде сообщаемо не было, и прислал мне замечательные образцы старинных шелковых рязанских кружев, доказывавших все значение, какое Рязанская губерния имела в историческом развитии кружевного дела в России.

Нередко и в поездках моих я встречала людей, горячо относившихся к преследуемым мною задачам, и потому теперь, когда труд мой представляется на суд публичный, я считаю своим сердечным долгом публично же выразить мою благодарность всем, кто сколько-нибудь способствовал выполнению его. Пусть каждый, кто когда-либо помогал мне словом или делом, указанием или участием, читая эти строки, найдет в них и для себя мое искреннее спасибо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.**

ОТДЕЛ I. **Кружевное дело в Западной Европе.**

Кружевом называется сетчатая работа, простая, без всяких узоров, или же наполненная орнаментами, и выплетенная из ниток. Нитки,

употреблявшиеся для этого рукоделия, бывали очень разнообразны у разных народов и в различные эпохи. Между ними находились золотые, серебряные, шелковые, льняные, бумажные, шерстяные, и даже, в некоторых местностях Италии, нитки из алоэ.

Кружево разделяется на две главных категории: кружево, шитое иголкой, и кружево, плетеное на коклюшках (тоненьких точеных палочках). Один из новейших писателей о кружеве, Гастон Лебретон, говорит, что «первая из этих категорий относится ко второй, как кованое железо к литому чугуну». Но к этому определению он тут же прибавляет другое, еще более справедливое и важное, а именно, что с первых еще времен своего существования в новой Европе, кружево нитяное, шитое иголкой, было принадлежностью аристократии, а кружево, плетеное на коклюшках, употреблялось более всего мелкой буржуазией и народом.

История европейского кружева, как она исследована в настоящее время, представляет историю переходов этого производства от одного народа к другому. Первоначальных кружевных центров было в Европе, согласно мнению лучших писателей, всего два: Италия и Нидерланды. Все остальные страны Европы, одни непосредственно, а другие посредственно, научились кружевному производству от Италии и Нидерландов, которые, впрочем, и сами до известной степени обменялись друг с другом своими изобретениями по этой части. Ни одна европейская страна, кроме тех двух (и, конечно, кроме России, почти вовсе неизвестной западным писателям в отношении кружева), не изобрела ничего первоначального, коренного, в деле кружева, и только, восприняв однажды итальянское или нидерландское изобретение, они развивали, распространяли, видоизменяли его производство посредством новых форм и подробностей, согласно со своим национальным вкусом, духом, бытовыми и орнаментальными потребностями.

В истории русского нитяного кружева мы замечаем нечто подобное. И здесь тоже существовали две категории: одни кружева имели у нас характер аристократический, другие характер народный, и, что при этом особенно замечательно, первые из этих кружев не были самостоятельными: они являлись подражанием иностранных образцов, были повторением чужеземных производств, тогда как кружева второй категории, т.е. кружева, преимущественно бывшие в употреблении у самого народа, оказываются в большинстве случаев ниоткуда и ни от кого не заимствованными, такими кружевами, которых происхождение не может быть выведено ни из каких чужеземных образцов. Но эти две категории не находятся у нас, в России, в зависимости от разделения кружева на шитое иголкой и плетеное на коклюшках, как это бывало везде в Европе. В этом отношении у нас существовали свои особенные условия и обстоятельства.

Итак, имея в виду, что русское кружево распадается на две главных категории, из которых одна состоит из кружева заимствованного, мы начнем наш исторический обзор именно с него, с кружева заимствованного, и для этого в кратких чертах изложим ход развития всего вообще кружева в Западной Европе.

I.

Историки западного кружева, несмотря на всю обширность и давность литературы этого предмета, все-таки даже и до сих пор не пришли к окончательному и единогласному решению вопроса: откуда именно ведет

свое происхождение европейское кружево? Одни полагают, что кружево происходит по прямой линии от вышивок золотом, серебром, шелком и шерстью, которыми любили украшать свои одежды и ткани все народы, начиная с самых древних времен. Подобными вышивками славились не только римляне и греки, но даже и несравненно более древние их предшественники, в Азии и Африке: малоазиаты, персы, индийцы, евреи, египтяне. Но, говорят эти писатели, кружево так родственно с разного рода вышивками и плетениями, до того воспроизводит совершенно одинакие с ними формы и узоры, что нельзя сомневаться в том, что кружево есть ничто иное, как позднейший потомок вышивального и плетеного мастерства, прямой их результат. На этом основании, многие из лучших историков кружева начинают свои книги или статьи вступлением, где перечисляют сохранившиеся до нашего времени сведения об этих производствах у древних народов 1) [Mrs. Bury Palliser. A history of lace, third edition, London, 1875; Segnin, La dentelle, Paris, 1875; Grand Dictionnaire Universel du XIX-me siecle, par Larousse, vol. VI, article: «Dentelle», Paris, 1870]. Они указывают на частые упоминания о вышивках в Библии 2) [Например Исход, главы XXVI-XXVII: «завеса из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона узорчатой работы»; XXVIII: «одежды Аарона из золота, голубой, пурпуровой и червленой шерсти, и крученого виссона, искусной работы»; Псалом XLIV: «одежда царевны шита золотом»; Книга Судей, глава V: «разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон», и т. д.], к чему прибавляют, что, без сомнения, эти вышивки сопровождалась чем-то вроде кружев, так как их можно различать на египетских фресках, в похоронных склепах, где парадные одежды украшены какими-то петельчатыми кружевообразными орнаментами 3) [Словарь Ларусса, т. VI, стр. 455-0; Palliser, A history of lace, стр. 2; Лебретон, стр. 200. К этому мы со своей стороны можем прибавить, что в египетском отделении С.-Петербургского Эрмитажа сохраняются небольшие куски древнеегипетской материи, покрытые искусною и тончайшею вышивкою, по технике напоминающей вышивания, делаемые помощью тамбурного крючка], а евреи во всех своих технических производствах много заимствовали от египтян, в том числе и производство вышивания, как это видно также из разных мест Библии 4) [Пророк Исайя, главы XXVII и XXVIII]. Они указывают далее на многие страницы Илиады и Одиссеи, где говорится об изящных и искусных вышивках древних греков 5) [Илиада, песнь V, ст. 337-8; песнь VI, ст. 289-295; песнь VIII, ст. 585-6; Одиссея песнь II и др.]; на то, что у фригийцев искусство вышивания стояло на такой высокой степени совершенства, что вообще всякое превосходное вышивание получало в древности название «Фригийского» 6) [Лексикон Ларусса, стр. 457; Лебретон, стр. 4: «Известно, что фригийцы очень прославились своим искусством плести галун, вышивать ткани и украшать их бахромой; поэтому многие приходили к вопросу, не знали ли фригийцы кружево, которое есть ничто иное, как сквозная вышивка»]; что у римлян было в большом употреблении плетение из золотых нитей, и, наконец, что до нас дошли даже такие произведения древней скульптуры, по которым нельзя не заключать о знакомстве древних с чем-то вроде кружев: в этом случае всего чаще указывали на рисунки расписных ваз 7) [Digby Wyatt, The industrial arts of the XIX century, London 1853, vol. II, текст к таблице CXLVI: «Авторитетнейшие писатели по части кружева трактовали вопрос о том, состояла ли «lacinia» древних (откуда французское слово lacin, английское lace, кружево) из кружева шитого иголкой, или из сквозных только вышивок? Лучшим указанием, в настоящем случае, являются рисунки расписных ваз из Нолы, очень явственно указывающие, что «lacinia» состояла из вышивок по краям одежды и из бахромы, образованной из распущенных и потом сплетенных в узор нитей материи»]

и на небольшую статую Дианы, открытую в прошлом веке в Портичи и находящуюся теперь в Неаполитанском музее: у этой статуи края одежды обшиты цветным (раскрашенным по мрамору) орнаментом, сильно похожим на кружево. Некоторые западные писатели производили европейское кружево из Византии, откуда, по их мнению, Европа узнала это производство еще в течение средних веков. «Не может быть сомнения в том, говорит Дигби Уайатт, что византийским грекам были известны все способы роскошнейшего вышивания, так как в продолжение долгих столетий производились богатейшие и тончайшие разукрашенные одеяния для придворно-государственного парада и возвеличения церкви. От греков, бежавших в места греческих поселений в Италии, во времена иконоборческих смут, жители этих стран, по всей вероятности, заимствовали искусство вышивания. Поэтому-то мы несколько не удивляемся, встречая на картинах, статуях и барельефах старинных флорентийских и сиенских художников (живописцев и скульпторов) намеки на существование и распространенное употребление всех разновидностей шитого иглой кружева. Мы узнаем тут не только оригинальную бахрому древних, даже и до настоящего времени употребительную у крестьян Калабрии, но и сквозную работу, похожую на кружево, которая образовалась посредством того, что были вырезаны некоторые части тонкого полотна, место которых забрано потом, в геометрический узор, нитками. Что оба эти рода производства были предшественниками кружева, доказывается тем, что образчики первого из них часто встречаются в картинах живописцев XIV и XV века, а изображения настоящего кружева не появляются ранее начала XVI века. Некоторое подтверждение теории византийского кружева встречается еще и в работе кружева в Италии, где до сих пор возможно проследить самое раннее развитие этого рукоделия в местностях, находившихся в ближайших торговых сношениях с Византийской империей, а именно в Венеции и Генуе, где искусство это особенно процветало в первое время своего появления».

Еще иные западные писатели старались доказать, что итальянцы научились искусству вышивания (от которого прямо произошло потом кружево) от сицилийских сарацинов, и что точно также испанцы выучились тому же от гранадских или севильских мавров. Сильным подтверждением, в этом случае, служило им то обстоятельство, что в самых старинных печатных книжках с узорами, начала XVI века, многие узоры для кружева называются «мавританскими» (*moresco*), «арабскими» и вообще «восточными». Наконец, было немало и таких писателей, которые указывали на золотые и шелковые галуны, на золотые, шелковые плетенья, которыми были украшены одежды многих личностей, погребенных в разных местностях Европы еще в первые столетия средних веков, и которых гробы были открыты и раскрыты в прошлом или нынешнем столетии: эти писатели утверждали, что эти галуны и плетенья такие произведения, которых первоначальные узоры идут вглубь времен и восходят даже до эпохи «железного века» и свайных построек 1) [Palliser, стр. 2-3; Worsae, *ibid.*].

Но против подобных иноземных влияний восставали также многие западноевропейские писатели. «Как могли учить других кружевному искусству арабы и мавры (вообще восточники), восклицает г-жа Паллизер, когда этого искусства они не знали и сами? За исключением турецкой работы крючком (ойя) и некоторых китайских и персидских работ иглой по сетке и по выдерганной нитке, нет нигде на Востоке, во всех их производствах, ничего сколько-нибудь подобного кружеву».

Профессор Ильг, один из лучших в Европе знатоков всех художественно-промышленных производств, является, в своем замечательном сочинении о кружеве, также самым решительным противником неевропейского происхождения кружева. Он признает, что, конечно, по многим причинам, в том числе по развитости всяческой техники у греков и римлян, легко можно было бы предполагать у них и умение плести кружево, которому ближайшим первообразом, совершенно естественно, могли бы послужить рыбацьи сети или сетевидные украшения, часто покрывавшие голову древних женщин. «Но, говорит он, иные, собственно художественные соображения не позволяют приписывать классическим народам изобретение и употребление кружева – вследствие присущего древним, прежде всего и во всем, принципа статуарной ширины и значительности. Кружево, невзирая на все свое изящество, должно было им казаться чем-то довольно мелкими, и незначительным»¹⁾ [Ilg, *Geschichte und Terminologie der alten Spitzen*. Wien, 1875. стр. 5]. При таком воззрении на дело, профессор Ильг не допускает того толкования, которое объясняло одно место у Плиния, как прямое свидетельство в пользу производства чего-то в роде шелкового кружева древними народами. Описав способ снятия с шелковичных деревьев, у сирийцев, нитей, выпряденных шелковичным червем, и упомянув, что при этом нити оказываются совершенно перепутанными, Плиний говорит: «От этого нашим женщинам предстоит двоякая работа, сначала распутывать эти нити, а потом снова их сплечь». Ильг считает, что тут дело идет просто о ткани шелковых материй, – в подкрепление своей мысли он ссылается на то, что ни один древний рисунок, ни одна фреска, ни одна скульптура греческого или римского происхождения не указывает на знакомство классических народов древности с кружевом. Узор на краях одежды у архаической Дианы Неаполитанского музея (о которой говорено выше) он считает просто вышитым узором, между прочим потому, что этот узор не белый, а цветной ²⁾ [Там же, стр. 5. Заметим здесь вскользь, что профессор Ильг странным образом как-то забывает, в этом месте, что даже и до нашего времени, всегда, у всех народов, в употреблении бывало много цветного кружева. Почему же не могло быть цветного кружева и у древних греков, и на одеждах их божеств?].

Сведения о золотых кружевах, найденных в средневековых могилах, он признает «сомнительными», а в происхождение кружев с Востока еще решительнее не верит, объявляя, как и г-жа Паллизер, что для этого нет среди художественно-промышленных производств Востока никаких фактов и примеров ³⁾ [Там же, стр. 7].

«Кого заставят верить, восклицает Сегэн, что люди Востока, знаменитые своею неподвижностью в деле промышленности, знали кружево? Из этого, следовательно, выходит, что они перестали делать кружево тотчас же после того, как европейцы переняли его у них?»⁴⁾ [Seguin, стр. 10]. «Кружево, объявляет в своем заключении профессор Ильг, есть дитя веселой, художественно-радостной эпохи Ренессанса в Италии, создание нового времени, самой художественно-богатой, со времен древности, эпохи» ⁵⁾ [Ilg, стр. 7]. К тому же заключению приходит и Сегэн. «Нечего в том сомневаться, говорит он, происхождение кружева не восходит за пределы XVI века ⁶⁾ [Сведения, приводимые ниже, указывают нам на более раннее появление работы плетеного кружева. Так, в Швеции она существовала в 1336 г., в Англии в 1363 г., во Франции плетение кружев было известно в 1408 г., но ни профессор Ильг, ни Сегэн не приняли во внимание этих указаний. Между тем в церкви св. Петра в Лувене находится картина, изображающая молодую девицу, занятую плетением кружев на

коклюшках. Картина помечена 1495 г. и служит неоспоримым доказательством существования этой работы в Нидерландах уже в XV ст.]. Надо только изумляться упорству писателей об этом предмете, которые непременно хотят приписать кружеву происхождение фантастическое, или неизвестное, и идут до времен отдаленнейшей древности, тогда как самый глубокий невежда может убедиться в невероятности их положений, взглянув на любой сборник старинных костюмов». И вслед за тем, на основании изображений европейских костюмов, Сегэн старается доказать, что ранее царствования Генриха II во Франции, кружево не было известно в Европе⁷) [Seguin, стр. 10-13].

Которая из двух сторон права – до сих пор в среде европейской литературы не решено. Но зато с несравненно большею удовлетворительностью разработана история кружева в разных странах Европы, начиная с эпохи Ренессанса, т.е. с того времени, когда кружево, наполненное рисунками современного вкуса и стиля, сильно вдруг распространилось и стало повсюду входить во всеобщее употребление.

II.

1) [Настоящий параграф составлен преимущественно по сочинениям г-жи Паллизер и профессора Ильга, но с прибавлением сведений из других еще сочинений]

Краткий очерк истории иностранного кружева мы начнем с Италии, заслужившей столь большую известность своими кружевными изделиями, шитыми иголкой.

Особенную славу приобрело венецианское кружево своими шитыми points, достигнувшими необычайной красоты и изящества в первой половине XVII столетия. Оно вышивалось преимущественно в монастырях, во дворцах и замках. Для усовершенствования его немало трудились современные художники, издававшие уже в то время книги с рисунками для таких работ. Из всех, до сих пор самых известных, первые принадлежат карандашу Николо Аристотеля, по прозванию Zoppino, Бурато и Паганино. Они все относятся к 1527 году. Насколько известно, в течение полутора столетий, считая с начала XVI века, разными итальянскими художниками было издано до двадцати двух книг с узорами для всякого рода кружевных изделий 2) [Вот имена главных авторов и издателей XVI века, с годами появления их сборников: Niccolo Zoppino, 1527; Burato, 1527; Paganino, 1527; Zoppino, 1530; Tagliente, 1534; Zoppino, 1537; Pagan, 1546; Vavassore, 1546; Pagan, 1550; Ostans, 1557; Serena, 1564; Franco, 1596. Венецианский книгопродавец Онгания издал со всех с них и с некоторых других, XVII в., верные гелиотипические снимки, в 1877-80 годах]. Почти одновременно с зарождением кружевных работ в Венеции, мастерство это перешло и в другие города Италии. Так, Генуя скоро отвоевала себе известность своими знаменитыми гипюрами, белыми и черными, а также золотыми и серебряными кружевами, плетеными на коклюшках. Тут же встречались кружева, узор которых был точно выложен бесконечной тесьмой. Искусство выделывать золотые нитки, известное этрускам, развилось в Италии в XIV ст. Генуя стала первая подражать кипрским золотым ниткам. За нею последовали Лукка, Венеция и позже Милан.

Наравне с Генуей славился город Альбиссола, где особенно процветало производство кружев из разноцветных шелков, сбывавшихся

преимущественно в Испанию, в Кадикс, Мадрид и Севилью. Сохранившиеся сколки, сделанные на пергаменте, помечены 1577 годом.

Первые кружева, изготовленные в Милане, относятся к 1493 г. Город этот производил для Италии, а частью и для остальной Европы, преимущественно шелковые кружева с золотой и серебряной ниткой.

Изготовление золотой нитки прекратилось в Милане в конце XVII столетия.

Флоренция, Неаполь с островом Искией и Папские владения менее выделялись своими кружевными изделиями, хотя слово «merli» (кружево) уже в 1520 году встречается в одном флорентинском стихотворении, что дает некоторое право предполагать, что рукоделие это было там известно уже с конца XV или начала XVI века. Наибольшего внимания заслуживали кружева Флоренции «a relief».

В Неаполе кружево изготовлялось уже в конце XVI стол., и было предметом значительной торговли; в XVII веке, в виде особой специальности, там изготовлялись кружева черные, выплетавшиеся из шелка с примесью бисера. На острове же Искии и в Папских владениях плели преимущественно белое, довольно грубое и простое, нитяное кружево.

Наиболее характерное из таких кружев, хотя и толстое, выплетавшееся на острове Искии, отличалось узором, как будто выложенным бесконечной тесьмой.

Переходя к Испании, надо прежде всего заметить, что изготовлявшиеся там кружева пользовались столь же большой славой, как и кружевные изделия Италии.

Предание гласит, что искусство шить кружева было занесено из Италии в Испанию. Умение это Испания, в свою очередь, передала Нидерландам, откуда заимствовала способ плетения кружев.

В 1492 г. уже упоминается о шитых золотых и серебряных с разноцветными шелками кружевах в Испании. Готовили их в Барселоне, Валенсии и Севилье.

В Барселоне, кроме того, плели белые и черные кружева, блонды из шелка и нитяные.

Пристрастие испанского населения к кружеву было так велико и так много тратилось испанцами денег на подобные украшения, что король Филипп III издал, в 1623 году, запрещение носить их. Хотя такой закон и помог благотворно отразиться на кружевной промышленности Испании, тем не менее, она в XVII веке еще процветала, снабжая другие страны своими изделиями, и только около середины XVIII стол., стала, видимо, приходить в упадок 1) [Чтобы дать некоторое понятие о вывозе кружева из Испании, укажем на французский корабль, захваченный английским крейсером в 1745 году. На нем находился груз золотых и серебряных кружев, стоимостью в 100,000 ф. стерл., что составляет 1.200,000 р. по номинальной стоимости фунта стерл.].

Первые мастерицы, занимавшиеся в Португалии кружевными работами и

заимствовавшие их от испанцев, были монахини и знатные дамы. По типу, португальские кружева составляли средину между испанскими и венецианскими изделиями.

По-видимому, в Португалии страсть к употреблению кружев была настолько пагубна, что правительство этой страны решилось издать, в 1749 г., запрещение носить кружева. Однако, после страшного землетрясения 1755 г., когда понадобилось поднять экономическое положение населения близ Лиссабона, кружевная промышленность, благодаря частной предприимчивости, получила новое развитие.

В Нидерландах делали плетеное на коклюшках кружево. Изобретение последним оспаривается Нидерландами у Италии. Один из бельгийских археологов, барон Рейфенберг, сообщает по этому поводу, что женщины в Нидерландах носили головной убор из кружев уже в XIV стол., что население этой страны было спасено от разорения одними кружевными работами и, наконец, что все остальные страны Европы заимствовали это искусство у нидерландский, жителей.

Другое доказательство, приводимое обыкновенно в этом случае, есть следующее: на хорах в церкви св. Петра, в Лувене, находится картина Квентина Матсиса, помеченная 1495 годом, изображающая молодую девицу, занятую плетением кружев на коклюшках. Несмотря на всю наглядность последнего указания, вопрос о том, кому принадлежит честь изобретения плетения кружев, северу или югу, остается все еще не решенным. Несомненно, однако же, то, что в Нидерландах кружевному промыслу, с самого начала его появления, придавали такое важное значение, что уже Карл V нашел необходимым издать повеление: учить этому рукоделию в школах и в монастырях. При этом различные города и провинции выработали себе известный рисунок для шитья и плетенья кружев.

Не вдаваясь в подробные описания их, скажем только, что тип их был один и тот же, так как во всех кружевах, изготовлявшихся в Нидерландах, в Голландии, в Брюсселе (Брабанте), Генте, Брюгге, Куртрэ, Бинче, Валансьене-Ипер, Мельхене и др., преобладающим мотивом рисунка являлись цветы (натуралистически выраженные), причем орнаменты служили лишь дополнением рисунков, а фигуры человеческие и разные звери встречались в них очень редко.

В XVII стол., нидерландские кружева разных видов до того завладели рынками в Англии и Франции, что правительства этих стран, испугавшись баснословных сумм, выплачивавшихся потребителями кружевных произведений за границу, решились запретить дальнейший их ввоз. В 1662 г. английский король Карл II выписал из Брюсселя несколько кружевниц для усовершенствования кружевного промысла в Англии.

Дело это, однако, не привилось, и брюссельское кружево продолжало ввозиться контрабандой в Англию, где его продавали под названием «point d'Angleterre» 1) [О размерах такой контрабанды можно судить из следующего. В 1678 г. был захвачен корабль с нидерландскими кружевами, на котором оказалось 744,053 локтя кружев, кроме платков, воротников и т.п.].

Впрочем, не одна Англия и Франция старались ограждать себя законами от слишком большого наплыва иностранных кружев. Императрица Мария

Терезия, в 1770 г., нашла также необходимым запретить ввоз в свои владения голландских кружев (Dutch), производство которых было сравнительно вовсе не так велико, так как Голландия в это время более славилась своими прекрасными нитками, вывозившимися во все страны Европы, где кружевной промысел уже существовал, нежели кружевом, отличавшимся особенной плотностью, и употреблявшимся голландцами преимущественно для украшения стаканов, кружек и даже молотков у входных дверей при семейных торжествах.

Несмотря, однако же, на сильное распространение кружевной работы во Фландрии и Бельгии, промысел этот, находившийся всегда в полной зависимости от моды, подвергался нередко сильным колебаниям.

Появление кружев во Франции относят к 1408 г., в Веле (Velay) в Лангедоке 2) [Larousse, Grand dictionn. univers. du XIX-e siecle, т. VI, стр. 457].

До начала XVI столетия о кружевных произведениях во Франции мало известно. В это время туда много их ввозилось из Испании, Италии и Нидерландов.

Роскошь в нарядах, вместе с тем, развивалась так сильно, что целые состояния уходили на покупку кружев и вынудили Людовика XIII издать, в 1613 г., закон, которым предполагалось положить конец такой разорительной склонности. Мера эта не привела, однако ж, к желанным результатам. В 1660 году министры Людовика XIV, Мазарини и Кольбер, с этой же целью побудили короля издать эдикт, запрещающей ввоз каких бы то ни было чужестранных кружев. Но вполне понимая, что никакие узаконения не в состоянии сдерживать роскошь, вошедшую в плоть и кровь французского общества, а вместе с тем желая сохранить для Франции все капиталы, вывозившиеся до того времени за границу, в уплату за кружева, Кольбер решил развить и довести до совершенства кружевную промышленность во Франции же. Его старания, энергичные и настоятельные, положили начало промышленности, охватившей, как бы сетью, несколько городов и провинции, где до этого времени о кружевной работе ничего еще не знали. Таким образом возникли кружевные центры на разных пунктах Франции: в Дюкене, Иль-де-Франсе, Реймсе, Седане, Шатотиерри, Лудене, Кане, Гавре, Байё, Диеппе, Тюне, Валансиене, Аржантане, Лилле и т. д. Кроме того, в Париже, и особенно в Лионе, готовились кружева, напоминающие прежние *rassements* (галуны), из серебряной и золотой нитки, называвшаяся «гипюрами». Для первоначального обучения кружевному рукоделию, Кольбер выписал несколько мастериц из Венеции, и, кроме того, массу кружевных образцов из Италии и Нидерландов. Впоследствии французы, благодаря устройству школ и развитию в них вкуса, стали сами составлять много новых рисунков и придумывать новые приемы, дозволившие им разнообразить до бесконечности свои кружевные изделия. К тому же, французские художники, издавая в разное время сборники рисунков, много способствовали выработке грациозного и легкого стиля, которым всегда отличались французские кружева, наполненные изображениями цветов, гирлянд, или мелких разбросанных цветочков, с орнаментами в виде листьев, лент и т.д. 1) [Наибольшую известность заслужили сборники: Pierre Quinty 1527 г.; Jaques Nyverd, 1530 г.; Livre moresque etc. 1546 г., наконец, книга: Maitre Dominique de Sera, 1584 г., составлению и усовершенствованию рисунков которого много способствовал знаменитый живописец Жан Кузен]. Но, помимо всего этого, особенному развитие

кружевной промышленности во Франции много способствовало положение Парижа, овладевавшего все более и более вниманием всего света. Он издавал моды, и законам его подчинялись все цивилизованные страны.

Кольбер так хорошо сознавал все преимущества подобного положения, что любимой его поговоркой сделалась: «мода для Франции то же, что золото Перу для Испании».

Основанная таким образом ручная промышленность дошла во Франции до размеров, до которых не достигла ни одна отрасль других каких-либо промыслов, и всегда служила источником заработков для массы тружениц. Нельзя, однако, при этом не упомянуть тут же, что во время революции, в 1793 г., множество кружевных фабрик (ручного производства) закрылись, но вскоре, именно начиная с 1801 г., деятельность кружевниц опять быстро возросла, благодаря поддержке Наполеона I, имевшего большое пристрастие к кружевам.

Соседке Франции – Англии меньше посчастливилось на этом поприще.

Когда именно кружевная работа была в ней основана – трудно определить. В числе же товаров, бывших в ходу в Англии, кружево упоминается уже в 1363 г., когда король Эдуард III издал первый закон, воспрещавший носить кружевные шелковые вуали, а разрешалось только употребление нитяного кружева национального производства, стоимостью в 10 пенсов. В 1378 и 1390 гг. последовали трактаты с городами Брюгге, Ипром, Венецией, Луккой и друг., разрешающие торговлю золотыми и другими кружевами. Вообще до самого восшествия на престол Георга II, т.е. до 1735 г., иностранное кружево подвергалось стольким запретительным законам и столько раз опять разрешался его ввоз, столько раз оно подвергалось разным регламентациям, как и кому его носить, что выписывать все эти подробности значило бы наполнить настоящий очерк массой цифр и годов, мало идущих к делу. Одно лишь следует упомянуть здесь, именно, что никакие запретительные законы не могли способствовать развитию кружевной промышленности, до тех пор, пока само общество не решилось в Англии поддерживать национальный промысел. Результатом такого сознания явились школы, куда ходили учиться плести кружева не только девочки, но и мальчики. Наибольшее распространение промысел получил в провинциях: Бедфордшире, Гертфордшире, Букингэме, в Хонитоне и друг. Тип английских кружев менялся, находившись часто под влиянием привозимых изделий. Так, в царствование Якова X, с 1599 г. вошло в обычай выплетать и вышивать сцены из священного писания и исторические фигуры. Большею же частью в них заметно тоже направление к изображению цветов и орнаментов, какие вводились в рисунки во Франции и в Бельгии. Особенного же совершенства кружева в Англии достигли во время царствования Карла I. В это время Англии посылала свои произведения за границу, где они очень ценились.

Шотландия и Ирландия, каждая в отдельности, имеют также свою небольшую страничку во всеобщей истории кружев. В Шотландии лучшей порой кружевных работ было время царствования Марии Стюарт. Она сама была большая искусница в кружевных работах, для которых сочиняла даже узоры. Ее рисунки состояли из цветов, зверей и птиц. Особенную известность заслужило Гамильтонское кружево, хотя оно и не отличалось большим изяществом. О кружевном производстве в Ирландии упоминается только в начале XVIII столетия, причем прямо указывается на Дублин, где

было учреждено общество для поощрения национальной кружевной промышленности.

Как в Шотландии, так и в Ирландии, устраивались школы с целью развития и усовершенствования кружевных работ.

В Дании плетение кружев было введено эмигрантами-реформатами, в 1515 г. Первоначально работа эта предназначалась лишь для личного потребления самих производительниц, и только в Шлезвиге оно служило предметом торговли. Распространению промысла более всего помогали корабельники, разносившие и продававшие кружевные изделия. Король Христиан IV много содействовал поднятию национального производства кружев. В 1683 г. он разрешил дворянству носить местные кружева; иностранные же посылал к палацу, для публичного предания их диффамации. В 1712 г., несколько брабантских женщин поселились в Дании и очень усовершенствовали производство кружев. Лучшей порой этой промышленности считается начало настоящего XIX столетия, тем не менее, особенным богатством узоров Дания и Шлезвиг не отличались; но зато каждый узор имел свое особое название, как то: «петуший глаз», «паук», «лира», «труба», «перья» и т.п. С 1830 г., при замене нитяного материала бумажным, промышленность кружевная в описываемой стране сильно упала, и местное население обратилось преимущественно к земледельческому труду.

В Скандинавии уже в древнем периоде известно было искусство тянуть проволоку из золота и обвивать ею шелковую или льняную нитку.

Город Водстена считается колыбелью кружевной работы в Швеции. Она была введена там св. Бригитой, по возвращении ее из Италии. Жила она в монастыре и умерла в 1335 г. Монахини унаследовали от нее умение изготовлять золотое и серебряное кружева, о которых упоминается в средних веках. Когда же король Карл IX уничтожил монастыри, молодые монахини искали убежища в Польше, а старушки были призрены на месте сердобольными поселянами. Живя вместе, монахини научили мирян своему искусству, и тем самым положили основание кружевному промыслу в Швеции. В XVI столетии золотое кружево было очень распространено в этой стране. Затем его стали изготовлять и из нитки. Кружево делали очень тонкое, иногда смешивая белую нитку с черной. Рисунок был преимущественно геометрических очертаний. Помимо города Водстены, жители Швеции нигде на продажу кружев не готовят, работая всегда для личного потребления, обшивая ими свои простыни и украшая свои жилища.

Кружево из Водстены вывозят не только повсеместно в Швецию, но и за границу.

Из более значительных центров производства кружев нам остается упомянуть о Германии.

Профессор Альберт Ильг полагает, что умение плести кружево унаследовано жителями в этой стране от предков, живших здесь в средние века, когда в женских монастырях на Рейне, в Кёльне и Ахене, изготовляли разные украшения для церковных облачений и проч. К тому же, в самых укромных уголках Альпов, в Австрии, плетение кружев было известно ранее чем в Саксонии; в Рудных горах рукоделие это появилось в 1561 г., занесенное и основанное известной кружевницей Варварой Утман. Настоящего же развития кружевная деятельность достигла только в

XVI столетии. В Германии самостоятельных образцов кружев не было. В Саксонии, например, подражали фламандским кружевам, а затем брюссельским белым и гипюрам, и черным Шантильи.

По издании Нантского эдикта во Франции, в 1685 г., множество лучших мастеров с семьями искали убежища в Германии. Это обстоятельство дало новый толчок кружевной промышленности, которая с этой минуты значительно распространилась и упрочилась в Пруссии, Ганновере, Гессене, Саксонии и Гамбурге. В Австрии особенно выделялась работа кружев лайбахских и чешских (т.е. собственно славянских, впрочем позднего и заимствованного происхождения). Изготавливавшиеся здесь изделия имели (по мнению западных писателей) много сходства с кружевами Ключи и гипюрами.

Несмотря на малую, по-видимому, самостоятельность кружевной деятельности в описываемом районе, она все-таки сумела привлечь на себя внимание талантливых художников. Результатом этого внимания были издания сборников с рисунками для женских рукоделий и кружев. Первая книга, появившаяся с этой целью, была отпечатана в Аугсбурге, в 1534 г., и принадлежала карандашу Иоганна Шарценсбергера. В 1544, в 1550 и в 1601 гг. постепенно составлялись и выпускались новые сборники. Из них последний, т.е. изданный в 1601 г., был наполнен рисунками знаменитого нюрнбергского гравера. Ганса Зибмахера.

Ознакомившись таким образом с главными центрами производства кружев, необходимо хотя в нескольких словах очертить деятельность кружевниц отдельных небольших городов, островов и т. д., встречающихся на юге Европы.

Особенной красотой кружев славился город Рагуза (Дубровник). Изготавливавшиеся здесь плетеные изделия напоминали венецианские кружева. Такое сходство изделий объясняется близкими и продолжительными сношениями Рагузы с Венецией; но при этом рагузское кружево отличалось от венецианского маленькой отделкой в виде петелек, так называемых «пико». В 1667 г. рагузское кружево, вывозившееся во Францию, заслужило гнев Людовика XIV, и было им изгнано из употребления за то, что жители этой республики примкнули к партии австрийцев против французов.

На Ионических островах кружевной промысел процветал издавна, но только исключительно как домашнее производство.

В гробницах на острове Корфу до сих пор находят остатки почерневших кружев, служивших украшением одежды ионийцев, умерших несколько столетий тому назад.

О производстве кружев в Турции упоминается только в начале XVIII столетия. В это время в Смирне и Родосе вывязывали тамбурным крючком белое шелковое гипюрное кружево, а также шили кружево иголкой, разноцветными шелками, вроде позументов, называемого «ouali». Такая отделка представляла рельефно выделанные цветы, плоды, листья и т.п. Помимо этого, в гаремах тоже изготавливали кружева, весьма богатые по материалу. По тонкой золотой сетке располагали рельефно выплетенные цветы, орнаменты, арабески, с отделками из жемчуга и висячими орнаментами из золотой канители. Такое кружево очень дорого ценилось и не составляло предмета торговли. Оно дарилось обыкновенно султанами

женам их.

Далее, на острове Мальте, работа кружев была известна уже в 1595 г. Около этого времени там выделялся тончайший гипюр. Кардинал Гюго Вердаль, великий магистр Мальтийского ордена, был похоронен в одежде, обшитой таким кружевом. Впоследствии, мальтийское кружево было занесено в Савойю, в Овернь, в Лепюи и далеко на север в Ирландию.

В приведенных здесь исторических данных мы встречаем немало указаний на Восток, откуда, по-видимому, пришло в Европу кружевное производство. Эти указания касаются то материала, заимствованного у того или у другого восточного народа («кипрская золотая нитка»), – то на самые кружева («кружевные изделия города Рагузы, работа кружев среди населения Ионических островов, кружева, находимые в гробницах на острове Корфу»). Далее нам придется упомянуть еще и о кружевах, открытых в коптских гробницах и о работе китайских кружев. Такие данные должны были бы поколебать то упорство, с которым некоторые западные исследователи приписывают появление кружев исключительно эпохе Возрождения. Тем не менее, было бы, все-таки, может быть, преждевременно приступать ныне же к окончательному решению вопроса о происхождении работы кружев, так, как вполне точных и полных материалов для удовлетворительной разработки его пока собрано слишком еще мало.

III.

Обобщая факты из истории кружевного промысла в разных местах его производства, на западе и на юге Европы, нельзя не отметить некоторых, весьма знаменательных явлений.

Мы видели, что в некоторых странах работа кружев прежде всего возникает во дворцах, замках и монастырях, наполняя приятным развлечением досуги королей, принцесс, аристократок и монахинь, все стремления которых были направлены на украшение церквей, облачение священнослужительских, словом на служение идее религиозной; лишь впоследствии рукоделие это начинало служить отделкой предметов, входивших в общее употребление в дамском и мужском наряде. В других странах, работа эта являлась прямо предметом торговли, или же служила исключительно личному потреблению. Наконец, в-третьих, она была с величайшими усилиями привита рабочему населению для поднятия экономического положения страны.

Мы видели также, что живописцы XVI и XVII столетия всеми силами способствовали улучшению этого женского рукоделия, составляя и издавая рисунки самых разнообразных кружев.

Далее мы, можно сказать, присутствовали при возникновении самого животрепещущего, самого горячего кружевного вопроса, то возбуждавшего гонения этой нежной отделки, вызывавшей издание запретительных эдиктов против ввоза ее, то регламентацию насчет ношения кружева, или даже полнейшее запрещение употреблять его.

Знакомясь со всеми превратностями судьбы, которым подвергалось ничтожное, казалось бы, украшение туалета, приходится вывести то заключение, что было время, когда кружевной вопрос являлся мировым вопросом – условием благосостояния или обеднения страны. И, что это

было, действительно, так, мы заключаем из того, какие старания прилагались, в разных государствах, к улучшению производства кружев и к большему его развитию.

В этом случае ум, энергия и глубокое понимание человеческих слабостей оказали наибольшую услугу Франции, так как здесь, благодаря усилиям министра Кольбера, удалось положить основание промышленности, не имеющей себе подобной нигде в других странах света, – промышленности, и по настоящее время доставляющей громадные выгоды родине этого великого государственного деятеля.

ОТДЕЛ II. Кружевное дело в России.

I.

Изучение кружевного дела по образцам и письменным источникам разных времен в России знакомит нас очень подробно с разновидностями русского кружева, его употреблением, с материалами, из которых оно готовилось, с техникой работы, и, наконец, с развитием его и распространением. Перед тем, однако, чтобы приступить к описанию кружева и исторического развития его, постараемся определить самое слово «кружево» в русском языке, и посредством сравнения выяснить: тождественно ли оно с понятием о кружеве, установившимся в других странах, или нет?

У нас слово «кружево» упоминается, сколько до сих пор известно, впервые, в наших летописях, в XIII столетии, а именно, в Ипатьевской летописи: там, под 1252 годом, говорится о князе Данииле Галицком, что при свидании его с королем венгерским, на нем был надет «кожух оловира грецкаго и круживы златыми плоскими ошит», а под 1288 годом рассказывается, что после смерти знаменитого Владимира Галицкого «омывше и увиша и (его) оксамитом с круживом, – яко же достоин Царем, и возложиша и на сани, и повезоша», и т. д.

Такие указания, за краткостью их, не могут нам дать ясного понятия о том, какого вида кружево это было. Зато, имеющийся у нас налицо образец начала XV века, кружево, нашитое па покров к мощам препод. Серия, № 1, помеченный 1424 годом (Атлас, табл. I, рис. 1) и другие, похожее по технике на это кружево образцы, находящееся в ризнице Троицко-Сергиевской лавры (близ Москвы), а также и образец из церкви погоста Рогожи, бывшего Рогожского Преображенского монастыря (табл. II, рис. 1) 1) [Оригинал находится в Тверском музее], служат лучшим доказательством того, что кружево того времени, плетеное из золотых и серебряных ниток, состояло из сцепления ромбов, расположенных на сетке. Края кружев совершенно прямые, окаймлены с двух сторон маленькими зубчиками.

Упоминания о кружевах в описях XVI века дают нам также лишь самые краткие указания, как, например, «круживо кожушное», «круживо сожено жемчугом» и т. под. Самих же образцов кружев этой эпохи нам не удалось разыскать, хотя, во всей вероятности, такие кружева существуют, но только обозначения времени, когда они были изготовлены, при них не находится. Это обстоятельство лишает нас возможности определить ныне же с некоторой точностью, каковы именно были кружева XVI века.

Особенным богатством образцов и описаний отличается XVII век; здесь мы встречаем кружева с ровными краями, не составляющими, однако, прошивки (табл. III, рис. 5, табл. IV, рис. 3 и 5), или окаймленными крошечными зубчиками (табл. III, рис. 1, 3, и 7 и табл. X, рис. 1); на мелкой сетке фона этих кружев расположен фантастический орнамент, или ромбы большие и малые.

Другие образцы этой же эпохи заканчиваются более или менее крупными, продолговатыми, круглыми или пологими фестонами, имеющими специальное название «зубьев» или «городов». Узоры таких кружев также фантастичны, но работа их совершенно иная, напоминающая иногда тесьму, а иногда снурок, которым узор выложен, а затем связан сцепом, более или менее редким (табл. III, рис. 2, 4; табл. IV, рис. 1 и 6; табл. V, рис. 1, 2, 3 и 4, табл. VI; рис. 1 и 2 и табл. VII, рис. 1). Все эти кружева сделаны также из серебряных и золотых ниток.

Чрезвычайно важна для нас также и номенклатура кружев XVII века, как, например: кружево «ткано» в кружки, кружево «ткано в цепки», кружево «ковано» золото, кружево «прядено», кружево «низано» жемчугом, кружево «петельчатое», «решетчатое», «цепковое», «колесчатое», сделано в «кружки», «в проём», «зубчатое», «в города», «делано высоким узором» и «круживы плоския».

Приведенный только что перечень названий, хотя и не полный, служит тем не менее лучшим доказательством того, до какой степени слово кружево применялось к различным видам отделок, между которыми находились и тканые (табл. II, рис. 2), и «кованые», и «зубчатое», и «в города», и «делано высоким узором» (табл. II, рис. 3), и «плоское». Последнее выражение для нас тем более важно, что слово «в города» и поныне сохранилось среди мастериц, занимающихся изготовлением кружев. Оно служит исключительно для обозначения отделки, заканчивающейся большими зубьями.

В XVIII столетии и начале XIX, кроме образцов металлических кружев, имеющих один и тот же характер с работой предыдущим веков (табл. VII, УШ, IX, X, XI, XII и XIII), появляются такие кружева из ниток, с шелком или без него, представляющие из себя то отделки с прямыми краями (табл. XIX, рис. 1, табл. XXV, рис. 1, табл. XXXVI, рис. 2, табл. XXXVII, рис. 2, табл. LIX, рис. 2, табл. LXV, рис. 2 и 4 и др.), то с зубчатыми (табл. XIV, рис. 2, табл. XV, рис. 2, табл. XVI, рис. 1, табл. XVII, рис. 2, табл. XVIII, рис. 2, 3, 4, табл. XIX, рис. 2, табл. XXVII, рис. 1, табл. XXXI, табл. XXXII, рис. 2 и др.). Таким образом, рассматривая данные, имеющиеся у нас, мы не встречаем никаких указаний на то, чтобы форма рисунков имела бы в этом случае такое же значение, как это встречается в кружевах Западной Европы, где, как, например, во Франции, в Италии и в германских землях выражения «Dentelle», «Merlo» и «Spitzen» прямо обозначают их зубчатое очертание, установившееся с самого появления этой работы.

В подтверждение настоящего мнения можно привести еще несколько весьма веских доказательств. Так, в дошедших до нас узорах, употребляемых и ныне плетящими, «ромбы» называются повсюду «кругами». Так, например, узоры: «два круга», «кружки», «кружки денежки», «кружок в кружке», «кружечки», «мелкие кружки», «круги» и т.п. представляют из себя ромбы разной величины. Но коль скоро в рисунке находится правильный круг, его называют «колесом» – выражение, упоминаемое также и в обозначении старинных кружев: «колесчатое сделано в кружки».

Помимо этого, объезжая места производства кружев, а также получая сведения из тех мест, где мне не пришлось быть лично, как например в Сибири, я должна была прийти к убеждению, что, и по настоящее время, иногда вышивки по выдернутому полотну, т.е. сквозные, называют кружевом, равно и тканую прозрачную прошивку, как например, в Красноуфимском уезде, Пермской губернии, именуют кружевом.

Между тем, есть такие местности, в которых собственно слово кружево вовсе почти не в ходу, как то в Орловской губ. Елецкие и мценские мастерицы, хотя и производят его в большом количестве, однако употребляют выражение «край» и «прошивка», «амчанский край», «елецкий край», «елецкая прошивка» и т. д. В первом случае этим обозначается зубчатое кружево, служащее для крайней отделки, а во втором, кружево с прямыми краями, употребляемое для вставки между двух кусков материи.

Возвращаясь к отдаленным временам, т.е. к началу появления слова кружева, писавшегося тогда через букву и, т.е. «круживо», можно было бы предположить, что оно произошло от техники работы, потому что во время работы, кружево приходится делать вокруг круглой подушки – «кружить». Но тогда, на такой подушке нельзя было бы «ковать» и «ткать» кружево.

Таким образом, можно с большой вероятностью считать, что слово «кружево» относилось первоначально к разным отделкам, окружавшим какой либо предмет.

Такое же определение делают и Строев и Савваитов. Строев говорит: «Круживо – окружение золотое или серебряное, вдоль пол, и по подолу нарядной одежды государей, широкое, и узкое, тож большее и меньшее, с каймой или бахромой; оно нашивалось и переносилось» 1) [Строев, Выходы царей, Москва, 1844. Указатель, стр. 46].

«Кружево», поясняет Савваитов, «это узорочная нашивка на царских одеждах, кованая, плетеная, тканая, или низанная, иногда с драгоценными камнями» 2) [Савваитов, Описание старинных царских утварей, одежд и т.д. СПб., 1865 г., стр. 207 и 208].

Но то, что Строев и Савваитов говорит здесь, согласно с целью своих сочинений, про времена только царения, должно быть, конечно, отнесено и ко временам великокняжеским, в чем мы не можем более и сомневаться, имея в руках столь драгоценные образцы, каковы кружева начала XV века. При всем этом, весьма существенное значение для нас имеет и то, что древнее наше кружево «нашивалось» и «переносилось». Этим обуславливается полное различие в производстве работы, различие прямо и точно устанавливающее понятие о том, что наше древнее золотое и т.п. кружево было совершенно самостоятельным украшением, не имевшим по технике ничего общего с вышиванием, которое в то время было также очень распространено. Вместе с тем, часто встречаемые в древних описях выражения: «круживо низаное», «тканое», «решетчатое», «круживо жемчужное», «круживо кованое из фигурных штучек» и т. д. вполне убеждают нас в том, что в древности под словом «кружево» понимались отделки самые разнообразные по виду и составу.

Тем не менее, признать во всех этих узорных украшениях собственно «кружево» в том смысле, как его понимают в настоящее время, мы вполне не можем, хотя у нас, при появлении специально этого рода украшений,

никакого нового названия не придумано и не было: как в XIII веке называлось оно «кружевом», так и спустя 600 лет, несмотря на некоторые изменения, оно продолжает, называться «кружевом». В Западной Европе было не так: там в течение XVI и до середины XVII века, разные виды кружева, или тех производств, который были его родоначальниками, почти повсеместно назывались: «passaniento», «passements», «tarnete», «trina», т.е. собственно «галунами», «каймай»; кружева же, как и было уже упомянуто, получили специальное название: «Dentelle», «Merlo», «Spitzen».

В России только в позднейшее время, т.е. не ранее XVIII столетия, когда металлическое кружево стало выходить из употребления, а взамен его начали носить иные отделки, слово кружево стало применяться исключительно к плетеного из шелка, ниток, бумаги и металлического материала, а кованые, тканые и басонные отделки получили названия: «галунов, позумента и аграманта».

Таким образом, сгруппированные здесь данные относительно слова «кружева» могут служить, мне кажется, довольно несомненным доказательством того, что не форма рисунков, вводившихся в работу кружева, а применение его, как отделки той или другой вещи, создали именно это выражение, вошедшее в употребление на Руси ранее XIII века и сохранившееся у нас и до сих пор.

II.

Какого происхождения было кружево, впервые появившееся на Руси? Вопрос этот, в высшей степени важный и интересный, несмотря на довольно значительное количество имеющегося у нас уже материала, все-таки еще не может быть разрешен вполне удовлетворительно, и вот почему. Изобретение плетеного кружева, как мы видели в историческом очерке западного кружевного дела, оспаривается Нидерландами у Италии. Мы видели также, что лучшие исследователи этого вопроса сходятся на том, что происхождение плетеного кружева «не восходит за пределы XVI века». У нас же о кружеве упоминается уже в середине XIII столетия, о чем уже говорилось в начале настоящего очерка. Приведенные там указания наводят нас на мысль, что наше кружево должно было быть иного происхождения, нежели западное, или, по крайней мере, что первые его образцы были занесены к нам не из Италии и не из Нидерландов. Откуда же оно могло к нам прийти? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было бы иметь перед глазами полные сборники рисунков с византийских и восточных не только кружев, но и вышивок золотом, серебром и шелками, без сомнения, бывших у нас в непосредственном употреблении, или много раз служивших образцами и прототипами для нашего кружева. Таких изданий пока еще никем не составлено. Это еще работа будущего.

Правда, постоянные раскопки древних гробниц на Востоке дают некоторые указания, но они далеко не убедительны, предоставляя простор догадкам и предположениям.

Вот, например, что говорится, по поводу находок в Коптских гробницах, в журнале «Zeitschrift fur bildene Kunst» о вязанье на прутках и крючках: «Простое вязанье на прутках, посредством которых производится род ткани, причем делают ажурные и зубчатые края, считается началом или первообразом кружева на коклюшках. Насколько работа крючком старинна, трудно сказать; некоторым пояснением могут служить кружева в

коптских гробницах, устроенных в V-VIII столетиях после Рождества Христова. И кажется, что те, которые считают происхождение кружев с Востока, находят в этом некоторое подтверждение» 1) [Zeitschrift f. bildene Kunst, 1888: приложение при нем. – Kunstgewerbeblatt, №1, статья Марка Гейдена]. Приведенная сейчас выдержка не может, по нашему мнению, служить для окончательного решения занимающего нас вопроса. Я имела случай пойти несколько далее в изучении коптских работ, благодаря великолепной коллекции вышивок, тканей и ажурных изделий, добытых из коптских гробниц и привезенных В.Г. фон Боком в Императорский Эрмитаж в Петербурге. В числе этих предметов находятся головные уборы (род колпаков), напоминающие плетеное кружево. Для выяснения вопроса, каким способом можно было бы получить такое же плетение, образцы коптских головных уборов были доставлены в Мариинскую практическую школу кружевниц, где под руководством начальницы школы, Е.Е. Новосильцевой, были произведены опыты. Первый опыт подражание ажурной работе посредством переплета, делаемого коклюшками на обыкновенной кружевной подушке, дал в результате кружево, почти совершенно схоже с коптской работой. Тем не менее, Е.Е. Новосильцева, не довольствуясь этой работой и желая добиться совершенного тождества в плетении, напала случайно на мысль, вместо подушки, употребить обыкновенную раму, (или пяльцы), в которых делаются вышивки. Результат превзошел ожидания. Ажурная работа действительно оказалась подходящею вполне к данным образцам. Произошло это вследствие того, что коклюшки тяжестью своею, не имея более упора на подушке, равномерно натягивали нитки, и дали плетению совершенно ровное и тождественное с образцами коптских головных уборов. При этой работе были найдены следующие приемы. Работа производится все в одну сторону, справа налево, причем переплетами ниток можно достигнуть исполнения густой дорожки, прозрачной, весьма ровной решетки и наконец, дырочек более или менее больших. Из таких именно элементов и состоит коптская ажурная работа. Но что еще весьма важно, в коптской работе нет изнанки; полученное при подражании этой работе плетение также не имеет изнанки. Но такие результаты можно получить только работая коклюшками; всякое другое вязанье на спицах или крючках всегда имеет две стороны, т.е. лицо и изнанку.

Несмотря на такие факты, мы все еще не считаем себя вправе; признавать ажурные работы коптского происхождения непосредственными или косвенными родоначальниками кружев у нас или на Западе Европы.

Точно также, имеющиеся у нас в музее Академии Наук шелковые кружева, находящиеся на китайских одеждах, не разрешают нам вопрос о происхождении нашего кружева. Китайские кружева были доставлены в Россию во время царствования Петра Великого, когда русские ученые путешественники или члены миссий привозили в Петербург разные предметы этнографического характера 1) [Кружева эти украшают женские костюмы, употреблявшееся (по отзыву одного из членов нынешнего китайского посольства в Петербург около 200 лет тому назад)]. Состоит это кружево из орнаментов, в виде цветов, выложенных цветным плетеным, узким снурком, по технике вовсе не напоминающим встречающиеся у нас в кружеве плетешки, и из цветных шелковых сеток, сделанных, без всякого сомнения, иголкой.

При таких условиях, самые коренные и существенные пункты вопроса о происхождении наших, как и всяких других, кружев с далекого Востока, должны, пока, остаться не разрешенными.

Тем не менее, на основании имеющихся уже данных, мы не можем сомневаться в том, что иноземных влияний на наше кружево, в течение средних веков и до конца XVII века, было всегда не мало.

Во многих актах и документах у нас, например, упоминается о кружеве «немецком» 2) [Выражение это употребляется и ныне мастерицами, но, не имея образцов немецких кружев столь отдаленного времени, мы не можем определить сходства его с современным нам кружевом, называемым мастерицами немецким], «фряжском» 3) [«Фряжское кружево» упоминается, между прочим, в «Описи платья времени царей Феодора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского», Забелин: «Домашний быт цариц» (изд. 2-е), «Материалы», стр. 39], «литовском» 4) [«Литовское кружево» мы встречаем нисколько раз в «Описи казны патриарха Никона», см. «Временник Общества истории и древностей», т. 15, 1852 г., стр. 59] и о кружеве, «что слово «молдацкое» 5) [Савваитов, Одежда царевны Софии Алексеевны, 1673 г., 127-181]. Этих кружев не осталось, и мы о них ничего не знаем.

Но самыми важными указаниями в этом отношении мы считаем упомянутую выше выписку из Ипатьевской летописи и факты, добытые изысканиями Забелина о происхождении у нас некоторых женских работ.

«Начало шелкового и золотого шитья, говорить Забелин, мы должны относить к самым первым временам нашей истории, когда оно, по всему вероятно, служило лишь домашним потребностям богатого наряда и убора. Само собою разумеется, что с принятием христианства, благодаря потребностям Церкви и знакомству и близким связям с Византийской Грецией, откуда, без сомнения, вместе с образцами работы являлись к нам мастера и мастерицы – это женское по преимуществу художество получило обширнейшее применение, распространилось и утвердилось, как особая отрасль художества, служившего исключительно Церкви, вероятнее всего, что в первое время особому его распространению способствовали женские монастырские общины. Уже первые княжны русские основывают монастыри, собирают черноризиц, и с богомольными целями путешествуют даже в Грецию, в Царьград, где, конечно, в женских же монастырях знакомятся еще более с искусством. Женский монастырь должен был существовать женским же рукоделием; а какое же рукоделие было соответственное монастырскому настроению мысли, как не то, которое прямо шло на украшение Божьего храма. Очень естественно, что первые женские монастыри были и первыми мастерскими и первыми рассадниками этого искусства» 1) [Забелин: «Домашний быт русских цариц», изд. 2-е, стр. 659].

Хотя в этих указаниях выражение «кружево» прямо и не употребляется, однако, в числе женских работ и оно могло быть занесено к нам из Византии, совместно с материями греческими, каковы «аксамит и оловирь», из которых были сшиты наряды княжеские, упоминаемые в летописи Ипатьевской.

И это тем более вероятно, что о «серебряной сетке Кипрского происхождения» упоминает также и г-жа Паллизер на основании известного сочинения графа Лабурда «Glossaire Français du Moyen-Age», где в описи казнохранилища герцогов бургундских, под 1393 годом описывается «un petit pour point de satin noir et est la gorgierette de maille d'argent de Clippre» 2) [Palliser, A history of lace, 3-е изд., стр. 65].

Подобную этой сетке, вероятно, и носили около того же времени русские князья на своих парадных одеждах, под названием «золотого и серебряного кружева». В этом мнении убеждает нас еще и то обстоятельство, что к слову круживо под годом 1288 прибавлено пояснение «плоскими»; значит в то время были отделки и «не плоские». В этих пояснениях мы должны видеть прямое указание на различие, какое тогда уже существовало между «кружевом» и «вышиванием», так как последнее, исполненное из золота или серебра, всегда было несколько выпуклое, «делано высоким узором».

Но кроме этого, мы видим, что старинные образцы металлических кружев, дошедшие до нас, представляют из себя, действительно, сеткообразный фон, по которому расположен своеобразный орнамент. Достоинно особого внимания и то еще, что ежели не в общем, то в частности, как техника, так и самый рисунок этого кружева сохранились и до сих пор и, перейдя в употребление для кружев шелковых и нитяных, составляют нечто совершенно особое в своем роде, не встречающееся ни в каких описаниях западного кружева, какие нам известны из сочинений Сегена, г-жи Паллизер и Ильга.

При рассмотрении рисунков и техники кружев, нам придется еще ближе коснуться этого вопроса, теперь же скажем только, что наименьшее влияние западных образцов на наши кружевные изделия замечается в период процветания металлического кружева, т.е. до начала XVIII века, и встречавшееся в то время выражение «немецкое кружево» отнюдь не должно быть понимаемо в точном смысле слова. Оно употреблялось, вероятно, вообще для обозначения чего-либо иноземного.

С воцарением царя Петра I, когда последовали указы его, начиная с 1699 г., преследовавшие старинные народные одежды и наряды, когда вводилось ношение европейского и преимущественно немецкого платья 3) [Полное собрание законов, т. IV, стр. 1741, 1887], и когда (в 1700 г.) было повелено женскому полу иметь «в честном обхождении с людьми совершенную свободу», – не закрывать лица «на свадьбах, пиршествах и на всяких публичных увеселениях 4) [Деяния Петра Великого, Голикова, Москва, т. II, стр. 11], все общество вынуждено было постепенно утрачивать свои прежние обычаи, вкусы и нравы, и поддаваться все более и более влиянию западных обычаев, по крайней мере с внешней стороны своего бытия. К тому же Петр Великий не оставил и женских монастырей без внимания. Ему хотелось, чтобы прежние работы монахинь, средневековые, заменялись новейшими европейскими. Так, в Москве даже и до сих пор существует предание, гласящее, что в 1725 г. император Петр I выписал из брабантских монастырей тамошних питомиц, для обучения прядению голландских ниток и плетению кружев – бесприютных детей, принятых им в Новодевичий монастырь близ Москвы, числом до 250.

Долго ли продолжало существовать это рукоделие в монастыре и принесло ли пользу – неизвестно. Только после 1812 года, когда большая часть призреваемых монастырем разбежалась по сторонам, кружевная работа была совершенно оставлена в обители. Но, помимо упомянутого предания, мы имеем налицо самые положительные факты, доказывающее, что нововведение императора Петра I имело своих подражательниц среди высшего общества, стоящего ближе к двору, вследствие чего система работы заграничного кружева, совместно с рисунками, стала вскоре достоянием усадеб помещичьих.

Подтверждение этому мы находим не только в образцах кружев, сохранившихся еще в разных краях России и в названиях этих кружев, в указаниях на «драбанскую (т.е. брабантскую) нитку», по выражению многих современных нам старушек-кружевниц, в губерниях: Вологодской, Орловской, Московской и друг., но и в орудиях для производства работы, встречающихся еще и теперь в деревнях (бывших дворянских поместьях) и совершенно схожих с орудиями, употребляемыми и поныне во Франции, Бельгии и Голландии при плетении кружев.

Другое подтверждение изменившимся требованиям русского общества, с начала XVIII столетия, мы находим в разных записях, где вместо: богатого саженого жемчугом или плетеного из золота и серебра кружева, все чаще встречаются: «Фантаж» (Fantauge) 1) [Роспись приданого 1718 и 1730 годов, Ровинский, русские народные картинки, кн. IV, прим. и дополн. 1881 г., стр. 247-248]; «гарнитура брабантских кружев», «фантаж из крутофильских кружев», «убор брюссельских кружев», «убор серебряных блондов», «черный фантаж с черными кружевами», «убор из блондов фиолетовых и белых» 2) [Семейство Разумовских, Ал. Васильчикова. Роспись приданому графине Авд. Денис. Разумовской, стр. XXX], «убор самарных кружев», «белых кружев», «галстук мужеский кружевной», «простыня постельная голландская с кружевом», «две наволочки же малинные с кружевами» и т. д.3) [Там же рядная Ек. Ив. Разумовской, рожденной Нарышкиной, стр. XXXI-LVII].

К этим указаниям, находящимся в печатных источниках, можно прибавить еще и устное предание, сохранившееся в Вологодской губернии. Там, именно в г. Сольвычегодске, рассказывают, что жители некогда производили «сканная» серебряные кружева. Работа эта была перенесена в старину из Италии и насаждена братьями Строгановыми, магнатами севера. Появление названных только что образцов постепенно вытеснило старинные кружева и создало совершенно новый вид кружев, во вкусе чисто западноевропейском.

Несмотря на такой переворот, тип первичного русского кружева не исчез безвозвратно. Мы находим его во всей силе и с полным сохранением его особенностей – в кружевах, изготовлявшихся и изготовляемых доньше крестьянками и мещанками в разных деревнях, селах и городах России. Прототипом этому кружеву служили, несомненно, кружева металлические и низанные жемчугом, которые носились крестьянками, и упоминание о которых мы находим в течение всего XVII и в начале XVIII столетия, а также и старинные вышивания по разным тканям и по выдернутому полотну, бывшие всегда в большом употреблении среди мещанского и крестьянского населения России.

III.

Насколько разработка вопроса о происхождении русского кружева оставляет еще желать многого, настолько мы можем с уверенностью сказать, что происхождение рисунков, встречающихся, как в старинных, так и в новых образцах плетения, представляется нам ясным и определенным. Но таким оно может представиться лишь при изучении и сличении описаний различных материй, употреблявшихся у нас с древнейших времен, и при таком же подробном знакомстве с вышивками разного рода.

Начнем с более древнего, – с узора «в шахмат». Он существовал не

только на наших материях, но и на наших кружевах, и здесь даже по настоящее время носит название «в шашки». Этот узор имеет то же очертание, что и на малороссийских плахтах, а эти последние имеют, с своей стороны, по мнению г. Прохорова, необыкновенное сходство с узором на платье древне-малороссийских, а, значит, согласно со словами В. В. Стасова и с узором на платье древнегреческих и этрусских женщин 1) [Заметка о древнерусской одежде и вооружении, В. Стасова. По поводу издания: Материалы по истории русских одежд и постановки жизни народной, В. Прохорова. «Журнал Минист. Нар. Просв.», 1881 г., стр. 73].

До начала XVII столетия мы находим лишь краткие упоминания о материях, как например, «оловир грецкой» (в 1252 г.), «аксамит» (в 1288 г.), «зеленая камка» (в 1424 г.), «атлас вишнев вепедицкой» (в 1509 г.). Но с 1632 г. описание материи становится подробнее. Так, под годом 1633 встречается: «отлас турский, разводы золота, круги серебряны островаты» (круги островаты – те же ромбы, называемые и ныне кругами). Разводы также употребляются в терминологии кружев. Камка «мелкотравная» («мелкотравное» – узор кружева, существует до сих пор). Под 1634 г.: камка кизилбашская, по золотой земле «люди стоячие», камка лазорева «копыта» в травах. Под 1636 г.: атлас турской, по зеленой земле травы и «листья» золотное. Под 1637 г.: шуба зелена камчатая, «по ней реки», камка зелена, по ней «черенки». Ферези полосатые, полоски шелк черевчат, бел таусинен. Под 1638 г.: камка кизилбашская, по белой земле травки «кустиками». Под 1648 г.: бархат венецицкой, круги серебряны, велики «репьями», в них «круги золоты не велики островаты», листья золото. Отлас по белой земле «травчет». Под 1651 г.: ферези, дороги полоски мелкия, шелк вишнев да таусинен. Под 1652 г.: объярь золотая, по серебряной земли «круги», а в кругах «репьи» с «разными шелки». Объярь по серебряной земли развода золотая в цветах», год 1647. Под 1653 г.: бархат червчат двоєморх, с «орлы». Байберек маков цвет, по нем «реки» и травы серебряны. Под 1660 г.: отлас виницейской золотной, но червчатой земли, по ней «кубы» золоты. Под 1661 г.: камка кизылбашская, по серебряной земли «деревца» шелковы, листья золотное. Под 1672 г.: изарбав серебряной «травчетой со птицы». Под 1681 г.: кафтан верхний камчатой китайской «мелкотравной».

Выписанные здесь названия узоров на материях сохранились дословно для обозначения рисунков и на старинных кружевах; они перешли также в употребление и среди современных нам мастериц. В наименованиях же кружев, служивших украшением княжеских и царских одежд и утерянных для нас, мы найдем еще выражения, совершенно тождественные с теми, которые упоминаются в описании материи, как например: атлас золотой «петельчатой», атлас бел, по нем травы «колесчеты», объярь по червчатой земле травы «чени». Указывая на все эти узоры, необходимо добавить, что наименования их иногда до чрезвычайности фантастичны, вследствие чего не только трудно, но подчас и совершенно невозможно себе представить их вид и очертания. В этом убеждают нас узоры, находящиеся в употреблении ныне среди мастериц. Таковы, например: узор «реки», представляет ряд правильных зигзагов; «мелкотравный», табл. XL, рис. 3, собрание цветков и арабесок; то же надо сказать о «кустиках», «деревцах», «кубах», как и о вновь сочиненных узорах» называемых «кораблем» (табл. XXI, рис.3), «полукораблем» (табл. XXI, рис. 1), «круги» (табл. XXI, 1 рис. 4), «гребешками» (табл. XXX, рис.; 6), «замки» и «раки» (табл. XXXVI, рис. 2), «барабанчики» (табл. XXXVIII, рис. 4 и 6) «черепушками» (табл. XL, рис. 2), «кулички», «бантиками», «бараньи рожки» (табл. LV, рис. 2, 3, 4 и 5); и других, точно также мало

напоминающих своими очертаниями настоящее изображение корабля, кустика, реки и т. под.

При таком положении дела было бы совершенно напрасным трудом разыскивать в мельчайших подробностях, какой узор был именно заимствован у того или иного народа. В настоящем случае наибольшее значение имеет факт, указанный выше, т.е. полное тождество наименований узоров на тканях и на кружевах, употреблявшихся одновременно, и тип этих узоров, в которых изображение разных фигур, как то: деревьев, людей, птиц, трав, составляем, преобладающую черту; из геометрических же форм, мы встречаем: «круг» (ромб), «полоски» и «шахматы».

Такое направление узора сохранялось исключительно в кружевах до начала XVIII столетия, т. о. в металлических и других современных им кружевах. В кружевах же из шелка и ниток, т.е. начиная с XVIII века, резко выделились два типа: один чисто геометрический, другой, сохранивший всю фантастичность прежних кружев, иногда с некоторой примесью вновь занесенных к нам с Запада рисунков.

До сих пор мы говорили только о влиянии рисунков тканей на узоры кружев. С появлением кружева шелкового и нитяного, мы можем проследить также влияние на него и вышивок, производившихся на разных тканях.

Среди мастериц, занимающихся плетением, сохранилось до сих пор воспоминание о «численном кружеве», считающемся самым старинным из образцов, которого мы не находили нигде на Западе. Способ приготовления его совершенно вышел из употребления и почти утрачен; тем не менее, мне удалось найти еще образцы его и лиц, объяснивших способ их плетения. Наивность последнего, основанного на повторении одного и того же рисунка посредством счета ниток, а не на предварительно изготовленном узоре, не оставляет сомнения в том, что в этом численном кружеве выразились впервые желание и попытка подражать разным вышивкам. Таков, например, рисунок численного кружева (табл. XIX, рис. 1 и таб. XXXVI рис. 2), сохранившийся еще и напоминающий своими очертаниями рисунок на листе IV под № 21 и 22 в издании «Русский народный орнамент» В.В.Стасова. При этом необходимо пояснить, что, заимствуя рисунок из вышивок, наши мастерицы не имели обыкновения придерживаться его в совершенной точности. Часто брались только отдельные частицы рисунка, а остальное дополнялось воображением самой рукодельницы. К тому же и техника плетения не всегда позволяла полное тождество в исполнении вышитого узора. Однако тип и характер можно всегда проследить, что мы и видим на указанных рисунках.

Когда наши мастерицы перешли к более изысканному способу исполнения, и начали употреблять предварительно заготовленный узор, «сколок», рисунки стали богаче мотивами: прямолинейные геометрические хотя и отошли несколько на задний план, уступая место богатой фантазии любительниц женского рукоделия, тем не менее, они продолжали часто заимствовать свои узоры из вышивок. Такое кружево получило название «сколочного русского». Некоторое сходство в очертаниях рисунков таких кружев с вышивками мы находим на рисунках под № 3 и 4 на табл. LXIII атласа и рисунках 105, на листе XXVII и 37 и 38 на листе VII, «Русск. Нар. Орн.».

Далее, в кружеве с несколько измененной техникой, получившей название «сцепного манера», мы находим поразительное сходство меледу рисунком № 3 «Льва», на табл. XX атласа и рисунком 124, на листе XXXVII «Русск. Нар. Орн.»; между отдельной фигурой птицы с женской головой на полотенце № 2, табл. XV. Атласа и рисунком 215, на листе 75 «Русск. Нар. Орн.»; между очертаниями «Орла» на рисунке № 1, табл. LXV атласа и рисунком 159, на листе 52 «Русск. Нар. Орн.»; между «Орлом» на табл. LVII атласа рисунком 2 и рисунком 155, на листе 50 «Русск. Нар. Орн.».

Таких примеров можно было бы привести великое множество, имея под руками собрание вышивок и кружев, не вошедших ни в собрание «Русского Народного Орнамента», ни в атлас кружевных рисунков, приложенный к настоящему сочинению. Но и указанного здесь сходства очертаний узоров того и другого рукоделия достаточно, чтобы убедить в справедливости предположения о происхождении рисунка в нитяном и шелковом кружеве. Оно и понятно. Пока кружево, составляло принадлежность только богатого наряда, делалось из дорогих материалов, как то: золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, оно и должно было подражать дорогим тканям и не уступать им в роскоши. Но коль скоро оно перешло в обыденное употребление у народа, кружевная работа стала только разновидностью рукоделия, служившего простолюдину для выражения его фантазии, замысла, его верований и потребности украшать свою жизнь, создавая вокруг себя целый мир, условных и фантастических или символических изображений. Такое подражание вышивкам не исключало, однако, подражания, в отдельных частях и прежним дорогим металлическим кружевам. Этому именно подражанию мы и обязаны тем, что у нас до сих пор сохранились те же выражения для обозначения некоторых узоров или их частей, какие существовали издавна в кружевном деле.

При появлении у нас и при насильственном, до некоторой степени, привитии западных форм в costume, в кружевное дело проникли новые образцы. На рисунках: Рязанской губ. (табл. XIV, рис. 1) – (этот образец выплетен из разноцветных шелков), Московской губ. (табл. XXXII, рис. 1) и Ярославской губ. (табл. LII, рис. прошивки) мы видим полный переход к подражанию венецианскому кружеву. Такие же образцы я видела и в г. Торжке Тверской губ. Далее, в помещичьих усадьбах более всего подделывались под кружева Malines (табл. LXX), Bruxelles, итальянское Guipure, отчасти Alencon и Chantilly. Кроме того, немецкое кружево Klosterspitze имело несомненно громадное влияние на работу наших кружев, и можно сказать, что это кружево, почти исключительно изготовлявшееся в Богемии, лучше остальных слилось с нашим народным кружевом. Все остальные, занесенные к нам с Запада формы кружев постепенно исчезали, и в настоящее время редко или, вернее, в полном, точном подражании, более не встречаются.

Намеченное таким образом сходство рисунков на кружевах, употреблявшихся и исполнявшихся в России, дает нам некоторые данные предполагать, что влияние западное было гораздо менее значительно, нежели влияние восточное. Последнее встречается особенно часто в форме ромбов и многоугольных розеток, присущих персидскому узору.

Даже близость Финляндии в этом отношении вовсе не отразилась на кружевном деле, не смотря на то, что вообще финны имели такое преобладающее значение в нашем costume, орнаменте и архитектуре. Мы можем это сказать с некоторою уверенностью, потому что, сравнивая наши старинные кружева с кружевами старинными, находящимися в богатой

коллекции финских кружев В.Д. Комаровой, мы не находим ничего общего в очертаниях узоров.

Между тем, по сведениям, собранным В.Д. Комаровой в Финляндии, «кружевная работа получила свое начало в средние века и ее можно считать наследством бывшего католического монастыря в г. Раумо, Абосской губ. Следует особенно отметить тот странный факт, что монастырь этот был не женский, а мужской францисканский, и что, следовательно, монахи были первыми учителями и наставниками финнок в кружевном деле. Согласно сохранившемуся преданию, монахи ввели это рукоделие именно с целью помочь материальному положению населения».

Особенно же важно нижеследующее указание В.Д. Комаровой, обстоятельно и подробно изучившей производство кружев в Финляндии: «Финского названия кружева собственно нет, жительницы Раумо употребляют слово «pitsi», которое есть ничто иное, как искажение шведского «spetsar»; общее же финское название «nyytinki» обозначает как выплетенное кружево, так и вышивку по выдернутому холсту (мережки), и даже тканые бахромки. Можно предполагать поэтому, что плетели в Финляндии, убежденные в том, что работа кружев существовала у них до введения христианства, смешивают совсем различные понятия. Очевидно также, что нужно было взять из другого языка слово тогда, когда явилось новое, прежде неизвестное понятие – в данном случае «кружево», а язык этот распространился после введения шведами христианства или завоевания Финляндии. Следовательно, и новое понятие, и новое слово явились никак не ранее этого времени, т.е. начала XIII столетия 1) [Первый епископ Финляндии, св. Генрих, учредил свою кафедру в Або в 1200 году]. В настоящее время можно скорее проследить влияние нашего кружева на финляндское (табл. LXXI, рис. 3, 4 и б), так как распространение кружевного промысла в XIII столетии вызвало большой сбыт кружев, и русские торговки этого товара все чаще и чаще заглядывают в Финляндию.

IV.

Самое большое влияние на вид, форму и рисунок кружева имела всегда техника его работы. Не удивительно поэтому, что и сами мастерицы всегда придают особое значение именно этой стороне кружевного дела и сами подразделяют изготовляемое ими плетение на разряды, согласно способу работы.

Вероятно, и в старину это было так, потому что мы находим весьма подробный перечень делавшихся кружев. Таково например: кружево «кованое», «плетеное», «шитое» (иногда со словами), «пряденое», «волоченное», «низаное», «саженое жемчугом», с дорогими шелками и т. под. Но, кроме того, в обозначении старинных кружев встречаются еще и следующие указания на кружево: «кожушное», «кушачатое», «кружковое», «решетчатое», «в шахмат», «зубчатое», «колесчатое», «коленчатое», «веревчатое», «с рясами», «с пелепелы», «петельчатое» и «цепковое».

Здесь мы, очевидно, имеем дело настолько же с техникой работы кружев, насколько и с формой его, находящейся в прямой зависимости от техники или способа изготовления.

В первом случае, встречающаяся указания так ясны, что не остается ни

малейшего сомнения в том, что кружево, как отделка, было весьма разнообразно, и что плетеное кружево, которое и составляет предмет наших изысканий, являлось только разновидностью этой отделки. Тем не менее, оно заняло такое почетное место среди остальных женских рукоделий, что сохранилось и до настоящего времени, между тем как остальные кружева, и «кованое», и «тканое», и «низаное», и «саженое» и прочие, совершенно вышли из употребления, да и способ их изготовления, ежели и не совсем утрачен, то вовсе более не в ходу.

Во втором случае, т.е. обращаясь к богатому перечню названий кружев, мы находим величайшее затруднение в определении их, и это не только потому, что эти названия совершенно неизвестны современным нам мастерицам, но и потому еще, что мы не имеем никаких данных для того, чтобы выяснить, которое из этих названий относилось к плетеному, к волоченому, к тканому, и другим многочисленным родам кружев, употреблявшимся одновременно.

Оставляя, по невозможности удовлетворительно решить, вопрос этот открытым, перейдем к изучению исключительно плетеного кружева.

Занимаясь исследованиями кружевного дела в России, я имела возможность отметить следующее разряды кружев: кружева по виду с прямыми краями, заканчивающимися самыми незаметными зубчиками, или крошечными фестонами, и кружева с более или менее глубокими фестонами, более или менее острыми или пологими. Далее, по технике, кружево делится на: «численное», «русское сколочное», «цепное или связное» и «немецкое».

Знакомясь с формой металлических кружев, мы видим, что самый древний дошедший до нас образец его (табл. I, рис. 1) имеет ровные края, окаймленные маленькими фестончиками. То же самое мы находим и в кружевах нитяных. Стариннейшие образцы его по технике, тоже с ровными краями. Изображение таких кружев находится на табл. XIX, рис. 1 Рязанской губ., Михайловского уезда, на табл. XXXVI, рис. 2 и табл. XXXVII, рис. 2 Орловской губ. и на табл. XLIII, рис. 2 и табл. XLV, рис. 1 и 2 г. Белозерска. Все они заканчиваются либо крошечными зубчиками, либо маленькими кругловатыми фестонами.. Хотя рисунок металлических и нитяных кружев и не схож, так как в первом – ряд ромбов, а в других рисунках: 1-м Белозерском и 1-м Рязанском, геометрические очертания несколько изменены, как напр., в рис. 2-м Белозерском, но для нас указанное сходство в краях весьма важно, потому что оно несколько выясняет технику работы, имеющую тесную связь с формой кружев. Несколько выше мы упоминали о «численном» кружеве. Техника его заключается в строгом соблюдении одного и того же числа переплетов, дающих возможность повторять в точности один и тот же узор, не пользуясь при этом предварительно нарисованным узором.

Мастерицы считают численное кружево с прямыми краями стариннейшим в нашем производстве, и вот почему и для нас кружево металлическое с ровными краями является несомненно одним из древнейших.

Последующее изучение кружевного дела убедило меня еще более в справедливости такого мнения, и именно, когда мне пришлось ознакомиться с приемами плетения кружев в Минской губ., в селениях Любоницкой волости, когда-то принадлежавших польскому королевскому

дому. Там поселянки также плетут численное кружево, только для личного потребления, самого примитивного вида и также с прямыми краями (табл. LXIX), употребляя при этом не металлические булавки, как это делается всюду, а иглы от дикой груши. Иглы эти высушиваются, обтачиваются и служат для закрепления ниток на кружевной подушке. Только при численном кружеве, где вообще требуется мало булавок и где нет сколков (рисунков на бумаге), мыслимо употребление столь грубых инструментов, каковы деревянные «шпыльки» (деревянные иглы) по местному названию.

Но именно эта простота приемов, эта доступность иметь всегда под рукой нужные инструменты работы и дают нам полное право согласиться с мнением мастериц и считать численное кружево стариннейшим типом кружева в России.

Нельзя не упомянуть здесь же, что в том виде, в каком у нас существовало это кружево, мы его нигде в изданиях Западной Европы не встречаем!.. Правда, принимая во внимание исключительно технику некоторого испанского и итальянского кружева, можно предполагать, что система «численного» плетения была там известна, но там в результате получалось маленькое узкое кружево, весьма прозрачное, употреблявшееся для заканчивания кружевной отделки, вроде так называемого «гипюра». Напоминающий несколько такую работу рисунок мы находим у Seguin, стр. 151, фиг. 60.

О «бессколочном» кружеве, выплетавшемся в Выборгской губ., упоминает и В. Д. Комарова; но образцов вышедшего из употребления кружева мы не имеем, а знаем только, что оно было узкое и широкое, белое и цветное.

У нас же, напротив, рисунки «численного» кружева доказывают, что оно было весьма разнообразно по ширине, довольно «частое» по узору, белое или с примесью синей и красной бумаги.

К какому времени принадлежит появление другого вида русского кружева, называемого «русским сколочным», трудно определить, но мы находим его уже на металлических кружевах XVII века. Название его указывает на то, что для изготовления его требовался «сколок», т.е. заранее наколотый узор. Тип этого кружева встречается во многих образцах, имеющих у нас металлических кружев XVII и XVIII века (табл., III, рис. 1, 3 и 5, табл. IV, рис. 3 и 5, таб. IX, рис. 8, табл. X, рис. 1, и табл. XIII, рис. 1 и 3), а также и в кружевах нитяных. Тут мы опять замечаем то же очертание краев – совершенно ровное, кое-где с мелкими зубчиками или кругловатыми фестонами. Это черта настолько отличительная, что мы можем ее проследить в кружевных изделиях почти всех наших губерний. Даже и в тех случаях, где под влиянием новых образцов, о которых речь будет ниже, русское сколочное кружево стали плести в «города»; последние до того пологи, что едва отличаются от прямой линии. Некоторое сходство, но только в технике работы, мы находим у него с образцом финляндского старинного кружева (табл. LXXI, рис. 1), снимок которого сделан мною, в 1880 году, с финляндского полотенца, найденного в богатой коллекции кружев, пожертвованной А. П. Бахрушиным Политехническому музею в Москве, а также и с работой кружева шведского, приготовляемого местными жителями, специально для головных уборов. Образец рисунка такого кружева находится в издании г-жи Паллизер (стр. 247, рис. 104).

Строить, однако, на таких единичных фактах какие-либо положительные выводы было бы, конечно, преждевременно, и это тем более, что как финляндский, так и шведский образцы сделаны из ниток, между тем как у нас уже в металлическом кружеве, когда нитяное еще не было в употреблении, такое русское сколочное плетение было в ходу.

Любопытна еще одна особенность рисунка в русском сколочном кружеве. В нем простые линии преобладают, хотя встречаются и фантастические фигуры (табл. LIX, рис. 2), и так называемые «репья», т.е. род своеобразного трилистника, что и можно проследить в указанных выше рисунках на разных таблицах.

Последующее развитие этого кружева дает самые оригинальные результаты. Мы встречаем здесь и фигуры женщин с поднятыми вверх руками («воздевание рук» – обычный религиозный жест всех народов, как языческих, так и христианских) (табл. XXV, рис. 4), и разных зверей (там же, рис. 1), и, наконец, двуглавых птиц и орлов (табл. LXV, рис. 1 и 2, табл. LXVI, рис. 1).

При этом надо заметить, что рисунки кружев, снятые с полотенец, доставленных из г. Галича, Костромской губ., отличаются богатым подбором цветных шелков и серебряными, и золотыми нитками, которыми выложен узор, расположенный на нитяной сетке.

Ныне в г. Галиче кружевными работами более не занимаются, а «допреж», по словам местной торговли, такие кружева в г. Галиче плели купчихи и купеческие дочки».

Возвращаясь к изучению «русского сколочного кружева», мы должны заметить, что отличительной чертой его будет всегда более или менее мелкая сетка, служащая фоном, основой, на которой расположен рисунок, а также и прямые края. Весьма вероятно, что кружево это является как бы усовершенствованным видом кружева численного, и как одно, так и другое имеют в рисунке много сходства с народными вышивками.

Переходя к изучению других типов, необходимо заметить, что мастерицы часто соединяют в одно выражение «сданное» кружево – с кружевом «немецким», иногда же проводят некоторое различие между ними.

В том и другом случае отличительной чертой этого кружева будет «узор, выложенный как бы нескончаемой тесьмой, фигуры которого связаны редкой сеткой, называемой «сцепом». Кроме того, все кружево «сцепное и немецкое», там, где оно должно служить крайней отделкой, закапчивается глубокими городами, более острыми или круглыми, но никогда ровных краев не имеет.

В образцах металлических, мы имеем такое кружево, относящееся к XVII ст. (табл. III, рис. 2 и 4, табл. IV, рис. 1 и 6, табл. V, рис. 1 и 4, табл. VI, рис. 1, 2, 3, 4, 6 и 7, табл. VII, рис. 1) и рисунки XVIII века (табл. I, рис. 4, табл. II, рис. 5 и 4, табл. VII, рис. 6, табл. VIII, рис. 1 и 7, табл. IX, 1 и 7, табл. X, рис. 2, 3 и 4, табл. XI, рис. 1 и 4, табл. XII, рис. –1 и 3, табл. XIII, рис. 2, 4, 0 и 6, и табл. XIII B, рис. 1). К этому же времени относятся и письменные данные. А именно, под годом 1670 1) [Выходы царя Алексея Михайловича. Отд. III, кн. XXIII, стр. 534] мы находим кружево плетеное немецкое, широкое золотное с городами», под 1676 2)

[Выходы царя Феодора Алексеевича. Отд. IV, кн. XXXVII, стр. 628] точно так же «кружево немецкое плетеное с городами».

В предыдущих главах настоящего очерка, мы имели уже случай упомянуть о привозившихся к нам кружевах «молдавском» и др., и указать также и на устное предание о завезенном из Италии в Вологодскую губернию искусства делать «сканные кружева». Далее, между образцами, найденными в г. Белозерске, мне удалось разыскать весьма интересный образчик старинного плетения (табл. XLV, рис. 6), принадлежавшего по технике к «сцепному» кружеву, но, по выражению мастерицы, «с наплетом немецким».

Сравнивая технику и «сцепного», и «немецкого» кружева с кружевами Западной Европы, мы находим некоторое сходство их с генуэзским старинным гипюром, «выложенным как бы нескончаемой тесьмой». Изображение такого кружева помещено в книге г-жи Паллизер (стр. 61, рис. 31). Тут, кроме техники, мы видим еще большое сходство в рисунке, именно в трилистнике, встречающемся и у нас, то в более сжатой, удлинненной форме, то растянутой, несколько плосковатой.

Несмотря на такое сходство, при настоящем положении знаний, еще весьма недостаточном, утверждать, что сцепное немецкое кружево, столь распространенное у нас, происхождения итальянского, было бы преждевременно, тем более, что, вглядываясь в рисунки подобных кружев, приходишь к убеждению, что заносившиеся к нам образцы иностранных кружев служили нашим мастерицам преимущественно как бы образцом только новой техники. Таковое, например, было влияние и Klosterspitze, т. е. кружева монастырского, о котором упоминалось раньше, и принадлежащего к разряду сцепного кружева. Усвоив технику, плетели возвращались к изображению лично своих замыслов, или же обращались к вышивкам всякого рода. В этом нас убеждают все те разнообразные орнаменты и отделки, какие мы видим в наших кружевах, и вероятное желание мастерицы придать несколько иной вид тесьме, составляющей узор, делая ее то прозрачнее, то гуще, то ажурной, то рельефной.

При этом, в сцепном и немецком кружеве нам обрисовываются довольно ясно два направления узоров: в одном – виден орнамент, вытекающий из «трилистника» и «деревьям, ветви которого заканчиваются розетками; в другом – люди, птицы и звери. Затем оба вида этих рисунков соединяются и перемешиваются.

Достоин внимания еще и следующий факт: насколько «трилистник» удлинненный (табл. XVII, рис. 2), или «плосковатый» (табл. XVI, рис. 1, XV, рис. 2) составляет отличительную черту, присущую именно кружеву, плетеному сцепным – немецким манером, настолько он отсутствует, в кружевах численном и русском сколочном. Последние имеют свой особый «репей» или «трилистник» (табл. XXI, рис. 1, табл. XXV, рис. 2, табл. LIX, рис. 2, табл. LXII, рис. 2, табл. LXIII, рис. 3 и 4, табл. LXV, рис. 2 и 4 и табл. LXVI, рис. и др.). Зато звери, деревья, люди и птицы, выплетаемые немецким и сцепным манером, весьма схожи с такими же изображениями в русском сколочном кружеве, указывая, несомненно, на один и тот же источник для заимствования, а именно на вышивки по материям и по полотну, что и можно проследить на указанных выше таблицах, при сравнении рисунков кружев с вышивками в издании русского орнамента В. В. Стасова.

Таким образом, ознакомившись с развитием у нас разных типов кружев, отметим следующие, вполне общие их черты и особенности. Расспрашивая мастериц о технике и рисунках старинного «численного» и «сколочного» кружева, мне никогда не приходилось слышать, чтобы узор в них обозначался каким либо специальным названием. Исключение из этого общего правила составляют только три образца: один – найденный мною в Мценске, Орловской губ., – где старушка, продававшая мне простыню, назвала кружево, пришитое к ней, «численным», а узор «замки и раки» (табл. XXXVI, рис. 2); другой – встречен мною в Казанской губ., в Рыбной Слободе – «сколочное кружево», узор которого продавщица называла: «пава за павой» (табл. LXIV, рис. 4), и, наконец, третий – тоже сколочное кружево, с узором «пава и древо», найден мною в Слободе Кукарке, Вятской губ. В других губерниях, где, как например, в Тверской, нашлось также немало старинного сколочного кружева, никаких наименований рисунков мне не удалось разузнать.

Зато в последующем производстве сколочных кружев почти каждый образец получил свое название, одно общее, другое для каждого узора в отдельности. Объясняется это отчасти влиянием заносившихся образцов, отчасти попытками более даровитых мастериц, желавших внести что-либо своеобразное в отделку своих полотенец и простынь, и, наконец, теми старинными названиями сколков, которые, очевидно, когда-то существовали, но были утрачены в некоторых местностях, и особенно таких, где старинное плетеное, например, в гор. Торжке, Тверской губ., в губерниях Вологодской и Рязанской, заменилось новыми образцами. Исследование всех изложенных причин, в разных местностях появились свои «манеры» плетения, получившие общие названия: манера белозерского, балахнинского, рязанского, скопинского, елецкого, мценского и других. Эти названия касаются настолько же кружева сколочного, насколько и сцепного, немецкого. Таких названий не имеют лишь губернии Ярославская и Вятская, где вообще кружевное дело в упадке, и Московская, где кружевной промысел, современный нам, сравнительно не так давно обосновался и где мастерицы руководствуются более чужими образцами, совершенно утратив старинный способ плетения. Сравнение табл. XXXI и XXXII, кружева XVIII стол., с рисунками табл. XXXIII убеждает нас в этом вполне.

Помимо обозначения «манера», т.е. общего названия, в губерниях Вологодской, Нижегородской, Казанской, Тульской и Тверской, в г. Калязине кружевницы усвоили себе еще специальные технические термины, или названия отдельных частей узора, как например: «насновка», «рыбка», «репеек», «дорожка», «оплет», «полотнянка» и т. под. Подобные частичные обозначения употребляются исключительно при работе сцепного – немецкого кружева. В других же губерниях почти каждый узор получил свое собственное название, иногда очень типичное, но редко когда объяснимое. Таковы например: «протекай речка», «ветки проводы», «бровки-пышки-города», «мельницы», «круги», «денежки», «корабли» и «полукорабли», «мелкотравное», «белевский винок», «копытца», «травчатое», «сыпчатое», «вертячий край» и т. под., употребляемые при сколочном и сцепном кружеве.

В заключение настоящих указаний относительно особенностей и характерных черт русского кружева прибавим еще один весьма знаменательный факт, именно тот, что в понятиях мастериц, к какому бы району кружевной деятельности они ни принадлежали, представление о рисунках будет одно и то же. Так, «ромб» всюду называется «кругом»;

«река, речка» всюду представляются правильными «зигзагами»; «денежки» или «копеечки» неизменно являются в виде отдельных маленьких шашечек; узоры «кораблями», «кустами», «кусты», «мельницы», ничего общего с настоящими изображениями этих предметов не имеют, и тем не менее вполне понимаются мастерицами.

Насколько возможно было проследить по сочинениям западноевропейским, то только в Дании кружева отличались наименованиями согласно рисунку. Лично же мне пришлось отметить тот же факт и в селениях близ Генуи в Италии, при изучении там кружевного дела в 1882 году. Так, например, там существуют названия: *pizzi frutti*, *Varogino*, *leanne il'Arc* и друг. 1) [Очерк кружевного дела за границей, С. Давыдовой. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, выпуск IX, 1883 г. Отд. III, стр. 8.]

V.

До сих пор мы занимались техникой, видом и рисунками наших металлических кружев, шелковых и нитяных, изготовлявшихся по личному почину и согласно вкусам обитателей городов, сел и деревень более или менее отдаленного времени. Теперь перейдем к эпохе, когда к нам занесены были, во время царствования Петра I, образцы брабантского кружева и явились мастерицы из заграницы для введения нового дела.

Такое нововведение, как мы имели уже случай указать это ранее, нашло себе применение в усадьбах помещичьих и отчасти в женских монастырях. Имеющиеся у нас образцы относятся уже к более новому времени, т.е. к началу XIX столетия (табл. LX, рис. 2 и 4, и табл. LXI, рис. 3 и табл. LXX, рис. 1, 2, 3, 4, 5). Настоящие рисунки не представляют еще всех типов кружев, изготовлявшихся почти всюду у помещиков. Кроме подражания *Malines* и *Chantilly*, делали еще кружево наподобие гипюра, брюссельские и алансонские кружева. В общем надо сознаться, что эти нововведения отразились только на сколочном кружеве, повлияв несколько на очертания краев: т.е. из, более прямых, сколочные кружева начали плести с зубьями более или менее острыми или пологими. Но характера рисунков наших стародавних они почти не изменили. Тоже нужно сказать, и о кружевах, выплетавшихся в монастырях. Они, как мы это знаем по уцелевшим образцам, никогда не имели влияния на работу кружевниц, так как эти последние изучали свое ремесло по традиции, по рисункам и манеру, сохранявшимся в их семьях и в известном околотке, более или менее обширном.

VI.

В описаниях кружевного дела в разных странах мы нигде не встречаем такого богатства и такого разнообразия в материалах, какие существовали у нас. Так, из подлинных письменных актов мы узнаем, что для кружева на Руси употреблялось: «волоченное золото и серебро немецкое», – и отчасти «турское», «сканое» и «пряденое с шелком», золотая и серебряная «бить», разновидного изготовления, именно: «канитель», «трунцал», или «струнцал», «картулин» или «картулен», и разные роды так называемых «блесток»: «звездки», «пелепелы», «плащаки» и «чепочки». Далее мы находим упоминание о «жемчуге» (круживо сажено или низано жемчугом), о «перьях» (кружева низаны перьями), о «пухе» и «горностае» (круживо с пухом и с горностаем), о разных шелках, о «мишуре», о «фигурных штучках» и, наконец, о кружеве «бархатильном». Кроме таких общих

наименований, есть указания еще более подробные, относящиеся к канители, бывшей в самом большом употреблении. Канитель эта была: «тонкая», и «толстая», «гладкая» и «грановитая», «красная» собственно «золотая» и «цветная» (разных цветов), а также и «белая», «серебряная». «Трунцал» был также «красный», «золотой» и «белый», «серебряный». Весь этот материал упоминается в описаниях одежд царских в XVII веке.

Покупался же он в Серебряном ряду и у торговых немцев 1) [Забелин, Домашний быт русских цариц, издание 2-е, с дополнениями, стр. 665-666].

Далее мы находим еще весьма интересное указание на то, где именно приготавливался этот материал.

Забелин говорит: «Так как волоченого золота, серебра и канители употреблялось много, а дома все это можно было приготовить дешевле и выгоднее, то «во дворце», еще в начале XVII столетия, было заведено канительное производство, были вызваны немцы мастера и устроен канительный стан 2) [там же, стр. 666].

Такое богатство и разнообразие материалов соответствовали вполне разнообразию употреблявшегося кружева и применение его к отделке богатых верхних нарядов.

В имеющихся у нас образцах плетеного кружева этого периода, мы не находим ни пуха, ни перьев и весьма мало из вышепоименованных разновидностей металлических принадлежностей. Более всего встречается просто золотая и серебряная тянущая нитка и канитель; кое где гладкая бить, блески и жемчуга. Из этого мы должны заключить, что большая часть разных упомянутых материалов относилась преимущественно к кружевам тканым, кованым и другим, о которых говорилось у нас в своем месте.

Начиная с середины XVIII столетия и в начале XIX, все богатство металлических ниток уступило место разноцветному шелку, ниткам и, наконец, бумаге.

Наименьшее употребление выпало на долю шелков; таких кружев мы находим сравнительно весьма мало. Самое же большое количество кружев делалось из ниток, привозившихся к нам из-за границы, драбанских (брабантских), а также из ниток, приготавливавшихся в усадьбах у помещиков и самими плетелями кружев, мещанками и крестьянками.

VII.

Употребление кружев в России было до чрезвычайности распространено и разнообразно. Печатные акты и документы дают нам в этом отношении тем более интересные данные, что прямо указывают на то громадное различие, какое существовало между употреблением его у нас и в Западной Европе. Так, его носили князья, великие князья и цари; носило дворянство, купечество и крестьянство; ими же украшались церковные облачения и принадлежности церковной службы. Никогда никаких законов, служивших для ограничений или разграничений в ношении этой отделки, не издавалось, как это было почти во всех государствах Европы, и мы увидим ниже, что даже такие дорогие кружева, каковы должны были быть кружева жемчужные, и те являлись достоянием всех сословий.

Самые первые указания на кружевную отделку относятся ко времени княжескому: к платью, «кожуху князя Даниила Галицкого», в 1252 году. В 1288 говорится об «оксамите», которым по смерти был увит знаменитый Владимир Галицкий 1) [Ипатьевская летопись].

Далее, в духовной грамоте князя Михаила Андреевича Верейского, около 1486 года, говорится об отказе великому князю Ивану Васильевичу: «да круживо кожущное не цело с зарукавьем...» 2) [Собрание госуд. грамот и договоров, т. 1, стр. 301]; в другой духовной грамоте, его же, и того же времени, упоминается, между прочим, «ларец с костью, а в нем каймы да круживо...» 3) [там же, № 122, стр. 303].

В духовной грамоте княгини Юлианы, супруги князя Василия Борисовича Волоцкого, около 1503 г., упоминается «сорочка шита червчата, рукава сожены, ... да круживо на портищо шито золотом да серебром...» 4) [там же, № 131, с. 340].

В духовной князя Дмитрия Ивановича, около 1509 г., мы находим «круживо с рукава шубы русские, сажено жемчугом гурмыским, ... ментеня отлас вишне венедецкой, на черевих на белих, а круживо у нее сажено жемчугом гурмыским на бели с дробницею» 5) [там же, № 147, стр. 407].

Но, кроме княжеских и великокняжеских нарядов, в начале XV столетия золотыми и серебряными кружевами обшивали покровы. Так, в Троицко-Сергиевской лавре хранится до сих пор покров к мощам преподобного Сергия из зеленой камки с кружевами (табл. I, рис. 1) вклад великого князя Василия Дмитриевича, сына Донского 1424 г.

Самым же богатым периодом употребления кружев надо считать XVII век, от которого у нас уцелело множество как церковных облачений и предметов, так и царских нарядов.

Для церкви кружевом обшивались: воздухи, священнические одежды, орари, ризы, стихари, фелони, покровцы, епитрахили, саккосы, набедренники, пелены и ширинки для патриаршего посоха. Прилагаемые при сем рисунки (табл. I-XIII) дают нам полное понятие о виде такого кружева как XVII, так и XVIII века. Письменные же данные еще более обрисовывают нам все богатство и разнообразие, вносившееся в подобные украшения.

Так, в отрывках из описи Новгородского Софийского собора, первой половины XVII-го века, упоминаются: «ризы Пименовские, атласные, по белой земле круги, шелк червчат да чернь; да в тех кругах листы тканые золотом, а около риз круживо ткано серебром с шелком с червчатым, а в том круживе в четырех местах шиты слова»... 1) [Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества. 1861, стр. 307]; «ризы камка ценинная..., крест и звезда и по подолу круживо камка вишнева...; ризы алтабас серебрян... по подолу круживо, атлас золотной на таусинной земле...» 2) [там же, стр. 368]; «ризы камка белая куфтор... по подолу круживо, атласец золотной на вишневой земле...; ризы камка адамашка, большой узор..., по подолу круживо дороги полосаты, розных шелков...; ризы камка бела, адамашка, большой узор... но подолу круживо тафта веницейская двоелична, шелк зелен да желт. ..3) [там же, стр. 368]; стихарь протодьяконский большой, алтабас золотной по зеленой земле... по подолу круживо алтабас золотной...; стихарь тафта зелена... по подолу круживо, шиты слова золотом да серебром...; стихарь шит в останках дву

камочек... по подолу круживо камка, мозаична...; два стихаря камка бела, адамашка... по подолу круживо, дороги полосатая...4) [там же, стр. 369]; стихарь постный, камка багрова... по подолу круживо атлас золотной по таусинной земле...; стихарь камка багрова... до подолу круживо тафта кирпичный цвет, стихарь постный, изуфрь черна; оплечье и зарукавье бархат золотной на червчатой земле, по подолу круживо бархатильное...» 5) [там же, стр. 370].

В описи имущества Вологодского архиерейского дома, 1663 года, мы находим «кружива немецкаго кованого золотнаго, весом один фунт » 6) [Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества, Т. V, стр. 98].

В описи Павло-Обнорского монастыря, Вологодской епархии, 1683 года, мы встречаем: «ризы атлас белый, обложено круживом кованым серебряным...» 7) [там же, стр. 262]; «ризы зендейныя темно-кирпичный цвет... крест кружива золотого...» 8) [там же, стр. 264]; патрахиль атлас золотой по лазоревой земле, на ней 17 пуговиц серебряных, сканных, золочены, обложены круживом золотым...»9) [там же, стр. 267], «улярь атлас цветной, обложен атласом червчатым ; у него 6 кистей шелковых, под кистями обложено круживом мишурным...» 10) [там же, стр. 269]; «набедреник атлас червчатый, кругом обложен галуном серебряным, поперек три полосы кружива серебряного кованого...» 11) [там же, стр. 271]; «ширинка тафта белая, вшито вместо узора круживо тканое золотом с серебром...»12) [там же, стр. 271]; «из казны в ризницу взято кружива тканого золотнаго 22 золотника... 13) [там же, стр. 276].

В описи некоторых – риз Московского Данилова монастыря, 1683-года, мы встречаем несколько риз, на которых «вместо омета нашито круживо золотное с городами...» 14) [Дополнения к Актам историческим, т. X, № 106. Дело по жалобе игумена Московского Данилова монастыря Тимофея на архимандрита Симонова монастыря Гавриила, взявшего с собою, при переводе в Симонов монастырь из Данилова, пожалованный последнему царем Федором Алексеевичем облачения, стр. 463] или же «круживо серебряное и золотное...» 15) [там же, стр. 464].

Во вкладной книге Владимирского Рождественского монастыря читаем: «Лета 1688, Московского Успенского собора протодиакон Борис Иаковлев, владимирец, дал в дома Преч. Богородицы, в св. церковь, на престол, одеяние бархатное золотное с кругами, на нем крест большой золотой, ковано круживо...1) [Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества], т. IV, стр. 350]; покров большой бархатный золотной с кругами, на нем крест, круживо золотное кованое...» 2) [там же, стр. 351]. «Лета 1697 ризохранитель иеродиакон Боголеп содела на св. мощи вел. князя Александра Невского... два покрыва, един атласный, вишневыи, другой камчатный зеленый, кресты на них круживные...»3) [там же, стр. 360]; «он же, святейшего патриарха ризничий иеродиакон Боголеп дал в дом Преч. Богородицы, во св. церковь, ризы байберековые, по червчатой земле, травы золотные и серебряные... опушка круживо серебряно с городами, по атласу, осиновыи цвет...» 4) [там же, стр. 362] «Лета 1709 (в числе вклада окольничего Иакинфова)... ризы камка веницкая жаркая... круг оплечья и подола круживо серебряное с златом, с городами...5) [там же, стр. 363], епитрахиль атлас красный, по нем травы золотные, обложена кругом и середник, и семь крестов, круживо серебряное, кованое...; стихарь объяринный серебряный белый, оплечье и опушка круживо шитое златом и серебром по алому атласу с городами и с

блестками серебряными...; три покрыва на сосуды, середники аксамитные золотные, опушка кругом участковая золото с серебром, по опушки, и по середине, и кресты, круживо плетеное с городы серебряное, подложены тафтою красною; пелена на налое бархатная золотная опушка обьяринная цветная, крест на ней круживо кованое серебряное, подложена крашениною красною...6) [там же, стр. 364].

Переходя к употреблению кружев царями, мы находим, что оно применялось в разнообразнейшим предметам, как например к царскому наряду вообще, так и к наволокам, к перчаткам 7) [в Романовском дворце на Варварке, в Москве, металлические кружева конца XVII века], к полотенцам (табл. IV, рис. 2), к платам (табл. IV, рис. 6, табл. V, рис. 2, 3 и 4), к чепракам (табл. V, рис. 1, табл. VI, рис. 2) к галдарям и т. под.

Цари часто жертвовали свои кружевные украшения в церкви. Образец такой милости царской мы находим в ризнице Киево-Софийского собора, где на одной ризе помечено слово «Царская» (табл. VII, рис. 4). Риза эта принадлежит XVIII веку.

Царицы же и царевны нередко сами делали кружева и жертвовали их в церкви. Таково например, кружево (табл. IX, рис. 8) дар царевны Маргариты Алексеевны, помеченный 1704 годом, в Успенском женском монастыре в г. Александрове, Владимирской губ.

Указанные здесь образцы рисунков относятся исключительно к дошедшему до нас плетеному кружеву. Мы же имеем, кроме того, богатый материал в печати, в описаниях «старинных царских утварей и одежды» Савваитова и «царских выходов» Строева, и других.

Так под 1486 годом мы находим указание на «круживо кожушное» 8) [Древн. росс. Вивлиоф., Изд. Н. Новикова, изд. 2-е, 1788 г., часть II, стр. 221. № 103; Духовная грам. князя Михаила Андреевича Верейского].

Под 1508 годом: «круживо с рукава шубы русския, сожено жемчугом Гурмыским » 9) [Там же, Духовная грам. князя Дмитрия Иоанновича Углицкого, часть 3-я, стр. 11, № 120].

В 1589 году: «Круживо немецкое зубчатое, немецкое золото с серебром, колесчатое, делано в кружки, шелк червчат с серебром, круживо немецкое золото с полосами, с коваными; в середках три веревочки серебряны; круживо золотое узенко; круживо низано жемчугом в шахматы; круживо сажено рясою» 10) [Савваитов, Описание старинной царской утвари и одежд, стр. 12-19. Платье царя Бориса Феодоровича Годунова].

Во время царствования царя Михаила Феодоровича, под 1629 г.: «круживо и петли низаны перьями, жемчугом и канителью; круживо золотное, широкое с пелепелы; круживо тканое; немецкое круживо и петли канительные золотые и цветы; круживо золотное коленчатое; круживо кружковое, петельчатое, решетчатое, цепковое, плетеное, веревчатое в проем, в чепки или чепми 1) [там же: Платье царя Михаила Феодоровича, стр. 49-55].

В книге Строева мы находим, под 1633 годом: «декабря в 15-й день (Выходы царя Михаила Феодоровича): а на государе – платно первого наряду, круживо низано жемчугом большим, с камнем по червчатому бархату; там же – кафтан становой круживо низано жемчугом с канителью

и картулином по червчетому отласу» 2) [Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1082 год), Павла Строева, Москва, 1844 г. стр. 24]; под 1636 г., сентября в 1 день: «а на государе – однорядка, малиновый цвет, круживо золотное решетчатое, в краях серебро» 3) [там же, стр. 41]; под 1637 г. мая в 4-й день: «а на государе было платья: опашень и т.д., круживо золотное, широкое, петельчатое» 4) [там же, с. 48]; под 1640 г. генваря в 12-й день: «а на государе шуба и т. д., круживо колесчато золото с серебром» 5) [там же, стр. 81].

Выходы царя Алексея: под 1647 г., генваря в 6-й день: «а на государе кафтан становой и т. д., круживо жемчужное с канителью и с трунцалы в середках, низано шахматы» 6) [там же, стр. 149]; под 1651 г., марта в 28-й день: «а на государе был... опашень и т. д., нашивка кизылбаская, золото с шелки ткани в кружки» 7) [там же, стр. 242]; под 1659 г., октября в 1-й день: «а на государе была однорядка, сукно малиновое, с круживом, с широким кованым золотным» 8) [там же, стр. 315]; под 1663 г., октября в 9-й день: «а на государе платья: ферезья, круживо немецкое плетеное, золото с серебром в городы» 9) [там же, стр. 406]; под 1671 г. генваря в 6-й день: «а на великом государе был наряд царский: платно царское второго наряду, круживо и на рукавах запястье низано жемчюгом чепми но червчатому бархату (круживо переменяется с причасного платна)» 10) [там же, стр. 540].

Выходы царя Феодора: под 1676 годом, «декабря в 25-й день: «на государе кафтан становой и т. д. с круживом кружковым золотным» 11) [там же, стр. 633]; того же дня: «а на государе платно, и т. д., круживо низано жемчюгом по червчатому бархату, чепми с пухом и с горностаи» 12) [там же, стр. 633]; под 1677 годом: декабря в 25-й день: «а на великом государе было платья: шуба и т. д., круживо плетеное» 13) [там же, стр. 645]; под 1678 годом, октября в 11-й день: «а на государе ферезья теплая, круживо серебряное, плетеное с городы» 14) [там же, стр. 667]), и т. д.

В приведенных здесь выдержках из разных печатных источников мы находим полное подтверждение мнению, высказанному нами в начале настоящего очерка относительно происхождения слова «кружево», так как среди всего богатства отделок, плетеное кружево упоминается сравнительно редко, между тем как слово «круживо» встречается при описании каждой отделки, будь она из жемчуга и пуха, или из серебра и золота.

Далее, согласно письменным данным, мы видим, что дворянство, в XVII и в начале XVIII века, также немало украшало свои наряды дорогим кружевом.

В рядной записи 1641 г., о приданом девицы Гликерии Ивановой Задонской, из местности нынешней Вологодской губернии, упоминается «телогрея, камка цветная» на лисьих лапах, с круживом кованым – цена 10 рублей; да охабень алый дорогильной с круживом серебряными кованым – 10 рублей...» 1) [Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества», т. I, стр. 375].

В рядной росписи о женитьбе вологжанина Ефима Иванова на девице Вассе Михайловой 1670 г. упоминается «охабень жолт камчат, кружива серебряная...» 2) [Сахаров. Сказания Русского народа, т. 11, книга VI, стр.

105].

В описи Вологодского дворянского имения, 1671 г., мы встречаем «спорок обьярь алая, круживо серебряное, кованое..., кокошник обложен круживом золотным, плетеным...» 3) [там же, стр. 376].

В духовной памяти Натальи Толоченовой, из города Шуи, 1651 г., упоминаются: «шуба червчатая, куфтерь на соболях, с круживом...4) [Старинные акты, служащие дополнением к описанию города Шуи, собр. Борисовым, изд. Я. Горелиным. Москва, 1853, № 75, стр. 133]; шуба кунья под камкою зеленою с круживом...; шуба цветная, камчатая, на горностае с круживом, охабень жолт камчатной с круживом...» 5) [там же, стр. 134].

В рядной записи. 1684 г., Федоры Казимировой, также из города Шуи, сговорившей свою дочь Алену за стряпчева Глеба Островского, упоминаются: «шуба желтая, камчатная, мех белей хребтовый, круживо серебряное, плетеное; охабень тафтяной жаркой, пуговицы серебряный, круживо серебряное...» 6) [там же, № 163, стр. 298].

В рядной записи, писанной в Муроме, в 1678 г., при сговоре Натальи Аристовой за Исаю Ивашева, упоминается «шуба тафтяная на белках, тафта желтая с круживом...» 7) [Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. III, № IV, стр. 201].

В духовной Соломонины Федоровой, 1690 г., писанной, кажется, в Москве, упоминается «шуба обьяринная, зеленая, с круживом, мех белей, спорок атласный с круживом...» 8) [там же, стр. 134].

В рядной, писанной в Твери, в 1694 г., при сговоре Лавры Суворовой за Силу Пушкина, упоминается «шуба камчатая, мех белей, круживо кушащатое с серебром; шуба камчатая, луданная, мех лисей, пугвнцы канительные с круживом с серебряным, с золотом; шуба тафтяная желтая, мех белей, с круживом, пугвицы серебряные, круживо немецкое; шуба тафтяная, струйчатая, алая с круживом...; телогрея камчатая, с круживом, кушащатым...; пять простынь, шитые с круживами...» 9) [там же, т. III, № VI, стр. 295].

В сговорной, писанной в 1695 г., в Кашине, при выдаче Каптелины Тверковой замуж за Ивана Томоновского, упоминается «шуба изарбатная теплая, мех лисий, лапчатый, с круживом серебряным...» 10) [там же, № V, стр. 310]].

В рядной, писанной в Касимове, в 1695 г., при выдаче Агафьи Квашниной замуж за Якова Борисова, упоминаются «кокошник шитый, тафтяной, с круживцом серебряным..., 15 платков шитых с лентами и с круживцом. ...» 11) [там же, № VII, стр. 296].

В рядной, писанной в Волхове в 1699 г., при сговоре Екатерины Кривцовой за Ивана Рагозина, упоминается «шуба камчатая, жаркой цвет, мех белой, круживо золотое с городами; телогрея камчатая, васильковый цвет, круживо серебряное...; шуба тафтяная, алая, мех белей, круживо кушащатое...» 12) [там же, № VIII, стр. 298].

В рядной, писанной, кажется, в Пензе, в 1701 г., при сговоре Авдотьи Юматовой за Василия Яковлева, упоминается «шуба камчатая, новая, зеленая, кружива серебряные...» 13) [там же, № IX, стр. 300]].

В росписи, писанной в 1710 г., в Холмогорах, с исчислением приданого, оставшегося после смерти дочери вдовы Пелагеи Матвеевой, упоминается «треух, обложен бобром, камки алой, круживо золотое...; да на шубку тафтяную взято кружива шелкового две полосы, ценою в 5 алтын...; два платка, лощеного полотна, с круживы золотыми...» 14) [Там же: Дело с просьбы вдовы Пелагеи Матвеевой, о взыскании приданого с бывшего зятя, холмогорца Федора Янкина, по смерти дочери ее, стр. 76, 79].

Образцов таких кружев из этого периода до нас не дошло. Судя же по названиям, как то: кружево немецкое, кушацатое, кованое и т. д., мы должны заключить, что оно было по виду совершенно тождественно с царским кружевом, тем более, что оно применялось, как и при дворе, к верхней одежде, деланной из тех же богатых материй.

Что это было именно так, мы можем убедиться, просматривая Акты Исторические. Там находится упоминание о «росписи платью», пожалованному царем Борисом Годуновым семейству сибирского царя Кучюма, в 1599 г.: «Кучюмове большой царице Салтаным: шуба, камка, адамашка рудожелта, на куницах, опушена атласом с серебром, вокруг ее и по швам круживо, шелк черн с серебром, петли шелк черн, пуговицы королковые. Другой царице Сюйдеджан: шуба камка адамашка бела, на пупках на собольих, опушена атласом золотным, круг ее круживо и по швом, шелк червчат да черн с золотом, пуговицы серебряны...». Всем прочим царицам платью дано без кружива¹⁾ [Акты исторические, т. I, стр. 17].

Пятьдесят девять лет позже, в 1658 г., при царе Алексее Михайловиче, в «Росписи, что послано калмыцким тайшам государева жалованья, с астраханским стрелецким головой, Прокофьем Шибановым», мы читаем: «Дайчину Тайше: шуба соболья, пластинчатая, в ожерелье бобры, с пугвицы королковыми, на синях с жемчуги; однорядка алая, с круживом золотным... Тайшиновым детям, Мончаку да Манжику...: по однорядке, с круживом золотным кованым, пугвицы королковыя, на синях серебряных с жемчуги... Тайшиным племянникам, четверем человекам...: по однорядке червчатой, из аглинских сукон, с кружвы золотными коваными, с пугвицы королковыми... Улусным людям, 50 человеком: по однорядке по червчатой из аглинских сукон, с круживы мишурными коваными...» 2) [там же, стр. 235-7]. Эти два свидетельства кажутся нам очень важными.

Тут мы уже ясно видим, что не только глава семьи, но и сыновья его, и племянники, и даже улусные люди, все получили платья с кружевом.

Несомненно поэтому, что в России все дворяне носили такое же по покрою и по отделке платье, какое нашивалось и царями.

Весьма ценным в этом отношении являются образцы кружев, принадлежащие XVIII веку (табл. VII, рис. 2, 5 и 6). Кружева эти находятся в ризнице Киево-Печерской лавры и принадлежат: № 2, одежда гетманши Скоропадской, а № 5 и 6 – ризе гетманской; сделаны они также из золотых и серебряных ниток.

Что же касается кружева, употреблявшегося купечеством, мещанством и крестьянством в царский период, то, за неимением многочисленных образцов, мы должны опираться более на письменные данные.

Так, в рядной (сговорной) 1612 г., о женитьбе крестьянина Марка

Скоровского, Спасо-Прилуцкого монастыря, вологодской епархии, на Милаве Окинфиевой, упоминаются «две шапки женских камчатых, лазорева да красная, одна с круживом жемчужным. ..»3) [Акты юридические, № 395, стр. 419].

Из деловой крепости 1647. г., составленной крестьянами Галушиными, Ровдогорского селения (в нынешнем Холмогорском уезде), видно, что племянница их получила от своих дядьев, за деревенский участок отца, в приданое, между прочим, «круживо жемчужное на шапку, цена один рубль...» 4) [Ефименко, приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии, «Записки Императорского Географического Общества», Отделение Этнографии, т. III, стр. 20].

В описи имения посадского Вологжанина, Ивана Скрябина, 1672 г., упоминаются, в числе многих других предметов: «шубка дорогильная, желтая, нашивка шелковая с золотом, круживо мишурное с пухом..., шунун суконный червчатый, нашивка шелковая с золотом, круживо мишурное с пухом; шубка киндяшная червчатая, с пухом, круживо мишурное...; сукня червчатая с нашивкой шелковой, круживо мишурное...; шапка женская, пух бобровый, вершок золотной, на верши: круживо и опутины жемчужные...»1) [«Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества», т. III, стр.. 59-60].

В сговорной, писанной в Москве, в 1696 г., при выдаче гостиной дочери Елены Нестеровой замуж за Ивана Протопопова, упоминаются: «телогрея объаринная, брусничный цвет, круживо золотное с городами, обложено огоньками собольими; шуба байберечная рудожелтая, с круживом серебряным, с городами...; телогрея камчатая лауданная, бруснишной цвет, круживо золото с серебром с городами; телогрея камчатая; алая, круживо серебряное с городами...»2) [«Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III, № IV, стр. 312].

Везде здесь мы встречаем опять те же поименованные, что и в росписях царского платья, а именно: «круживо жемчужное», «круживо мишурное с пухом», «круживо мишурное», «круживо золотное с городами», «круживо серебряное с городами», наконец, «круживо золото с серебром, с городами».

Можно было бы предположить, что достоинством такие кружева были ниже.

Сличая, однако, имеющиеся у нас немногие образцы, мы убедимся вполне, что даже и такого различия не существовало. Так, например, металлическое кружево (табл. XII, рис. 3), снятое с повязки девушки города Кашина (Тверской губ.), вполне тождественно по работе и виду с кружевом, изображенным на становом холодном кафтане Петра I 3) [Древности Российского Государства, Отд. II, лист 52-55]. Такого же типа и характера металлическое кружево на сарафане женщины города Весьегонска (Тверской губ., табл. XII, рис. 1) 4) [Манекен в Тверском музее]. Подобное же сходство мы находим в кружевах, употреблявшихся для наряда гражданского и для надобностей церкви. Так, на фате женщины города Весьегонска (табл. II, рис. 5), мы видим то же кружево, только несколько уже, какое встречается в числе металлических кружев, найденных в Новоторжской единоверческой церкви (табл. II, рис. 4); точь-в-точь такое же кружево золотое я видела в коллекции костромских кружев, принадлежащих к богатому наряду купчихи из города Галича.

Далее, на надзеркальном полотенце (табл. IV, рис. 2), данном царицею Прасковьей Феодоровною патриарху Адриану, в 1616 г., мы находим то же крайнее металлическое кружево, что и на священнической одежде в Феодоровском женском монастыре, в Переяславле-Залесском. Вообще, одно и то же по рисунку металлическое кружево встречается в разных местах, в ризницах, в Киеве, в Москве, в Кирилло-Белозерском монастыре, в городе Александрове, Владимирской губернии, и во многих других городах, даже в ризнице города Екатеринодара, Кубанской области: здесь риза с золотым и серебряным кружевом помечена уже весьма поздним временем, а именно 1804 годом. Так как г. Екатеринодар праздновал только в 1888 году 100-летнее свое существование, то риза эта, очевидно, была пожертвована из другого места.

Таким образом, до начала XVIII века все кружево, какого бы вида и достоинства оно ни было, составляло достояние всех сословий. Факт этот, в высшей степени знаменательный, объясняет нам лучше всего то сходство с старинным плетением в технике и в названиях кружев, какое мы замечаем до сих пор в кружевной работе среди крестьянок и мещанок, единственных в настоящее время представительниц кружевного дела в России.

С воцарением Петра I изменение в наряде внесло, как известно, совершенный переворот в отделке, употреблявшейся при дворе. С этой минуты настал полный раскол и в вопросе кружев, и хотя носить его продолжали весьма много, но применялось оно несколько иначе. Так, им стали отделять больше белье носильное и постельное, разное платье и головные уборы, но уже для верхнего наряда, для выхода, для церковных облачений, для чепраков и т. под. оно не шло, так как делалось из нитки шелка и бумаги. Говоря словами В. В. Стасова, «кружево переложилось с золота и серебра на ассигнации», продолжая по-прежнему оставаться достоянием всех сословий в России.

VIII.

Весьма интересно было бы указать здесь цены кружев, существовавшие в разное время в России. К сожалению, мы не имеем особенно важных и многочисленных данных по этому вопросу, и потому должны ограничиться немногими указаниями. В рядной записи 1641 г. мы находим «круживо кованое – цена 10 рублей», круживо серебряное кованое – 10 рублей» 1) [«Известия Императорского С.-Петербургского Археологического Общества», т. I, стр. 375.]. В 1710 г. «кружива шелкового две полосы, ценою в 5 алтын; далее, немецкое круживо, дешевое, купят по 2 деньги 2) [«Записки Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Археол. общ.», т. I, 1851 г., Торговая книга, № 154], кружива немецкие, дешевые, по 2 деньги» 3) [Временник 1860 г., Торговая книга, № 160].

Очевидно, что здесь дело идет не о самых дорогих кружевах, а о заурядных, составлявших предмет торговли.

Невидимому, однако, торг кружевами был, действительно, весьма значительный, а потому особого внимания заслуживает указание на то, что уже в 1687 году упоминается об особенном «Кружевном ряде» 4) [«Дополнения к актам историческим», т. XII, стр. 318], существовавшем в гостинном дворе в Москве и, вероятно, основанном несколько раньше.

IX.

До сих пор мы занимались разными отдельными вопросами, касающимися исторического развития кружевного дела в России. Посмотрим теперь, кто именно участвовал в изготовлении многообразных украшений, именованных «кружевом». Раньше мы имели уже случай упомянуть о княжнах русских, путешествовавших в Грецию и в Царьград, и основывавших монастыри, где занимались обучением черноризиц-девиц грамоте, пению и шитью.

«В последующее время, в XVI и XVII столетии, мы находим, что в каждом домохозяйном и достаточном хозяйстве, золотное и шелковое наличное дело принадлежит уже к необходимым статьям общего домоводства, и занимает самое видное место в числе разных других рукоделий. Каждая достаточная государыня и добрая домоводица, а главное, добрая рукодельница, всегда сама была искусницею в наличном деле. К тому же, и самое положение женского быта, монастырски замкнутого и недоступного обществу, должно было особенно благоприятствовать укоренению и распространению этого рукоделия»⁵⁾ [Забелин, «Домашний быт русских цариц». Второе издание с дополнениями. Москва, 1872 г., стр. 661].

«Петрей (писатель XVI века), описывая современное ему положение русских женщин, говорит, что и в домашнем хозяйстве лучшие и знатнейшие женщины имеют мало значения; мужья содержат их как невольниц; они сидят взаперти в своих комнатах и обыкновенно шьют ширинки золотом, серебром и шелками; они очень искусны в этом деле и мастерицы вышивать по всякому узору; некоторые даже до того, что перещеголяют иных швей в шитье жемчугом, и рукоделия их вывозятся в дальние края»⁶⁾ [там же, стр. 670-671].

Приведенные сведения рисуют очень отчетливо стремления общества в России, и весь строй его до самого конца XVII столетия. Судя по уцелевшим до сих пор предметам, все те из них, которые украшались вышивками золотом, серебром и шелком, зараз украшались также и золотым, серебряным или шелковым кружевом.

Нельзя при этом не обратить особенного внимания на то важное значение, какое придавали в это время женским работам и (как выражаются старинные тексты) «женскому замыслению», по отношению к сочинению узора и всяких украшений. «Замысление» этому отводилось очень почетное и широкое место.

Все, что здесь говорится относительно занятий русских княжон, черноризиц и знатнейших женщин, может быть всецело применено к русской женщине известной эпохи вообще. В теремах жили не только царицы и царевны, боярыни и боярышни, но и купчихи, мещанки и крестьянки. Мы знаем, что из всех сословий шли также в монастыри, чтобы жить, как выражаются обыкновенно крестьянки, «не по своей воле». До сих пор еще во многих женских монастырях сохранился обычай принимать сироток, которых монахини обучают всяким рукоделиям и которые затем нередко остаются совсем в монастыре, посвящая себя служению Богу.

Кроме сироток, в монастырях проживают временами родственницы монахинь, молодые девушки, получающие, под руководством опытных и знающих сестер, самое разнообразное обучение рукоделиям. Из укромных и уютных монастырских келий, умение работать переходит в семьи, и таким образом распространяется среди населения России.

Обычаи эти представляются нам лишь сколком с обычаев древних, составлявших основу всего строя замкнутой жизни до-Петровского времени.

До какой степени женское рукоделие являлось необходимым условием этой замкнутой жизни, можно судить потому, что с самого начала XVII века существовали при дворе «царские знаменщики» (рисовальщики), изготовлявшие разные рисунки специально для женских работ. Так, например, в 1626 г. «знаменщики Иван Некрасов и Петр Ремезов знаменили к царицыной опашнице кружево белилами»; в 1650 г. «Оружейной палаты знаменщик Иван Матвеев знаменил под шитье на сак по бархату червчатому оплечье и зарукавье и круживо» 1) [Забелин, Домашний быт русских цариц, издание 2-е, с дополнениями, «Материалы», стр. 156-161]. В 1645 г. упоминается царский кружевной мастер Федька Корнильев, и описывается его кружевной стан, а в 1680 г. – царский кружевник Макар 2) [там же, стр. 118-128].

Казалось бы, при таком направлении женского труда, все богатство работ и украшений, вносившихся в наряды и в обиход жизни русского человека издавна, должны были бы покоиться на самых прочных основаниях. В действительности же мы видим совершенно иное. Сгруппированные в настоящем очерке данные исторического хода и развития, по эпохам, кружевного дела в России доказывают довольно ясно, что женские рукоделия: вышивание серебром, золотом и шелками, равно и кружевная работа, имевшая целью украшать княжеский, царский и боярский наряды, церковные облачения и предметы, употребляемые при церковной службе, взлелеянные в светлицах и являвшиеся, по-видимому, лишь роскошью в платье остальных сословий, – были вызваны требованиями времени, прихотью моды, но никогда не составляли действительной потребности всеобщей народной жизни.

Поэтому, с переменою строя в высшем обществе, с уничтожением теремов и с стремлением, охватившим как двор, так и дворянство в России, подражать исключительно западноевропейским обычаям и модам, занятие прежним рукоделием отступило на задний план, пока, наконец, совершенно не было забыто.

От столь богатой эпохи процветания, как «женского замышления», так и исполнения его, у нас остались лишь образцы, свидетельствующие о дарованиях самих производительниц; но представительниц последних в том кругу, где они действовали и где заслужили столь дочтенное место своим искусством, мы более не находим.

Совершенно иное мы встречаем среди других представительниц женского рукоделия, среди купеческого, мещанского и крестьянского населения в России.

Из документов исторических мы знаем, что и это население носило то же самое богатое кружево, что и высшее общество.

Почему же оно не вытеснило собою более простое рукоделие, дошедшее до нас? Чем вдохновлялось это население, для исполнения своего «замышления»? В чем, наконец, высказывались потребности его жизни?

Разрешение этих вопросов мы должны искать в изучении памятников русского народного творчества. Говоря словами В. В. Стасова, «в

вышивках и тканях по холсту уцелели самые многочисленные, самые оригинальные, самые характерные и самые значительные остатки национального русского художества. На полотенцах, простынях, наволочках, рубахах, передниках, женских головных уборах и т. д., т.е. вообще на предметах самого постоянного и общераспространенного употребления, на предметах, можно сказать, почти не покидавших древнего русского человека с утра и до вечера, с вечера и до утра, дома, в избе и на работах в поле, в будни и в праздник, присутствовавших при обрядах начала и конца жизни каждого, при свадьбах и торжествах, одним словом всегда и везде, на этих предметах ярко обозначались и художественные вкусы и религиозные представления, и весь наивный склад фантазии комбинирующих соображений, остроумных расчетов, прилаживания и ловкого сплочения разнообразных составных частей» 1) [«Русский Народный Орнамент», 1872 г., Введение, стр. III].

И в самом деле, нельзя не удивиться, сколько времени отдавала женщина-купчиха, мещанка и женщина-крестьянка работам, совершенно не производительным с экономической стороны, но которые были в высшей степени необходимы для их духовной жизни, так как они вводили русский народ в тот мир фантазии, где он чувствовал себя полным хозяином, где, наконец, творческому замыслению русской женщины открывалось широкое поле.

Украшать обстановку своей жизни, твердо сохранять обычаи старины, а вместе с тем своим рукоделием снискивать себе славу трудолюбивой и искусной работницы – вот каким целям всегда служили женские народные рукоделия, и в чем скрывалась постоянная их живучесть.

Вследствие этого, собственно шитые произведения, преимущественно полотенца, называемые также «наспичниками», «накрючниками», или «набожниками», простыни и т. под., вышитые в строку, двулочным швом, крестиками, атласником, по вырезкам, и т.д., встречаются у нас повсеместно.

Работа же нитяных кружев, более позднее создание женского творчества, заимствовавшее, к тому же, узоры свои у шитья, основалась у нас не повсюду, а только в некоторых губерниях России, где и образовала свои центры. В этом случае купеческому и мещанскому сословию выпала выдающаяся роль, между тем как крестьянское население только в немногих местностях заменило кружевом свои стародавние вышиванья.

Оно и понятно. Купеческие жены и дочери, несколько обеспеченные, располагали большим досугом и потому могли употреблять его по своему усмотрению, согласно своим личным вкусам. Поэтому-то в немногих образцах, находящихся доньше в обращении и продаваемых, скрепя сердце, обедневшими купеческими семьями, мы находим замечательное искусство не только работы, но и самого рисунка. Видно по всему, что этому излюбленному занятию, долженствовавшему украшать приданое самой рукодельницы, отдавалось все время и производилось оно не спеша, с любовью и настойчивостью.

Мещанские семьи, по другой причине, нежели купеческие, а именно, обладая всегда весьма скромными земельными участками, мало их обеспечивающими, могли и должны были употреблять свое время на занятие рукоделиями.

Крестьянки же, напротив, только остальное от сельских работ время уделяли украшению своих полотенец, простынь и т. под.

При этом нельзя не упомянуть здесь же, что только крестьянки Московской и очень ничтожное число крестьянок Тульской губерний, из бывших помещичьих, занимаются и поныне плетением нитяных кружев. В остальных губерниях работа эта среди крестьян основывалась первоначально в пригородных селениях, никогда помещикам не принадлежавших, и отсюда распространялась далее вглубь губернии среди однородного населения.

Таким образом, народное кружево само собою получило два различных направления.

В городах и пригородных селах стали делать самое разнообразное кружево, и русское, и сцепное – связное, немецкое, причем явилось и кружево разных манеров, свойственных какому-либо центру в особенности, о чем было уже упомянуто в IV-й главе настоящего очерка.

Что же касается крестьянского кружева, то наиболее своеобразный тип его мы находим в селениях Любоницкой волости, Минской губернии, а наиболее развитый и в высшей степени оригинальный – в селениях близ г. Михайлова, Рязанской губернии, где и самый наряд крестьянок отличался в былое время необыкновенной роскошью отделки.

К подробному описанию этого последнего кружева мы вернемся во втором отделе настоящего сочинения; теперь же нельзя не отметить только того, что во всех селениях других губерний, кроме только что поименованных, крестьянки, хотя и медленно, но все же несколько поддавались влиянию городского, т.е. мещанского населения, с которым им приходилось бывать в постоянных сношениях.

Причин, побуждавших крестьянок в подражание мещанской кружевной работе, могло быть две. Одна из них находилась в зависимости от обычая крестьянских нарядов, не требовавших украшений подобного рода; другая – скрывалась в экономическом положении населения, нуждавшегося в побочных заработках, и потому вынужденного следить, по возможности, за прихотью моды и требованиями рынков.

Михайловские крестьянки находились в этом случае в совершенно исключительном положении. Они издавна принадлежали к сословию государственных, а не крепостных крестьян, довольно скудно наделенных землей, что и побуждало их к посторонним заработкам.

Кроме местного потребления, бывшего весьма значительным, весь излишек кружевных изделий вывозился в смежную Тульскую губернию, где крестьянское население носило почти однородный с рязанским наряд, но где оно находилось в крепостной зависимости, и потому не имело достаточно времени, чтобы готовить себе самолично отделки и украшения.

Минские же мастерицы-крестьянки работали и продолжают работать только для себя.

Возвращаясь еще раз к городским обитательницам, надо заметить, что хотя они также вначале и работали только для личного потребления, чуждыми веянию времени они все-таки не оставались, и потому в их

работах можно заметить положительный переход от одного образца к другому. Наиболее старинными образцами, найденными мною среди этого населения, считаются кружева «численные» и «русские сколочные», имеющие характер очертаний старинных народных вышивок. Примеры такого сходства мы уже указали в III-й главе настоящего очерка.

Другой вид кружева, подучивший также большое распространение почти во всех губерниях, за исключением Казанской и Вятской, был манер немецкий, сцепной или связный. Нигде, однако, это немецкое кружево не дошло в старину до такого изящества форм и исполнения, как это случилось в Рязанской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерниях.

Встречаются единичные случаи и в других губерниях. Так, на табл. XXXII, рис. 1, представлено кружево, под названием «морозы». Было оно выплетено во время царствования императрицы Екатерины II купчихой Золотовой, бывшей крестьянкой из имения графа Шереметева, Нижегородской губ. Крестьянка эта вышла замуж за мучного торговца Золотова и поселилась в гор. Верее, Московской губ. (Рисунок снят с куска кружева, доставленного правнучкой Золотовой, Ивановой, урожденной Маркеловой, живущей в Верее и получившей оба кружева, представленные на табл. XXXII, рис. 1 и 2, в приданое по наследству).

По узору и выполнению всех указанных здесь рисунков, в них чувствуется влияние венецианских кружев конца XVII и частью XVIII столетия. К такому заключению о сходстве кружев мне удалось прийти только благодаря старинным венецианским кружевам, доставлявшимся в Мариинскую практическую школу кружевниц лицами, горячо сочувствовавшими учреждению и целям школы. В этих кружевах преобладала форма спирали с разными орнаментами. Ту же спираль мы находим и в русских кружевах на табл. XIV, рис. 1, табл. XXIV, табл. XXXII, рис. 1, табл. LII, и на табл. LXVIII. Происхождение последнего кружева неизвестно; по типу же и по работе оно более всего подходит к работе старинного Михайловского кружева Рязанской губернии. Со введением Петром Великим в употребление тонкого западноевропейского кружева, брюссельского, малин и других, мещанское население в городах и подгородных местах стало несколько подлаживаться под новые веяния. Поддаваясь, однако, очень туго влиянию иноземных узоров, оно большею частью оставалось верно своим излюбленным рисункам, с помощью которых выработались, постепенно, присущее каждой отдельной местности известная манера и тип.

Тем не менее, кружево, сохранившее всецело свою оригинальность и не испытывавшее никаких нововведений, т.е. чисто народное традиционное кружево, можно найти в настоящее время только в селениях Михайловского уезда, Рязанской губернии, и в Любоницкой волости, Бобруйского уезда, Минской губернии, где крестьянки продолжают до сих пор преследовать почти исключительно одну цель: украшать своими кружевами крестьянское, т.е. народное платье и другие предметы домашнего обихода.

Из этого не следует заключать, однако, чтобы остальное кружево, выплетаемое в многочисленных городах, селах и деревнях России, не носилось бы или не употреблялось самими производительницами для отделки простынь, полотенец и т. под. Напротив, сохраняемые обычаи старины побуждают их и теперь придавать самое большое значение женским работам, причем и кружевным изделиям отводится весьма видное

место.

Но возвратимся к кружеву, привитому у нас Петром I. Выше было сказано, что рукоделие это производилось исключительно в усадьбах дворянских. Скорое развитие в них этого рукоделия могло всегда служить самым неотразимым доказательством удивительной способности наших крестьянок усваивать себе всякую премудрость.

Они плели «Malines», и «Bruxelles», и «Guipure», и «Chantilly», и блонды, и алансонские кружева, но как только наступило освобождение от крепостного права, все это мастерство было оставлено, и в настоящее время таких тонких кружев больше нигде не производится.

Даже и те крестьянки Московской и Тульской губернии, о которых упоминалось выше и которые продолжают заниматься кружевной работой после уничтожения крепостного нрава, употребляя инструменты, оставшиеся у них от прежней работы, и те перешли к плетению кружева, подходящего по типу к изделиям, производящимся в некоторых городах России и не имеющим почти ничего общего с тончайшими работами, изготовлявшимися у помещиков.

Таким образом, проследив производство кружев в России, мы могли убедиться в том, что в этом рукоделии принимали участие все сословия общества, вносящие, каждое по-своему, известное улучшение или разнообразие то в рисунки, то в способы работы.

X.

Собранными здесь данными относительно зарождения и существования в России кружевной работы мы закончим первый отдел настоящего труда.

Просматривая их, невольно является желание сравнивать положение кружевного дела в России с тем, что происходило на этом поприще в других странах Европы.

Но сравнение возможно только между предметами, равными по положению, а что мы в этом случае можем представить?

Правда, перед вами блеснуло пышною, но недолговечною жизнью женское искусство, занесенное к нам извне и водворившееся в монастырях и светлицах княжеских, царских и боярских; почти незаметно проскользнуло другое знание, насажденное твердою рукою Царя-Преобразователя, знание, для основания и усовершенствования которого были выписаны из-за границы и мастерицы, и узоры, и материалы, необходимые для производства работы.

Но все эти насаждения, не свойственные характеру страны, жили вялою жизнью. Они не вызвали ни энергической поддержки у себя дома, ни помощи со стороны соседних государств, как это бывало в других странах; словом, веяние времени занесло к нам это рукоделие, оно же и смыло его почти бесследно.

Пережило все исторические события, всякие стремления и даже капризы моды одно лишь народное кружево, для которого ни знаменщики царские ничего не значили, ни из-за границы никогда и ничего

выписываемо не было. Несмотря, однако, на это, мы видели, что и оно отчасти поддавалось некоторым изменениям. Но изменения эти касались его внешней стороны, т.е. техники рисунков, и то только до известной степени.

Внутренний же смысл этого женского рукоделия остается все тот же, и в нем-то и кроется вся несокрушимая сила русского народного кружева.

[...]

ОТДЕЛ VII. ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ. КРУЖЕВНОЙ ПРОМЫСЕЛ В ГОРОДЕ ВОЛОГДЕ И В СЕЛЕНИЯХ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА.

I. Местоположение и население.

Город Вологда расположен у самой реки Вологды, и находится в расстоянии двух с половиною суток езды по железной дороге от С.-Петербурга. Внешность города самая симпатичная. Улицы замощены; тротуары везде проложены деревянные; бульваров и садов много.

Дома, начиная с низеньких деревянных, всего в три-четыре окошечка и кончая большими трех- четырехэтажными каменными зданиями, равно как и церкви, разнообразные по архитектуре, большею частью окрашены в белый цвет, что, в соединении с встречающимися часто зелеными крышами и массой окружающей их яркой зелени – особенно веселит и ласкает глаз.

К тому же, разреженность построек и широкие бульвары с роскошной растительностью много способствуют к сохранению в городе прекрасного воздуха.

Помимо такой искусственной распланировки, город еще и естественными условиями местности разделяется на три части: первая – находится между рекой Вологдой и речкой Золотухой; вторая – за рекой Золотухой, наконец – третья, на противоположном берегу реки Вологды. Все три части города соединены между собою несколькими мостами. Такая разбросанность описываемого города довела его до значительных размеров. Говорят, что надо сделать не менее четырех верст, чтобы пройти от одного конца до другого.

Но не одной зеленью и хорошим воздухом богата Вологда. В ней насчитывается до пятидесяти церквей, из которых есть весьма интересные по обстоятельствам, вызвавшим их постройку. Такова, например, Спасообыденная Всеградская церковь, первоначально построенная в виде сруба, в один день, стараниями горожан, по случаю страшной моровой язвы, свирепствовавшей в Вологде в 1655 году, во время царствования царя Алексея Михайловича. Теперь на этом самом месте стоит прекрасная большая каменная церковь, особенно чтимая всеми обывателями.

Далее есть собор, отстроенный еще при царе Иоанне Грозном, по его велению, когда он думал перенести столицу в Вологду. Кусочек штукатурки, свалившейся на голову царя Иоанна Грозного во время слушания им службы в этом соборе, изменил его решение, а вместе с тем и городу Вологде предоставил развиваться собственными силами 1) [Устное предание, переданное мне в Вологде].

По численности населения Вологда не может быть причислена к значительным губернским городам Российской империи. В 1883 году всех жителей насчитывалось до 17,025 душ. Из них 8,258 душ приходилось на долю мужского и 8,497 душ на долю женского пола.

При такой малочисленности населения, особенно поражает, в Вологде множество учебных заведений. Здесь есть классическая губернская гимназия с пансионом для интернов; реальное училище, женская Мариинская гимназия, духовная семинария, ремесленный приют, Успенское училище с даровым обучением и другие.

Всех	средне-учебных	заведений	здесь	–	четыре.
В	них	насчитывалось,	в	1883	году:
Учащихся	Мальчиков	891	Девочек		304
Низших	учебных	заведений	два		480
Начальных	школ	семь	268		199
Приютов	четыре		45		201

и одна специальная фельдшерская школа для девиц.

Особенного внимания заслуживает реальное училище. Помимо прекрасного здания, в котором оно находится, училище это замечательно тем, что располагает богатой библиотекой, стоящей 13,000 рублей, весьма хорошо обставленной химической лабораторией, очень порядочным подбором гипсовых орнаментов и бюстов для класса рисования, и наконец тем еще, что тут же в училище положено основание устройству кустарного музея.

Первым вкладом послужили некоторые изделия кустарной промышленности Вологодской губернии, собранные для всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года в Москве.

Ознакомившись в нескольких чертах с местоположением, численностью населения и достопримечательностями города Вологды, обратимся к знакомству с кружевным делом и представительницами его.

II. Общая характеристика промысла.

Кружевной промысел, по отношению к вологодским мастерицам, является либо совершенно самостоятельным занятием, либо вполне зависимым. Самостоятельно работают немногие лица: такие счастливицы закупают сами материал для плетения и вполне располагают изготовляемыми ими кружевами. Прочие мастерицы зависят совершенно от торговки, или так называемых «локовщиц», которые раздают им материал и задатки на работу.

Согласно своему экономическому положению, семьи кружевниц посвящают плетению кружев более или менее продолжительное время. Иные другого занятия вовсе и не знают. Но такие семьи составляют меньшинство.

Большинство же плетей меняют свои занятия. Зимнее рукоделье остается неизменно одно и то же, т.е. изготовление кружевных изделий. Летом – имеющие сады или огороды обрабатывают их. Прочие ходят на подгородные кирпичные заводы, на свечной завод епархиального ведомства, где готовят светильни, обрабатывают чужие огороды и чистят ягоды для варенья.

Некоторые из поименованных подневных работ оплачивают весьма хорошо труд мастериц.

На кирпичных заводах, например, они получают до 70 коп. в день, на своих харчах. В огородах – до 20 коп. в день, на хозяйских харчах. За чистку ягод, на хозяйском довольствии, по 15 коп. в день; на своем – по 30 коп. При этом условия хозяева угощают работниц чаем.

Согласно только что изложенным обстоятельствам, всех мастериц можно разделить на две категории. К первой следует причислить плетей, не имеющих возможности иным способом добывать себе средства для существования и потому работающих над кружевной подушкой десять месяцев, или 260 дней в году. Ко второй – всех остальных, городских и деревенских мастериц, занимающихся плетением кружев не свыше 182 дней в году. Последние берутся за свои кружевные подушки не ранее 8 сентября, а складывают их отчасти в мае, когда идут на кирпичные заводы, отчасти в июне, когда огороды и плоды требуют большого ухода, или настает пора убирать сено.

Редкое население и отдаленность мест производства кружева лишают нас, пока, возможности привести в известность численность мастериц в Вологодской губернии. Вследствие этого, мы будем придерживаться указаний г. Арсеньева, находящихся в его отчете, составленном по случаю Промышленно-художественной всероссийской выставки 1882 года в Москве, добавляя к ним те сведения, которые нам удалось собрать на месте в 1883 году. «В Вологде, говорится в отчете, кружевниц до 500; из них 137 единственно кружевами зарабатывают себе средства к жизни; 19 личностей, обеспеченных другими источниками, плетут кружева между делом, а у остальных кружевничество составляет подспорье в хозяйстве. Из кружевниц 20% подростки до шестнадцати лет. Девочку пяти лет уже сажают здесь за коклюшки и начинают готовить из нее будущую мастерицу» 1) [Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным вологодским губернским земством, составлен по поручению губернского земства членом-секретарем вологодского статистического комитета Ф.А. Арсеньевым, стр. 6].

Ближайшая деревня, в трех верстах от города, куда кружевной промысел был занесен три года тому назад, называется «Говорово». Состоит она всего из тридцати дворов. Мастерицы здесь все маленькие девочки или подростки.

Во время посещения моего этой деревни, большая часть населения находилась на каком-то храмовом празднике, и потому сосчитать всех плетей мне не удалось. Со слов же некоторых мастериц можно заключить, что в Говорове найдется человек десять-двенадцать кружевниц, но не более.

Далее, с одной стороны, за тридцать верст, в селении Ширгородье, и Бузаково, плетение кружев проникло в течение последних десяти лет, с другой – рукоделием это угнездились почти во всех деревнях, находящихся на расстоянии двадцати семи верст, по дороге от Вологды к селению Кубенскому. За последнее года, верст за двадцать, в селе Кубенском, и на противоположном берегу озера Кубенского, в селении Устье, также стали работать кружево.

Благодаря некоторым сведениям, весьма обязательно сообщенным г.

Княжниным, живущим постоянно в селе Кубенском, можно предположить, что в волостях Кубенской и Архангельской найдется далеко за шестьсот крестьянок кружевниц.

Помимо этого, в Грязовецком уезде, а затем и в уездах: Тотемском, Устюжском, Вельском и далее Устьысольском (по сообщению г. Арсеньева), между зырянами, плетение кружев стало входить в число обыденных занятий крестьянского населения. Таким образом, со временем, при более широкой разработке исследований, Вологодская губерния будет, вероятно, насчитывать не одну тысячу мастериц. Теперь же мы должны пока ограничиться только вышеприведенными цифрами, хотя, к сожалению, они еще не дают нам настоящего понятия о кружевных богатствах вологодского района. Единственным центром сбыта и местом закупки материалов плетения для мастериц служил прежде город Вологда. Ныне же, не только производство, но и сбыт кружев вполне установился в деревнях и селениях, где завелись свои собственные торговцы и торговки этим товаром, и устроились маленькие склады необходимых принадлежностей для изготовления плетеных изделий.

III. История промысла.

Ни один центр кружевной промышленности в России не пользовался столь громкой известностью, как город Вологда и скромные его обитатели. Давно уже о положении мастериц, о роде их занятий, зависимости от торговки и невзрачном житье-бытье много говорилось и печаталось.

Поэтому, приступая к историческому обзору промысла, не лишнее будет прежде всего обратиться к тем статьям, в которых находятся наиболее обстоятельные данные. Сопоставление таких данных я считаю крайне необходимыми, так как они одни способны до некоторой степени выяснить относительное положение промысла и промышленников, и те изменения, которым промысел подвергался в течение своего многолетнего существования.

Первые сведения, имеющиеся у нас, были собраны и напечатаны в 1860 году.

В них говорится: «В Вологде главное занятие небогатой женщины, девицы и девочки лет с семи – плетение кружева. Пряжа на них идет фабричная. Ширина кружева простирается от ½ дюйма до 15 дюймов. Пряжа наматывается на коклюшки, которых употребляется в дело, судя по ширине и рисунку узора, от 8 до 300 пар. Цена от 20 коп. до 50 коп.; за десяток аршин. Таким образом, усердная кружевница выплетает в день до 10 коп., редко более.

По внутреннем употреблении, кружева в значительном количестве, при посредстве торговки, вывозятся в Петербург 1) [Журнал «Акционер», 1860, № 48, стр. 171].

В следующем, 1861 году, мы находим новую заметку: «У нас известны кружева вологодские, балахнинские, мценские и некоторые подмосковных деревень. В Вологде, при усидчивом труде, выплетают до 10 коп. в день за работу. Фабрик льняных кружев нет 2) [Корсак. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства кустарной и домашней промышленности. Москва. 1861,. 8°, стр. 177].

Далее следуют сведения, относящиеся к 1867 году. В это время г. Шелгунов, проживая в Вологде, занялся изучением кружевничества, которому и посвятил большую и весьма подробную статью. Из нее приведу несколько выдержек: «Кружевницы – это дочери бедных, преимущественно отставных чиновников, нуждающихся дьячков, пономарей, голодающих мещан. Они живут в своих семействах, с родителями, братьями, и заполняют своими трудами те прорехи домашнего хозяйства, невыполнение которых создает бедность, граничащая с нищетой. Бывают случаи, когда кружевничество служит единственным средством существования; когда мать и дочь своей работой поддерживают всю семью и больного отца, отставного чиновника, и малолетних детей, когда сестра содержит своих братьев, учащихся в гимназии или в училище; бывает и так, что дочери добывают кружевами не только на хлеб и на квартиру, но и на водку своему вечно пьяному отцу. Такое кружевничество несчастье; это гордое нищенство, не просящее милостыни.

Когда явилось кружевное дело в Вологодской губернии, я этого не знаю; но что оно было вызвано барством – это совершенно верно.

В старину, плетением кружев занимались в купеческих домах, в виде домашнего рукоделия, и только на потребности семьи. Но когда вкус к кружевам распространился в среде избранного общества, и стал усиливаться на них запрос, плетение кружев приняло промышленный характер. «Бедные люди нашли, что дело это для них выгодно, и число кружевниц, увеличиваясь каждый год, дошло до того, что в настоящее время кружево плетет почти вся Вологда, или, точнее, все население вологодских чердаков и подвалов или первых этажей.

Только дворянство, да купечество не занимаются плетением кружев, и кружевниц вы не найдете по Дворянской улице, а затем они почти во всяком доме.

Есть семьи, в которых плетением кружев занимаются весь круглый год, и кружевничество составляет их специальность. Это преимущественно вдовы или семейства отставных чиновников, не имеющих своих домов и земли. Другие семейства, духовного звания или мещанские, занимаются летом обработкой своих огородов, а кружево плетут зимой.

У последних плетение кружев является подспорьем, и вырученные деньги идут на туалеты прекрасному полу и частью на поддержку домашнего хозяйства.

Как в других местах, каждую девочку учат шить по канве, вышивать гладью или тамбуром, так в Вологде обязательным рукоделием является плетение кружев. Девочку пяти лет сажают уже за коклюшки и начинают готовить из нее будущую кружевницу. Даже люди вполне обеспеченные учат своих детей плести кружева; конечно, это делают не для того, чтобы дать им возможность добывать своим трудом кусок хлеба, а больше в виде праздного занятия.

«Для женщин, живущих своим трудом, плетение кружев является самым выгодным занятием. Недостает в семье соли или хлеба, и тотчас же несут кусок кружев к скупщице, и та немедленно выплачивает деньги.

«Были бы только готовые кружева, а в сбыте их не встречается никогда остановки, благодаря тому, что матушка Россия обширна, и во всех концах

ее живут барышни, которым необходимы кружевные воротнички, рукавички, пелеринки, вуали и т.п. Это обстоятельство делает плетение кружев занятием прочным, и дает ему перевес перед всеми остальными видами женского труда.

«Конечно, нельзя сказать, чтобы для вологодских кружевниц не существовало никаких опасностей. Так, в Крымскую войну значительно упал спрос на кружева.

«В кружевном деле, как и во всяком другом, величина заработка зависит от прилежания работницы и качества работ. Так, например, есть узенькие кружева, в палец ширины, которые продаются по 20 коп. за десяток, но есть кружева того же самого рисунка и размера, которых нельзя купить дешевле рубля за тот же десяток. Первые дешевле потому, что их плетут дети, следовательно грязно и неровно; вторые же плетет отличная мастерица, с математической точностью и с безукоризненной чистотой. Несмотря на эту разницу в цене, работа высшего качества окупается вовсе не соответственно этой разнице. Одна и та же мастерица, работая кое-как, может сплести в день кружев низшего сорта 3 аршина, а следовательно, заработать около 6 коп., а при тщательной работе она наплетет хороших кружев только $1\frac{1}{4}$ аршина и заработает $12\frac{1}{2}$ коп., следовательно качество работы возвышает цену изделия в пять раз, а заработок возвышается только в два с половиною раза. Очевидно, что практика установила отношение неверное, или иначе, хорошо сделанное кружево продается дешевле, чем следовало бы, благодаря только тому обстоятельству, что цена устанавливается низшею степенью потребностей и конкуренцией голодающих работниц.

Зарабатывая только $12\frac{1}{2}$ коп. в день, существовать невозможно. Кружевницы знают это очень хорошо, и все-таки они понизили цену. А понизили они цену потому, что число кружевниц не уменьшается, а увеличивается, т.е. увеличивается число нуждающихся людей в большей пропорции, чем запрос на их труд.

«В таком затруднительном положении, пришлось искать спасения снова в качестве работы, т.е. всех тех, у кого нет никакого другого подспорья, и приходится жить исключительно кружевной работой, нужда заставила приняться за плетение крупных и изящных вещей, как тальмы, вуали, наколки, чепцы и широких кружев.

Для изготовления таких вещей требуется известная степень умственного развития и довольно высокая степень искусства. А как то и другое дается в удел не всем, то, следовательно, и высший заработок дается только некоторым.

Как же велик этот высший заработок и как легко он достается? Первой здешней кружевнице было заказано недавно сплести пол-аршина кружев в вершок ширины: кружево было тонкое вроде брюссельского. Работая по два часа в день, кружевница сплела только пол-аршина в две недели, и за эту работу получила 1 рубль 1) [Г. Шелгунов поясняет, что более двух с половиною часов в день кружевница не могла заниматься плетением таких тонких кружев так как глаза ее очень утомлялись. Во всяком случае, такой заработок, ежели бы он являлся часто, был бы величайшим благом для мастериц потону что давал бы за каждый рабочий час $4\frac{1}{6}$ к., не мешая им в то же время, по завершении плетения тонкого кружева, переходить к изготовлению обыкновенного вологодского манера, что, как мне

передавали, указанная г. Шелгуновым мастерица и делала].

Кружевницы работают обыкновенно от 8 часов утра до 12 ночи, или 16 часов в день. Сократить число рабочих часов немыслимо, ибо враг кружевниц, заставлявшей их просиживать по 16 часов, а иногда даже и по 20 часов в день, – враг скрытый; ему нельзя ничего приказать административным порядком, потому что этот враг – бедность, против которой бессильны филантропические меры. Работница средней руки зарабатывает в день 20 коп. Заработок в 25-30 коп. считается уже большим, а в 40 или 45 коп. случайная редкость.

Первая кружевница в городе, которую я знаю, зарабатывает с своей матерью только десять рублей в месяц или сто двадцать руб. в год. Из этих десяти рублей нужно истратить в месяц на квартиру и дрова 3 руб., на чай и сахар 1 р. 50 к., затем остается 6 р. 50 к. на все остальное – на пищу и одежду. Но и эти десять руб. в месяц добываются только потому, что кружевница изготавливает и продает кружевные узоры. Ежели бы на рисунки существовал постоянный и большой спрос, то изготовление их было бы делом, действительно выгодным. Но новые рисунки являются не каждый день. Новый узор (для широких кружев) стоит от 15-20 коп. Кружевницы, чтобы вернуть свою затрату, скалывают его в нескольких экземплярах и продают по 5-10 коп.

Вновь явившийся рисунок точно таким же образом распространяется в бесчисленном количестве копий. Узор, забравшийся во все мастерские, уже теряет свою цену, ибо в кружевах новизна рисунка ценится очень высоко.

Занимаясь плетением аршинных кружев, заработать много нельзя – от 5 до 10 коп. в день, следовательно от 1 р. 50 к. до 3 р. в месяц. А как на эти деньги существовать решительно невозможно, питаюсь даже одним ржаным хлебом, то из этого следует тот вывод, что отдельно живущей кружевнице существовать одними кружевами невозможно. Вот почему это занятие возможно только или в семействах, или в виде подспорья к другим источникам дохода, как, например, в семействах служащих чиновников, дьячков и пономарей.

Плетение кружев, как подспорье, обнаруживает, однако, вредное влияние на совокупность всего производства, ибо действует подавляющим образом на цену кружев, а следовательно на размер заработка. Для таких кружевниц, как дочери служащих чиновников или пономарей, которые имеют готовую квартиру и готовое содержание, продать кружево, при нужде в деньгах, за бесценок, хотя, может быть, и тяжело, но все-таки выносимо; а для тех, кто живет кружевами специально, уступка их за бесценок равносильна голодной смерти.

Между тем, постоянная нужда в деньгах привела бедных людей к тому, что цена на кружево упала ниже минимума. Здесь продают 10 арш. кружев, в палец шириной, даже за 12 коп., а искусная мастерица может наплести их в день не более 3 аршин, следовательно 16 часов работы дадут 3 ½ коп.

До сих пор мы говорили только о печальных сторонах кружевного дела; но не может быть, чтобы у него не было сторон светлых! Первая светлая сторона заключается в том, что кружевное занятие приучает к труду и к умению распорядиться с расчетом своим временем. Вторая в том, что

женщина превращается в экономического производителя, достигает независимости и самостоятельности; наконец – третья светлая сторона в том, что женщины уже с самой первой молодости приучаются ценить деньги, добываемые своим трудом, и тратят их не на пряники и вздоры, а на вещи, существенно полезные, например – башмаки, платье и в известной степени на содержание себя самой.

Насколько скупщицы способствуют возвышению цен на кружева, можно видеть из следующего: кружевница продает десяток (10 аршин) узкого кружева за 15 коп., скупщица перепродает его Кубенке за 20 к., та в лавку или магазин за 30 к., а из магазина покупатель получает уже за 40 к. или дороже; следовательно, посредникам достается 20 коп., т.е. цена кружева против первоначальной стоимости вырастает на 133%» 1) [Журнал Дело 1807 г. Статья: «Вологодские кружевницы, Шелгунова, стр. 203-219].

Спустя пять лет, именно в 1872 году, опять встречаются в печати статьи о кружевном промысле в городе Вологде, вызванный выставкой кружевных произведений на Политехнической выставке в Москве. В это время в Вологде насчитывалось до 360 кружевниц. «В том числе было: чиновниц 54, духовного звания 32, мещанок 227, солдатских жен и дочерей 47. Из них 291 взрослые, и 69 моложе 15 лет. Цифра 360 душ составляет по отношению ко всему женскому населению Вологды 4%. Работают они круглый год по 16 часов в сутки. Средний заработок 20 коп. в день.

Весь годовой заработок этих 360 кружевниц дает 26,000 р., т.е. около 72 рублей на каждую в год, или 6 руб. в месяц. Из этой суммы следует отделить на материал до 20%, если кружева плетутся из бумаги, и до 25%, если кружева плетутся из тонких ниток 2) [Вестник Московской Политехнической выставки 1872 г., №42. Статья Ар-ва. Кружевное дело в Вологде, стр. 2. Те же данные встречаются во «Временнике» (статистическом) Российской Империи. II, в. 3, ч. I. Спб., 1872 г., спец. стр. 12-15].

В этом же году, весьма обильном статьями о вологодском кружевничестве, мы находим весьма интересную заметку, несколько иначе обрисовывающую положение плетей. Заметка эта заслуживает тем большего внимания, что автор ее А. Круглов начинает прямо с заявления, что он вполне ручается за цифры, добытые им из достоверных источников: «Кружевницы разделяются на две категории: к первой относятся те, которые плетут только кружево; ко второй те, которые занимаются плетением больших вещей из кружев, пелеринок, косынок, тальм и т. д. Рассмотрим заработок обеих категорий особенно.

«Самый большой заработок плетей первой категории 15 коп., более же обыкновенный равняется 10 коп. Зимой, когда кружева дешевают и очень рано приходится зажигать огонь, как утром, так и вечером, – немалое число кружевниц не добывают в день более 8 коп.

«Возьмем обыкновенный 10-ти-копеечный заработок. В месяц кружевница может, следовательно, достать круглым числом 3 руб. За вычетом на бумагу, остается 2 р. 75 коп. В день приходится от 5 до 10 коп.

Представьте себе жизнь при таких средствах!. Познакомившись коротко с жизнью кружевниц, я нахожу, что г. Шелгунов, посвятивший однажды целую статью вологодским кружевницам, ошибается, говоря, что работница средней руки может достать 20 коп., заработок же, в 25-30 коп., считается

уже большим. Едва ли может кружевница добывать 20 коп. в день; зарплата же в 35 коп. положительно нет.

«Для большего ознакомления и разъяснения дела, я возьму пример. Мать и дочь плетут кружева. Дочь добывает в месяц 3 р. 25 коп., за вычетом на бумагу – 3 руб. Я пишу и копейки, потому что эта цифра точная. Кружевница, о которой я говорю, уже четвертый год записывает месячные заработки. Редко они переходят за 3 р. 25 коп., и никогда не составляют более 3 р. 50 коп. Мать, занимаясь домашними работами, почти уже ничего не достает. Случаются месяцы, что и она вырабатывала в месяц кое-что, но ее заработок так мал, что добываемых ею денег можно вовсе не считать. За квартиру женщины платят рубль, с дровами, что чрезвычайно дешево в настоящее время. Но уже зато и квартира!

«Двухэтажный дом, сильно покачнувшийся на бок. Окна нижнего этажа – наполовину вросли в землю. Пройдя двор, вы вступаете в темные сени. Сделайте шага четыре, отворите двери, и вы войдете в самую квартиру бедных тружениц. Не забудьте при этом наклонить голову, иначе вы ударитесь о перекладину; провалившиеся половицы пляшут под вашими ногами. Комната темная, низкая, с тяжелой удушливой атмосферой. Стекла тусклы, потолок навис и грозит каждую минуту обрушиться. Окна чрезвычайно низкие, потому кружевнице приходится сидеть согнувшись.

Возвратимся к заработку. Вычтя из 3 руб. 1 рубль за квартиру, получим 2 руб. На эти деньги нужно сделать обед и ужин, купить чаю и сахару и, наконец, одеться.

Но, разумеется, на 2 руб. всего этого устроить невозможно. Поэтому по необходимости приходится иметь обед только из одного кушанья, и это кушанье – овсяные щи. Только в праздник, да и то не каждый, у бедных женщин является мясной суп. Иначе нельзя. Чтобы иметь каждый день мясной суп, нужно, по меньшей мере, 1 р. 50 коп. в месяц.

Одеваются обе женщины плохо, даже очень; у обеих – один салоп; одна идет – другая принуждена сидеть дома. Но случается нередко, что и последний салоп несется в заклад, если окажется надобность, и при этом ростовщики берут по 5 коп. с рубля.

Переходим ко второй категории. На плетение, например, пелеринки надо месяца три. За пелеринку получается рублей 14-15. За вычетом на шелк, остается 12-13 рублей. Возьмем высший заработок – 13 рублей; в месяц придется 4 руб. с копейками. Но допустим, больше; пусть круглым числом будет 5 руб. Заработок очень небольшой, особенно ежели принять во внимание всю трудность работы.

«Кроме плетения пелеринок и других вещей, кружевницы еще достают деньги на сколках узоров. Это самая выгодная работа, и ежели бы можно было все заниматься ею, то в месяц легко было бы заработать рублей 12-13.

«При такой обстановке, когда случается, что нечего есть, не на что купить чаю, кружевницам нечего и думать о своем развитии.

«Несмотря на то, что раннее приучение может отозваться вредно на организме девочки, в Вологде не перестают засаживать девочек с 6-7 лет за подушку. «Пускай по привыкнет вертеть коклюшками», – говорила одна

женщина, засаживая свою семилетнюю внучку за подушку. – «Но это вредно для нее», – решили мы заметить. – «Ничего! А если и вредно, то что же делать? Надо приучаться!» Видя все это, невольно спрашиваешь: ради чего люди обрекают себя на такой неблагодарный труд. Есть ведь занятия более выгодные и менее вредные для здоровья. Можно сделаться портнихой, шляпочницей, башмачницей... Это недоумение и высказали мы одной старой кружевнице, приучавшей свою крестницу плести кружева. – «Это правда – отвечала женщина, портнихой, шляпочницей даже белошвейкой быть выгоднее, да сделаться-то ими трудно. Положим, что я свою Анку захотела бы отдать к портнихе. Надо отдать в годы, платить за нее, содержать... А скоро ли выучится? Не скоро! Первое-то время будет только за водой бегать, да утюги греть. Ранее пяти лет не выучится. Что все это будет стоить? Ну, а кружевам я сама ее выучу, и содержание-то дешевле, вместе в семье»...

Наконец и еще одно преимущество за кружевами. Всякой работы иногда и не бывает, а кружева дадут всегда деньгу, сплести десяток, и 50 коп. в кармане. Основываясь на этом иные матери, имеющие средства, учат своих дочерей, например, шляпному ремеслу, и все-таки приучают их и плести кружева».

Далее в статье упоминается об эксплуатации мастериц скупщицами, торговками и т.д., и в заключение г. Круглов высказывает свое мнение относительно средств, какими можно было бы облегчить положение кружевниц.

«Все спасение кружевниц в дружном слиянии, в устройстве комиссионерства. Кружевницам надо устроить «общество», так, чтобы во всякое время каждая кружевница могла пользоваться помощью и займом из общественной кассы. Слияние в «общество» уничтожит конкуренцию, непосредственная продажа работы возвысит заработок; общественная касса даст возможность бедным труженицам выгодным образом выходить из бедственного положения, избавит их от необходимости продавать свой труд за бесценок.

В видах же экономии кружевницам необходимо иметь общие квартиры. В квартире, в 10-12 комнат, может помещаться 10-16 человек. Печей же во всяком случае в такой квартире менее, чем в 10-12 отдельных квартирах. На каждую печь в год непременно надо 1 сажень дров. В 10 отдельных квартирах – 10 печей, а в одной большой квартире их никак не более 5; следовательно, у всех на дровах сбережется рублей 40. Сверх этого, кружевницы будут иметь гораздо больше удобств. Покупка съестных припасов, и вообще всего, должна быть гуртовая. При этом сберегается, во-первых, немало денег, а во-вторых, и товар приобретает лучшего качества. Но для спасения себя, сами кружевницы ничего сделать не могут. Этому мешает их неразвитие, а главное, материальная беспомощность. Нужно, чтобы в Вологде явился предприимчивый человек, обладающей капиталом. Он должен руководить делом и поддерживать его с экономической стороны.

«Поэтому, пока в Вологде не явится человек, деятельный и богатый, или такой, который мог бы повлиять на капиталиста, до тех пор не улучшится быт кружевниц » 1) [Вологодские кружевницы, А. Круглова. Журнал Неделя. 1872 г. № 7, стр. 236-239; То же, в «Вологодских губерн. ведомостях» за 1873 г., в № 10; То же, в «Новом русском базаре» за 1873 г., № 14].

Десять лет спустя, по поводу Промышленно-художественной выставки в Москве, в 1882 году, появилось опять краткое описание кружевничества в городе Вологде. На эту статью было уже раньше указано. В ней, кроме численности мастериц, все остальные данные и указания вполне согласуются с только что приведенными выдержками из других авторов.

Поэтому здесь можно ограничиться только заключением очерка. «В последние годы, говорится в нем, все вологодская кружевницы, вследствие возвышения цен на жизненные потребности и сверх спроса развившегося промысла, живут в крайней нужде и безвыходной бедности; они, не имея непосредственного сбыта своих произведений, находятся в постоянной зависимости от скупщиц, которые богатеют насчет бедных тружениц, работающих до изнеможения сил. Прямые сношения гг. столичных торговцев кружевами по покупке кружев с здешними мастерицами могли бы весьма благотворно повлиять на улучшение их быта и восстановить между предложением и спросом более определенные границы»²⁾ [Очерк кустарных промыслов, Ф. А. Арсеньева. Вологда, 1882 г.].

Сгруппировав таким образом данные, обрисовывающие нам весьма подробно все стороны кружевного дела в Вологде, за последние двадцать два года, я постараюсь дополнить эту картину сведениями, полученными мною на месте исследований в 1883 году.

Прежде всего надо заметить, что в Вологодской губернии издавна существовали две совершенно отдельные отрасли кружевных работ. Одна отрасль, наиболее старинная, была достоянием жителей города Вологды; другая составляла принадлежность усадеб в деревнях, где помещики устраивали более или менее обширные мастерские, в которых, кроме разного шитья и вышиванья, изготовлялись также и кружева на заграничный манер.

Есть много оснований предполагать, что в Вологде, как и в других городах, где исстари ведется плетение кружев, рукоделие это первоначально должно было наполнять досуги жен и дочерей богатых купеческих семей, так как готовить, расшивать и украшать свое приданое, было уделом всех девочек, начиная с самых юных лет их затворнической жизни. Обычай, сохранившийся до сих пор в мещанских и крестьянских семьях, убирать к свадьбе и даже при обыкновенных, или менее торжественных собраниях (в деревнях), горницу «наспичниками» (полотенцами, развешиваемыми на спицах по стенам), покрывать постель новобрачных несколькими «постилальниками» (простынями), до семи штук зараз иногда, готовить специальные «убрусы»¹⁾ [Такие убрусы в былое время делывались в 4 арш. длины, а концы зашивались узором в $\frac{3}{4}$ арш. ширины, со слов А.Ф. Брянцевой, первой кружевницы и вышивальщицы в Вологде, старушки, имевшей в 1883 г. 72 года от роду] для невест и женихов, а также и для дружки, который везет образ, служит тому подтверждением.

Все только что названные предметы расшивались по «перевии», «атласником», по «вырезкам», и отделялись кружевом. Их выставляли в доказательство уменья, трудолюбия и усердия молодой.

На все эти работы соседи и знакомые ходили смотреть, судить и рядить о них. Из замкнутого купеческого круга, рукоделия проникли в среду мещан, изыскивавших себе средства к существованию.

Насколько местные знатоки дела могли припомнить, более широкое развитие кружевного промысла и главное – умение применять кружевные работы к требованиям моды последовало в сороковых годах настоящего столетия. В то время среди высшего общества были в большом ходу работы на манер кружева. Заключались они в том, что узор, заранее нарисованный на клеенке, или бумаге, выкладывался нитяной тесемкой разной ширины, между тем как промежутки заполнялись решетками, выделявавшимися просто иголкой на манер фестона.

Талантливой мастерице Анфии Федоровне Брянцевой пришла счастливая мысль попытаться воспроизвести коклюшками такую же тесемку и переплет. Опыт удался в совершенстве. Таким образом к прежнему манеру плести «густыми городами» белозерский манер, или же русское кружево, присоединен был новый способ, вроде гипюра, который и получил специальное название «манера Вологодского». Этим манером А. Ф. Брянцевой удалось выделять разные цельные вещи, как то: тальмы, косынки, покрывала для подушек и даже цельные платья.

Подраставшая дочь А.Ф. Брянцевой, Софья Петровна Брянцева, с пятилетнего возраста изучавшая под руководством матери искусство плетения кружев, стала помогать ей в дальнейшей разработке кружевных узоров.

С.П. Брянцева рассказывала мне, что она с десяти лет уже учила своих сверстниц плести кружево. Первые опыты на этом поприще она производила в 1848 г. С тех пор, в течение десяти лет, она переучила немало девочек.

Преподавание шло без всякого принуждения и даже не очень последовательно. Заучив какой-либо манер в пять-шесть уроков, девочки оставляли учение, плели дома, затем опять являлись для приобретения новых приемов.

С детей состоятельных родителей С. П. Брянцева брала по пятаку за урок. Бедные же оплачивали тарелочкой ягод, или каких либо лакомств.

До 1858 г. дело шло хорошо. Но с этого года настало такое затишье на требование кружев, что не только учениц почти не являлось, но и все умелые мастерицы еле находили возможность кое-как перебиваться.

Такое положение длилось до 1861-62 гг. В это время появилась мода на вышитые воротнички с длинными концами. С.П. Брянцевой удалось весьма хорошо подражать им, выплетая их из кружев. Нововведение это так понравилось, что выдумщица Брянцева, исполняя многочисленные заказы, стала зарабатывать в день до 60 к. Пример ее вызвал новую деятельность среди местного населения, и ученицы начали вновь прибывать.

И на этот раз С.Л. Брянцева решила продолжать преподавание, как она его вела раньше, предоставив бедным мастерицам получать безвозмездные уроки по вторникам и четвергам.

Достоин замечания, при этом, что с 1861 по 1874 г. ученицы, приходившие к Брянцевой, принадлежали к городскому населению. С 1874 до самого 1881 г., особенный наплыв желающих обучаться плетению кружев был из деревень, т.е. из крестьянского сословия.

Не имея возможности давать деревенским девочкам и девушкам приют у себя, Брянцева тем не менее с полной готовностью предлагала им даровые уроки. Родители крестьяночек пристраивали их кое-как в городе. Занятия у Брянцевой начинались обыкновенно в 10 часов утра. К этому времени ученицы собирались, и каждая из них приносила свой скромный обед, состоявший неизменно из куска хлеба и соленого огурца, или же из вареного картофеля. К 1 часу пополудни следовал отдых, или, вернее, перерыв занятий. Все ученицы брались за свои узелки и, подкрепив немного силы, опять продолжали плетение кружев до 4-5 час. пополудни. Учение шло удачно, и девочки сменяли одна другую.

Возраст учениц был самый разнообразный. Начиная с 12-летних детей и до 40-летних особ включительно, все пользовались познаниями С.П. Брянцевой.

С 1881 г. ученицы-крестьянки более почти не являлись. Обстоятельство это весьма легко объясняется тем, что в деревнях кружевной промысел, развиваясь постепенно, настолько сам окреп, что местные кружевницы могли уже лично готовить учениц, посылка которых в город и содержание их там, конечно, очень обременяло семьи бедных крестьян.

За последние годы, за советами и уроками чаще всего стали обращаться к С.Н. Брянцевой лица из привилегированного класса, желавшие изучать это рукоделие только ради развлечения и новизны применения кружев к отделке и украшений мебели и комнат, не говоря уже о большом употреблении его для дамских туалетов. В течение многолетней деятельности г-жи Брянцевой, у нее перебивало не менее 800 учениц, получивших возможность зарабатывать себе насущный хлеб. Пример этот, единственный в летописях кружевного дела, заслуживает самого большого внимания, тем более, что преподавание плетению кружев предлагалось так бескорыстно лицом, сильно и постоянно нуждавшимся в средствах к существованию.

Описываемый путь не был, впрочем, единственным, способствовавшим распространению кружевного промысла среди сельского населения. Его заносили туда дети священнослужителей и других лиц, имевших возможность давать некоторое образование своим дочерям в Вологде, где они при случае обучались также и плетению кружев.

Браки городских мастериц с деревенскими жителями нередко также помогали рукоделию этому забираться в отдаленные уголки Вологодской губернии. Крестьянки охотно переходили к плетению кружев, как поясняли мне торговки и сами мастерицы, потому что труд их при этом лучше оплачивался.

К тому же, сильный спрос на русское кружево, а также и удобства нового пути Вологодско-Ярославской железной дороги упрочивали за ними верный сбыт их произведений, что привлекало также немало лиц к изучению указанного рукоделия.

Таким образом, на наших глазах, можно сказать, основался и вырос кружевной промысел, принимающей за последние года все большие и большие размеры.

Выше упоминалось, что в Вологодской губернии, помимо описываемого промысла, существовало немало мастерских, именовавшихся фабриками,

устроивавшихся помещиками при своих усадьбах. Ближайшая такая фабрика находилась в трех верстах от Вологды в деревне Ковырино, принадлежавшей помещице г-же Засецкой. В настоящее время там осталась одна только старушка-кружевница, Анна Михайловна.

Г-жа Засецкая была большая любительница всяких женских рукоделий, так передавала мне почтенная и всеми уважаемая Анна Михайловна, и потому она задумала и кружево у себя в деревне завести. С этой целью она выбрала ее, одиннадцатилетнюю девочку Аннушку, и послала обучаться плетению кружев в Пошехонье, в имении гг. Окуловых, где подобная фабрика уже существовала.

Выучившись там всем приемам, Аннушка возвратилась домой, завела в Ковырине все, как это было у Окуловых, и стала учить дворовых девушек.

«Кружево плелось только немецкое, т.е. на манер «заграничного». Узоры господа выписывали, сами перерисовывали и сдавали их Аннушке для того, чтобы она приурочивала их к плетению, т.е. наводила бы сетку и делала сколки.

Девочек у Засецких училось немного. Анне Михайловне удалось сформировать только семь мастериц. В 1883 году почтенной рассказчице было «восемьдесят, лет без одного годка», – следовательно все дело было налажено в Ковырине – около двадцатых годов настоящего столетия. Изготавливавшееся на фабрике кружево не шло в продажу. Засецкие были помещики богатые, и потому часть кружева употреблялась на отделку платьев и белья для дочерей г-жи Засецкой, часть же откладывалась им же в приданое. Анна Михайловна говорила мне, что, кроме аршинного кружева, у них мастерицы изготавливали воротнички и чепчики. Последние выплетались даже с серебряными и золотыми цветочками.

Когда мода пошла на разные кружева вологодские, г-жа Засецкая посылала Анну Михайловну к А.С. Брянцевой, чтобы поучиться там новым манерам.

По рассказам Анны Михайловны, не было мало-мальски зажиточных помещиков у них в губернии, у которых дворовые не плели бы кружева. При этом и нитки готовились свои, так как у всех были свои пряжи, и только самую тонкую выписывали всегда и звали ее «ниткой драбанской».

Выходя замуж, ковыринские мастерицы оставляли свое занятие. Свою же первую мастерицу, Анну Михайловну, г-жа Засецкая не захотела выдавать замуж.

Наследники г-жи Засецкой, устроившее, по ее завещанию, богадельню в деревне Говорове, назначили ее туда старшей. Ведет она порученное ей дело прекрасно, и все призреваемые там «бездоброхотные старушки» (одинокие, бездомные) не нахвалятся ее обходительностью и заботливостью. Они передавали мне, что «Анна Михайловна и по сейчас кружева плетет, только уж не прежние, а нынешние. Работает она без очков и видит хорошо, верно потому, что табак нюхает. Много сидеть за кружевной подушкой ей недосуг, а все десяток-другой на 60-70 коп. продаст. Вот Богу-то на свечку да на масло и будет».

В настоящее время нигде уже не видно даже остатков прежнего заведения «господских кружев», никто их не готовит, и, кроме Анны

Михайловны, представительниц прежних мастериц мне нигде не пришлось встретить.

На мои вопросы относительно такого положения, все отвечали, что по теперешним ценам невозможно плести тонкое кружево. К тому же, недостаток хорошей нитки, устаревшие рисунки, а главное, полнейшее отсутствие требования моды на такой сорт кружев, дали вполне заглухнуть этому рукоделию.

Оставшиеся сколки указывают на то, что большая часть кружев, изготовлявшихся в усадьбах помещичьих, принадлежала к сортам Malines и application de Bruxelles.

Многие помещики, имея фабрики довольно значительных размеров, высылали свои кружева в Петербурга и Москву на продажу, так как приготовлявшиеся у них изделия находили многочисленных ценителей и покупателей.

С распространение кружевного промысла в селениях, цена на труд кружевниц сильно упала. Местные мастерицы, да и торговки, рассказывали мне, что деревенские плетели работают, «наложное», «круче» городских. Живут же они относительно скромнее, да, к тому же, и с экономической стороны большинство из них лучше обставлено.

Таким образом, соразмерно с развитием кружевного промысла в Вологодской губернии, согласно заявлению местных жителей, цена, да и самое качество кружев в массе произведений несколько понизились.

IV. Внешняя обстановка и производство промысла.

Мы знаем из всех предыдущих очерков о кружевом промысле, что работа производится мастерицами у себя на дому.

Только в летние дни, в городе, иногда подруги собираются в сад, вместе поплести кружево, а в деревнях посиделки собирают молодежь в долгие зимние вечера, и тут, в разговорах и в песнях, и кружево более спорится в руках.

Что же касается орудий, то в Вологде употребляются подушки, подставки или пальцы, сколки, булавки и бумага, какие употребляются и в других местах производства кружев.

Только коклюшки в Вологде отличаются своей легкостью и аккуратностью отделки. Их точат особые мастера. Первое обзаведение мастериц стоит очень недорого: подушка круглая обходится в 30-40 к., сотня коклюшек 40 к., пальцы или станок 30-40 к., 100 булавок 5 к. Итого 1 р. 25 к.

Материал, употребляемый для плетения кружев в Вологде неизменно следующий:

- 1) Нитки разных сортов толще, и тоньше, белые и суровые.
- 2) Бумага разных №№, преимущественно 60-70, бумага лощеная, бумага красная и синяя нессученная.

3) Шелк черный, разноцветный, преимущественно красный, синий, зеленый, желтый, также лиловый; для больших вещей, как то: косынок, воротничков и рукавов шелк кремовый.

Все означенные материалы можно получать в местных лавках. Забирая их, городские мастерицы, работающие за свой счет, пользуются от товарохозяев и которым кредитом. Деревенские же мастерицы в городских лавках кредита по имеют. Вологодские кружева по технике работы делятся на два разряда: на кружева «сцепные» или «прицепные» и на кружева вообще, в самом широком смысле этого слова. Сцепные кружева изготавливаются малым числом пар коклюшек, начиная от 6 пар и не свыше 9-10; остальные же все плетутся большим числом пар, до 300 и выше.

Как одним, так и другими манером, вологодские мастерицы владеют довольно свободно; только в общей сложности кружев, многими парами коклюшек изготавливается гораздо больше, особенно в деревнях.

Согласно разрядам, и названия кружев делятся на названия общие, т.е. объединяющие в одном слове понятие о технике и узоре, и названия частные, поясняющие только составные части его. К первому следует причислить выражения: кружева «русские», «сцепные или прицепные», «фантажные», «гипюрные», «клюни», «численные», «сколочные», «немецкие», «валансьен» и «брюссель» 4) [Последние два сорта изготавливаются только г-ми Брянцевыми]. Ко второму: «насновки», «новинки», «мушки», «дорожки полотнянкой», «оплет», «перекидка», «рефитка», «сердечки», «опахальца» или «блондочка», «головки маленькие», «воронья лапка», «черенки», «косячки», «листочки», «звездочка», «кляунчики», «стежные денежки» и «денежки простые»; решетки: «французская», «канфарная» и «тюлевая» или «немецкая».

Все эти названия так хорошо усваиваются мастерицами, что служат как бы своим собственным техническим языком.

Из всех только что поименованных разрядов, одно «сцепное» и «русское» кружево могут служить образцами местного типичного плетения. Рисунки старинных сцепных кружев находятся на таблице XLVII, рис. 1 и 2 и на таблице XLVII' рис. 1 и 2. Другие рисунки того же типа (табл. XLIX, рис. 1, 2 и 3 и табл. L, рис. 1, 2 и 4) принадлежат к более позднему времени. Рисунок старинного русского кружева находится на таблице L, рис. 3 и на табл. XLIII, рис. 2.

Новейший тип «вологодского манера» представлен на рисунках таблицы LI. Сравнив все эти рисунки, мы увидим ясно, каким изменениям подвергся «старинный вологодский манер» плетенья, под давлением моды и трудами г-ж Брянцевых, которые пользовались настолько же каждым новым, занесенным в Вологду образцом, насколько и своей личной, весьма богатой фантазией, чтобы вносить как можно более разнообразия в свое рукоделие.

В приведенных выше очерках, не раз упоминалось о размере заработка мастериц, причем авторы статей не всегда бывали согласны между собой. В них также ни разу не говорилось о количестве изделий, какое одна мастерица в состоянии изготовить в Вологде, принимая во внимание разные разряды кружев.

Благодаря любезному содействию г-ж Брянцевых, мы можем пополнить

этот пробел, и составить таблицу. Указания эти приобретают особенную цену ввиду того, что, основываясь на подобных положительных данных, возможно, до известной степени точно, определить дневной, а, следовательно, и годовой заработок мастериц.

Г-жа Брянцева обозначила также и стоимость материала, необходимого для изготовления каждого образца.

К-во аршин	Наименование предметов	Во ск. дней изгот.	Стоимость кружева в продаже		Стоимость материала коп.	Стоимость работы		Дневной заработок мастериц к.	
			р.	к.		р.	к.		
Гор. Вологда									
<i>Кружево штучное</i>									
2	Конца для полотенца	18	7	-	50	6	50	26 2/18	В среднем 25 67/72 к. в день
1	Воротничок	5	1	-	03	-	97	19 2/5	
1	Воротник с рукавами	8	1	75	10	1	65	20 5/8	
1	Шелковый шарф	6	1	75	40	1	35	22 1/2	
1.	Нитяной шарф	6	1	25	12	1	13	18 5/6	
1.	Кокетка с рукавами	5	1	50	12	1	38	27 3/5	
<i>Аршинное кружево (Расчет стоимости и материала на 10 аршин)</i>									
14 верш.	Кружево с красн.	1	2	50	20	2	30	21	В среднем 20 3/7 к. в день
1 арш.	Прошивка	1	2	50	20	2	30	23	
8 верш.	Край русский	1	4	-	35	3	65	18 1/4	
8 верш.	Прошивка idem	1	3	-	30	2	70	13 1/2	
3/4	Край	1	3	-	25	2	75	14	
1	Кружево клюни	1	3	-	30	2	70	27	
1	прошивка	1	3	-	30	2	70	27	
Деревня Говорово									
<i>Кружево аршинное</i>									
2	Головки	1	-	60	05	-	55	13	В среднем 17 3/4 к. в день
1 1/2	Суровое с красным	1	1	60	10	1	50	22 1/2	
Село Кубенское									
<i>Кружево штучное</i>									
1	Кайма для платка	9	1	60	15	1	45	30	В среднем 23 к. в день
1	Idem	4	1	-	10	-	90	24	
1	Воротник и рукава кремовые шелковые	8	3	-	60	2	40		

1	Кокетка с рукав.	5	1	30	10	1	20		
---	------------------	---	---	----	----	---	----	--	--

Согласно с только что полученными вычислениями видно, что штучное кружево лучше оплачивает труд мастериц. Такой вывод совершенно верен, так как изготовлением штучных вещей занимаются лучшие мастерицы, и потому они легче могут получить более возвышенную плату за труд.

В Говорове, куда плетение кружев еще не так давно проникло и где молоденькие девушки «промеж поры», т.е. не слишком усидчиво, между делом, работают, заработок много уступает городским мастерицам, даже и тем, которые плетут аршинное кружево.

Зато о селе Кубенском этого сказать нельзя. В нем работа плетей нисколько не уступает работе вологодских кружевниц. Можно даже сказать, что некоторые вещи, как то: каймы для платков из ниток и воротнички с рукавами из «кремового шелка», купленные мною на месте, выплетены так хорошо, что оставляют далеко за собой подобные же вещи, виденные мною в лавках в городе. Ежели же в среднем их заработок составляет сумму несколько меньшую, то это следует отнести всецело к тому, что деревенская работа, как бы прекрасна она ни была, сдается мастерицами всегда дешевле. Поэтому в Кубенском, рассказывая о заработках мастериц, торговки, да и сами плетей всегда присовокупляли: «На что уж такая-то хорошая плетя ходка на работу, а больше 25 коп. в день никак не заработает.

В общем, каждая городская мастерица, работая 260 дней в году, не менее, может заработать на штучном кружеве до 67 р. 60 к. в год, на аршинном – до 53 р. 30 к.

В деревнях на штучном кружеве, работая всего 182 дня- до 41 р. 86 к. в год, на аршинном – до 32 р. 30 к.

Что же касается производительности мастериц, то, согласно указаниям С. П. Брянцевой и составленной мною таблице, одна мастерица в Вологде может наготовить в год штучных кружев: концов для полотенец – 10 штук, воротников – 7 штук, воротничков с рукавами – 5 штук, шелковых шарфов – 5 штук, нитяных шарфов – 5 штук, кокеток с рукавами- 7 штук. Итого: больших и малых вещей в среднем до 39 штук в год. Аршинных кружев разной ширины до 211 4/16 арш. в год.

В деревне Говорове, где плетут все только мелкое кружево, производительность мастериц гораздо больше, именно до 318 ½ арш. на каждую мастерицу в год.

В Кубенском одна мастерица может наготовить штучных изделий: кайм для платков до 14 штук, воротничков и рукавов шелковых 7 пар, кокеток с рукавами 7 штук. Итого: до 28 штук разной величины и достоинства в год.

Все кружевные изделия принимаются торговками без всякого брака, хотя, конечно, плохие вещи оплачиваются ими по удешевленной цене.

V. Представители личного труда, санитарные и культурные условия.

Все мастерицы в городе начинают работу свою в 8 часов утра и

заканчивают ее в 11-12 часов вечера. На образующихся при этом 16 часов работы, плетей уделяют немного времени на еду, служащую им вместе с тем и отдыхом.

Едят же мастерицы, смотря по достатку. В семьях зажиточных перед началом работы кружевницы пьют чай; в 11 часов они перекусывают: при этом едят хлеб с соленым огурцом, или картофель, и запивают чаем. Обедают большей частью горячим, часов около 4-х пополудни пьют чай, а затем ужинают часов в 10 вечера.

В семьях бедных все перекуски ограничиваются сухим хлебом. Говядины они почти не видят; кое-какое горячее готовят не каждый день. Зато в чае, этом любимом препровождении времени всех мастериц, никто себе не отказывает. И пьют же они его несметное количество чашек, вприкуску, а иногда и вприглядку, так как фунт сахару в Вологде стоит всегда 24 коп., иногда же цена его бывает и дороже.

При плохом питании, продолжительная работа за кружевной подушкой очень изнуряет плетей. Г. Арсеньев говорить, что «плетение кружев очень утомительно в физическом отношении. Конечно, привычка к сидению с пяти лет значительно уменьшает вредное влияние кружевного ремесла, но шестнадцатичасовое сидение должно сильно сокращать жизнь кружевниц.

Со своей стороны замечу, что в Вологде, как и всюду, плетей жаловались мне на усталость спины и боль в затылке, происходящие от наклонного положения головы во время работы; на другие же недуги, какие-либо особые, специально принадлежащие кружевничеству, никто никогда мне не указывал. Даже зрение не слишком сильно страдает, по крайней мере, не более, чем при других, более или менее тонких женских рукоделиях.

Все пожилые мастерицы говорили мне, что годам к 38-40 глаза будто сразу хуже видят, но потом опять поправляются. Живым примером необычайно хорошо сохранившегося зрения может служить почтенная Анфия Федоровна Брянцева. Ей, в 1883 году, было 72 года. Несмотря на крайне усидчивую работу в течение всей жизни, она на 73-м году плела тонкое кружево, вышивала атласники, выделявала всевозможные ажурные на довольно тонком полотне, сама рисовала и даже колола сколки. Все это она делала с помощью очков, которые, между прочим, всегда носила на лбу. Еще большего удивления заслуживала представительница семьи Малафеевых.

Последняя умерла на 94-м году жизни и только за полгода до смерти перестала плести тончайшее кружево, работая всегда без очков.

Вообще замечено, что только те плетей сильно изнуряются, которые, высиживая, в течение осени, зимы и весны по 14 – 16 часов в сутки за кружевной подушкой, не имеют возможности восстановить свои силы летом, занимаясь в своих собственных огородах, или в чужих, или принимать деятельное участие в других поденных работах, упомянутых выше в настоящем очерке.

Относительно характера городского населения, по-видимому, в былое время, сложилась целая песня. Из нее, автор статьи, напечатанной в «Акционере» (1860 г., № 43, стр. 171), приводит только два стиха, оговариваясь, что они неверно характеризуют мастериц. Тем не менее,

привожу эти стихи, так как мне впервые пришлось здесь ознакомиться с стихотворением, посвященным кружевницам:

«Горожанки-воложанки беспокойные завсегда,
«Беспокойные завсегда, не спят ночи никогда!»

Правда, они не прочь и погулять, поясняет автор указанной статьи, но, просидевши целый день за утомительной работой, извинительно и развлечься; притом и на самых гуляньях воложанки, особенно трудолюбивые и домовитые, отличаются безупречною нравственностью.

В настоящее время мне передавали в Вологде то же мнение, уверяли, что в нравственном отношении кружевницы стоят выше своих сверстниц, избравших себе другой род занятий, как то: белошвей, портних, шляпниц и т. д.

Объясняли это явление большей замкнутостью жизни и исключительно семейным характером промысла, вследствие чего кружевницы приходят реже в столкновение с внешним миром.

Такое хорошее влияние промысла сильно, однако же, парализуется обычаем, предоставляющим каждой мастерице вполне и почти бесконтрольно расходовать зарабатываемые ею деньги. Такой обычай, при сравнительно больших заработках кружевниц, приучил их к большому щегольству.

Вот маленькая характеристика семьи одной чрезвычайно почтенной вдовы, занимающейся плетением кружев со своими пятью дочерьми, из которых младшей всего восемь лет.

Семья эта живет в собственном доме, и любо смотреть, как у них все чисто и приветливо. Все дочери работают зимой с пяти часов утра и до двенадцати ночи; летом же плетение заканчивается к девяти часам вечера, так как при доме находится довольно изрядный цветник, где девушки разводят разные растения: луковичные, георгины и др., продаваемые ими городским обывателям. Эта семья почти никаких сношений с торговками не имеет. Она получает заказы преимущественно от частных лиц. Такой способ ведения дела настолько лучше оплачивает труд мастериц, что младший член этой семьи, по заявлению матери, выплетает в неделю кружев на 1 рубль, а иногда на 2 рубля. И надо видеть, с каким прилежанием восьмилетняя девочка сидит за своей подушкой – просто глаз от нее не отводить. Но зато и личико у нее почти сквозное; всё жилки на висках и на лбу так ясно вырисовались, а носик так настойчиво вытянулся и заострился, как это бывает только у детей, сейчас покинувших свою постельку после тяжелой и долгой болезни.

На все вопросы, обращенные к матери ее, о причинах такого необычайного прилежания, она пояснила мне, что девочка эта до того любит наряды, что она только из-за них так и надрывается. Главное же, ей хочется за свои деньги, самой себе выбирать материи. Дабы мать ее в этом не мешала, она обещала ей уплатить «наливы», т.е. дать 15 коп., чтобы спрыснуть обнову, лишь бы она ей позволила по собственному вкусу платье то сшить.

Старшие сестры ее заражены тем же недугом – как известно – общим всем кружевницами. Так, в будни, работая не разгибая спины, они одеты

просто, но чисто и прилично. Зато во время ярмарок, где есть стечение публики, ежели им приходится выйти, они являются в шелковых платьях; зимою же в бархатных шубках, отороченных мехом, до того разряженными, что в них и не признать скромных и милых кружевниц.

Когда мода была носить так называемые «зуавки» (кофточки) и платье с «рапьер», все мастерицы стремились заполучить «платье с паньем», или со «вздувалочками» (зуавки).

Страсть к нарядам и возможность удовлетворять эту страсть посредством личного заработка развила тоже в деревнях непомерное щегольство. В селе Кубенском мне рассказывали, что в былое время, когда все население занималось пряжей и тканьем холстов, и ситцевое платье считалось уже роскошью. В селе наперечет знали, у кого и какие ситцевые платья водятся. Впоследствии, деревенские девушки, глядя на городских, стали смекать, что на кружевах больше заработаешь, чем сидя за своими ткацкими станками, да и работа не в пример легче. Вот они и задумали во всем подражать городским мастерицам. Теперь уже в деревне и шерстяное платье не обращает более на себя внимания: все хотят в шелку ходить.

Дабы получить необходимые средства для удовлетворения таких прихотей, девушки сидят по 19 часов в сутки за кружевной подушкой. За зиму они до того изнурятся, что лица на них нет, и только летом, за уборкой сена, а там и во время жатвы, они опять поправляются. На вольной работе, плетей так здоровеют, говорят местные жители, что их просто не узнать.

По заявлению торговок, во всех деревнях хорошая мастерица легко может заработать от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. в неделю. «Что в городе сделают в пять недель, то в деревне, «усидом сидевши», плетей изготовят в три недели».

В деревнях девочек с пяти лет также приучают и к плетению кружев. Мне случилось познакомиться с девочкой десяти лет, которая, усердно посещая школу, успела, работая дома, в копилочку накопить семь рублей, вырученных за продажу изготовленных ею кружев. Такая бережливость указанной девочки была, впрочем, чистой случайностью. Ее родители располагали такими прекрасными средствами, что ей не приходилось тратить на себя ни копейки из зарабатываемого ею личным трудом.

Нельзя не упомянуть тут же, что родители зачастую много сами виноваты в развитии вкуса к роскоши в детях своих. Они наряжают их и думают только о внешнем благообразии.

В деревнях Широгорье и в Говорове мы встречаемся с теми же фактами. Охота наряжаться заставляет поселянок работать так «надежно», что у них в один вечер успевает выгорать целый фунт керосина в очень сравнительно маленьких лампочках. При такой усидчивости, они зарабатывают от 20 до 30 коп. в сутки. Грустно подумать, что такой труд направлен, большею частью, для удовлетворения прихотей моды. Мне рассказывали, что «ноне девушки заказывают себе ботинки на резинках и платят за них от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп.». Любопытнее всего, при этом, что они вовсе и не думают торговаться с мастерами: другая сама еще набавляет цену, лишь бы «заполучить сапожки с каблуками новыми, да чтобы подруг-то перещеголять». О приданом девушки начинают рано заботиться в деревнях. При случае, родители их, а иногда и они сами,

покупают платья шелковые и шерстяные, пальто, меховой воротник и т. под. Дома же старухи еще заготавливают для них холсты, ткнут скатерти, полотенца и убрusy.

Обычай ходить после свадьбы на «перебаску» 1) [одно из празднеств после венца], поддерживает в девушках заботу о нарядах. На «перебаске» молодая должна надевать самое лучшее свое платье и несчетное количество рубах, подол коих должен быть разукрашен шитьем, но так как много рубах надевать за раз неудобно, молодые украшают себя только расшитыми или затканными бумагой «станами». Мне передавали, что не так давно, одна молодая явилась на перебаску, имея на себе семнадцать станов.

Платья молодая должна, по возможности, менять, дабы показать все свое богатство, потому что все односельчане приходят на нее смотреть. Обычай этот так силен и необходимость менять наряды так настоятельна, что молодые из бедных семей нередко заимствуют для перебаски платья у своих подруг.

Что же касается деревень в Грязовецком уезде, то, по рассказам местных грязовецких жителей (из крестьян), там роскошь еще сильнее. Она проникла в сельское население, главным образом благодаря тому, что многие мужья и сыновья уходят в Петербург, где специально посвящают себя служению в трактирах, в качестве половых или буфетчиков. При этом они зарабатывают очень много. Бывают между ними особенно тороватые, высылающие своим родным в деревню до двухсот рублей в год.

Эти же самые мужья и сыновья, возвращаясь от времени до времени к себе, завозят моды. Так, в деревнях теперь видны шляпы, зонтики, пальто, дипломаты или дипломаты. Даже пудра там появилась, и девушки ее употребляют, чтобы лицо было «попышнее». О белизне рук также немало хлопчут.

Самое большое щегольство для женщин и девушек заключается в часах с цепочкой; для мужчин – в калошах.

Там же выучились танцевать что-то совершенно непонятное, называемое «кадрель». Танцующее, выделявая какие-то «pas», припевают:

«Стоит сосна, стоит ель,
Протанцуйте кадрель».

Из всего изложенного нетрудно судить о культурном состоянии описываемого населения.

Всюду слышится та же фальшивая нота, о которой мы имели не раз случай упоминать и в других очерках кружевного дела, а именно – стремление к нарядам и к внешнему только благообразию, ведущим ко всяким сделкам, расстраивающим и разоряющим семьи. Звучит же эта нота тем безотраднее, что не предвидится, где может быть предел зародившегося и взлелеянного направления, для противодействия которому пока ничего не предпринимается.

Работая, смотря по достатку, из собственного материала или из получаемого от торговки при заказах, все мастерицы-кружевницы являются

представительницами личного труда.

При этом маленькие девочки обучаются при старших обращению с коклюшками и булавками.

Только к С. П. Брянцевой продолжают еще заходить, кое-когда, молоденькие девушки, чтобы перенять новый манер.

Правда, из деревень и теперь еще знакомые или подруги городских мастериц заходят со своими подушками, тоже чтобы перенять новый узор или заучить новый способ, но все это делается без всякого уговора, а просто по дружбе.

Таким образом, каждое нововведение в «кружевной области», переносится из города в деревни, и там нередко подвергается сильному искажению, так как деревенские мастерицы, стараясь скорее напелсти десяток – другой кружев, уменьшают число пар коклюшек, вследствие чего и самый узор изменяется.

VI. Сбыт изделий.

Первоначально в Вологде было весьма мало торговков кружевом. Три-четыре да и обчелся, как говорится. Эти промышленные особы, своей изворотливостью и неустанной деятельностью сумели сколотить копейку, и даже дома нажить. Пример был так заразителен, что вскоре в городе развелась масса посредниц, получивших свои особые наименования, как то: локовщицы, скупщицы, кубенки, комиссионерши, торговки – словом целая армия, живущая на счет работы бедных кружевниц.

Все эти лица им тот более или менее свою специальность в торговле кружевом. Более важные выдают материал и делают заказы, пользуясь услугами скупщиц, которые обходят дома мастериц, собирают заказной товар, и покупают при случае и готовый. Менее важные выходят по понедельникам на площадь, у церкви Благовещения, где происходит главный торг кружевом в Вологде, и поджидают плетей и кубенок, и тут же скупают без разбора все, что приносят из города и деревень, но зато и цены на кружево сбивают донельзя.

С развитием кружевного промысла в деревнях и селах, и там выработался постепенно свой особый род или тип посредников и посредниц. Местные жители рассказывали мне, что в начале, когда у них в деревнях стали плести кружева, мастерицы не могли, без явного ущерба для работы, носить в город десяток-другой своего плетения, и потому они обыкновенно подыскивали случай и поручали лицам, выезжавшим по своим делам в Вологду, сбывать там также и их изделия. Такой способ послужил первой связью в сношениях города с деревней.

Вскоре за дело взялись люди состоятельные, именно хозяева лавок, находящихся в каждом селе. Эти лица установили, можно сказать, меновую торговлю на кружево, выдавая за него колониальный красный товар и материал для плетения, и доплачивая лишь разницу деньгами.

Не имея времени ходить по избам, подбирать товар и следить лично за исполнением розданных заказов, хозяева таких лавок стали пользоваться услугами посредниц, явившихся на помощь делу.

В селе Кубенском поселяне собираются на торги по четвергам. К этому дню из всех окрестностей доставляют также и кружево, Подобрав большую парию, крупные скупщики (на иных работают до 300 мастериц) отправляют свой товар прямо в Петербург и в Москву. Маленькие же партии выносятся из Кубенского коробейщицами-торговками, занимающимися разной торговлей.

По исчислению лиц, хорошо знакомых с делом, кружева, изготовляемые в деревнях, проходят иногда чрез семь посредниц, пока, наконец, попадают в руки настоящих потребителей.

Первые сборщицы пользуются приблизительно 3 коп. с рубля чистого барыша. Следующие удерживают копеек по 6, потом другие по 8-10 коп., наконец главные торговки, сортирующие партии, берут до 15 коп. чистого барыша с каждого рубля. Можно себе легко представить, как низка должна быть первоначальная стоимость кружев, когда, переходя столько инстанций, они приобретаются потребителями сравнительно за очень невысокую цену.

Нельзя не отметить тут же весьма любопытного факта, а именно, что вологодские кружева были единственные в России, вызвавшие одно время такую оживленную торговлю, что заниматься скупкой их и продажей не гнушались даже лица служащая и занимающие известное положение в обществе.

Главными центрами сбыта для вологодских кружев служили всегда и продолжают служить столицы: Петербург и Москва. Отсюда они расходятся по всей России. За границу, как мне передавали, их вывозят также в изрядном количестве, но куда именно – мне не удалось разузнать. Нужно ли упоминать здесь, что вологодские торговки, также как и торговки в других центрах кружевной промышленности в России, никаких улучшений в кружевные изделия не вносят, и о преуспевании промысла в качественном отношении вовсе не заботятся.

В заключение, небезынтересно будет сопоставить здесь цифровые данные, относящиеся к определению годового оборота с кружевным товаром в описываемом районе. Г. Арсеньев, в 1882 году, определял производство кружева в городе Вологде и в уездах Вологодском и Грязовецком на сумму до 70,000 руб. При этом г. Арсеньев делал оговорку, указывая, что сумма эта должна быть ниже действительной.

Согласно же сведениям, полученным мною в 1883 году от г. Княжнина на месте производства исследований, оказывается, что одни селения в волостях Кубенской и Архангельской вырабатывают в год кружев на 70-80,000 рублей, не говоря о тех, более еще отдаленных, деревнях и селах, где проследить изготовление кружевных изделий мне еще не удалось. Но и этих выводов, дающих нам в общей сложности от 140-150,000 рублей в год для известного района, достаточно, чтобы отнестись с полным вниманием к промыслу, посредством которого вся эта сумма привлекается в Вологодскую губернию из более богатых центров, и, что особенно важно, весьма равномерно распределяется среди массы нуждающегося населения.